

Елена Николаевна Грицак Пекин и Великая Китайская стена

Памятники всемирного наследия

«Е.Н.Грицак Пекин и Великая Китайская стена»: Вече; Москва; 2005 ISBN 5-9533-0778-0

Аннотация

Отгороженный от мира в буквальном смысле, Китай не был загадочной страной ни в древности, ни в более поздние времена. Великая стена защищала от врагов, не являясь преградой для тех, кто прибывал в страну с дружескими намерениями. Однако для того, чтобы стать другом, чужестранцу приходилось осваивать невероятно сложный этикет, изучение которого не мыслилось без знаний истории и местных обычаев. Запас сведений о традициях, искусстве и архитектуре Китая также полезен и нашим современникам, особенно тем, кто намеревается в ближайшем либо далеком будущем посетить это своеобразное государство.

Елена Николаевна Грицак Пекин и Великая Китайская стена

Введение

Только умный может постичь то, что я здесь излагаю. Шан Ян

Великий знаток человеческой природы Чарльз Дарвин справедливо утверждал, что «полное или частичное вымирание рас и племен есть исторически доказанный факт». Ожесточенные столкновения в каменном веке действительно приводили к гибели целых народов. Вначале исход сражений решала грубая сила, участие жен и детей, а затем победить помогали укрепленные пещеры. В дальнейшем преимущество воинам обеспечивали заточенные камни, дубинки, ядовитые стрелы. В доисторические времена пленных убивали,

а бегущих преследовали как зверей. Иная участь ожидала женщин: победители присоединяли их к своим народам, невольно давая начало новым расам.

Вероятно, именно так в мире появились люди с иссиня-черными волосами, узкими глазами, широкими лицами и желтой, как песок океанского побережья, кожей. Однако по легенде китайская цивилизация начиналась мирно. Примерно 7 тысячелетий назад к южным берегам будущей великой державы причалила флотилия лодок, в которых находились странные существа. Первой на новые земли вступила дочь Великого владыки юга Шеньнуна, прекрасная Нюйва. Девушка со змеиным телом и человеческой головой держала в руках зерна риса, собираясь вручить людям дар своего божественного отца. Ее потомки называли себя мань-и, или «народ дракона».

По примеру Нюйва предки китайцев не отягощали себя одеждой, украшая обнаженные тела сплошной татуировкой. Их дома располагались на стоянках, занимавших большие участки выжженного леса вдоль берега океана. Они жили на одном месте до полного истощения земли, а затем переходили на другой участок, благо плодородных земель вокруг имелось достаточно. Деревни мань-и представляли собой оседлые поселения, состоявшие из двух установленных на сваи домов с крышами, изогнутыми в форме лодки. В одной из построек спали мужчины-охотники, а две половины другой занимали дети и женщины, прекрасно справлявшиеся с обработкой земли.

«Народ дракона» не признавал господства мужчины. Обилие пищи смягчило характер людей: земледелие избавило от необходимости убивать себе подобных и, кроме того, возвысило женщину. В глубокой древности представительницам слабого пола поклонялись как богиням плодородия, их считали главными в роду, позволяли делать выбор супруга и нередко объявляли вождями союза племен. Самая лучшая женщина рода в качестве ценного дара каждый год преподносилась духам реки. Об этой церемонии можно узнать из книги китайского писателя Юань Кэ: «Из дома выходила шаманка, выбирая духу подходящую жену. Найдя девушку, она объявляла ее невестой бога. Жертве давали деньги в приданое, купали ее, одевали в новое платье и временно помещали в отдельный дом, где она жила около 10 дней, питаясь вином и мясом. К свадьбе девушку наряжали. Родственники в ее честь приносили жертвы на берегу реки. Мать плакала, обнимая дочь в последний раз. После этого красавицу укладывали на постель с циновками, несли к реке и бросали в воду».

Заселив почти все низовье голубой реки Янцзы, мань-и медленно продвигались к северу, пока не дошли до границы Желтой страны, где жили охотничьи племена. Степные предки китайцев назвали свои земли по цвету почвы гигантского лессового плато. Мелкая, словно порошок, земля этого края была такой легкой, что «солнце едва просвечивало сквозь поднятую пыль». Дожди смывали грунт в две большие реки — Хуанхэ и Вейхэ, превращая их в мутные желтые потоки.

Лессовое плато в северо-западной части Китая

В следующем тысячелетии Желтую страну населял народ, образованный мирным союзом степняков и мань-и. Охотники быстро переняли от южан навыки земледелия, правда, из-за сухого климата предпочитали возделывать не рис, а просо. Приняв обряд поклонения дракону, они отвергли главенство женщин и не стали изменять себе в ремеслах, например сохранив верность яркой расписной керамике, которая выгодно отличалась от грубой посуды колонистов. Оторванный от мира степной народ бережно хранил свою цивилизацию. Известно, что к приходу мань-и в долинах Хуанхэ существовали крупные поселки с крепостными сооружениями, жилыми и общественными зданиями.

Расписной глиняный кувшин, эпоха неолита

Если верить преданиям, населению Желтой страны пришлось испытать первую большую войну. Против полчищ таинственных великанов с головами буйволов выступило войско под предводительством Хуанди.

Северян защищали медведи, тигры, барсы, ягуары, правда лишь в виде рисунков на племенных стягах. Незваные гости проиграли, а их вождь попал в плен и был казнен. Видимо, пленными стали и многие из его соратников, потому что именно этим можно объяснить появление в Китае повозки и неизвестного раньше обычая поклоняться нефриту. Однако сам факт большой войны вызывает сомнение, чего нельзя сказать о мирном вторжении мань-и, которые привнесли в долины желтой реки Хуанхэ достижения южных стран.

Согласно одной из множества легенд, супруга Хуанди открыла секрет изготовления шелка. Немного позже некий И Ди предложил соотечественникам сладкое вино, а простой строитель Бо И научил их добывать воду из колодцев. Тогда же в Желтой стране начали разводить буйволов, применять гончарный круг и торговать красивыми расписными вазами. Таким образом, недавно замкнутая в себе цивилизация вступила в общение с миром.

Допекинские времена

В этой стране все желтое – земля, вода, мглистый воздух, даже небо, на котором солнце едва просвечивает сквозь поднятую пыль.

Жан Жак Элизе Реклю

Слово «Китай» происходит от названия народности «кидань», некогда населявшей государство Ляо. Древняя империя чаще называлась Срединным государством (кит. Чжунго), хотя имела и другие поэтичные имена: Поднебесная (кит. Тянься), Срединный цветок (кит. Чжунхуа), Срединная равнина (кит. Чжунюань), Восточная заря (кит.

Чжэньдань). Реже Китай именовался по происхождению правителей — Небесная династия (кит. Тяньчао). История этой удивительной страны насчитывает более 7 тысячелетий, и почти треть этого периода занимает время цивилизации. Если началом древней китайской культуры принято считать эпоху Инь, то концом — крушение империи Хань, которая перестала существовать в первых веках новой эры. Воистину золотой серединой, апогеем расцвета самого государства, а вместе с ним науки, искусства и зодчества послужил период господства династии Цинь. К названию рода, обессмертившего себя возведением Великой китайской стены, историки относят наименование самой страны, ведь на персидском языке слово «Китай» звучит как «Чин», что созвучно латинскому термину «China».

Древняя культура Китая представлена в основном глиняной посудой и отдельными фрагментами зданий. Все ранние постройки отличались крайней скупостью декора, действительно неуместного рядом с величаво-монументальными формами, изумляющими своей мощью и совершенной простотой. К сожалению, архитектура стройных пагод, колоссальных стен и башен, огромных гробниц и великолепных дворцовых ансамблей сохранилась лишь в легендах. Единственным цельным памятником является Великая стена, по виду которой можно судить об истоках мастерства китайских строителей, их особом понимании красоты.

Инь, ян и Цинь

К началу II тысячелетия до н. э. предки современных китайцев выработали иероглифическую систему письма и уже давно жили по лунному календарю. Первое их государство принято называть так же, как и временной период, — Инь. Его разумное население, занимая небольшую часть территории будущей Поднебесной, существовало в условиях постоянных межплеменных войн. Люди боролись за пастбища, отбирали друг у друга угодья, осуществляли набеги с целью захвата скота, оружия и прочих материальных ценностей. В рамках примитивных земледельческих культов совершались массовые убийства, в которых жертвами становились побежденные воины, тогда как остальные пленники обращались в рабство.

Легенды приписывают создание враждебной ситуации вторжению ариев — воинственных кочевников с севера, поклонявшихся земле и необъятному небу. В Китае сохранился памятник второй большой битве, по преданию, произошедшей в начале эпохи Инь между ариями и «народом дракона». Едва заметные издалека руины некогда были постройкой, где лежал священный меч, которым вождь победителей запугал божественного змея. В китайских землях степняков звали шанами. Добравшись до берега Хуанхэ, белокурые пришельцы распрягли коней, заняли пастбища и дома черни (кит. цзюли), как они называли смуглых черноволосых туземцев. Спустя некоторое время арии основали столицу в крепости Бо. Ее стены, подобно всем городским строениям, представляли собой плотно утрамбованный грунт, засыпанный между деревянными рамами; крыши зданий тогда покрывались тростником. Члены царского рода считали себя потомками Великого небесного владыки Тянь Шанди. Соответственно, вождь, избранный военной аристократией и жрецами, именовался «Сын неба», или «ван». Главари более низких родов имели статус князей и назывались «гун», «бо», «хоу».

Оформившиеся в сословие воины (кит. ши) присягали вану и в награду за службу имели право пользоваться трудом крестьян. Верховный владыка исполнял роль царя-жреца, что характерно для многих цивилизаций древности. Помимо управления государством, в его обязанности входили арбитражный суд, организация полевых работ и массовой охоты, а также исполнение ритуалов, в частности жертвоприношения духам предков.

Культ умерших прародителей стал характерной чертой китайской цивилизации. Священная особа вана считалась неприкосновенной. Вокруг него собирались в группы вожди племен, племенная аристократия, воины-лучники, представители культа. На рубеже тысячелетий на территории Северного Китая насчитывалось около сотни княжеских

династий, которые в литературе упоминались под общим названием «сто родов» (кит. байсин). Их богатство и высокое положение давало право на определенную независимость, чем они пользовались, возводя себе крепости, подобные цитадели вана.

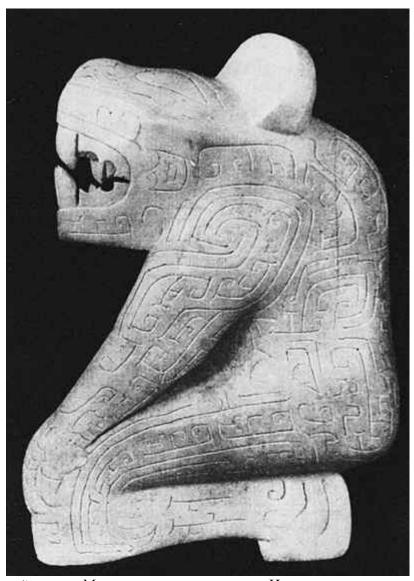
До прихода в Желтую страну арии жили в равенстве и братстве. Однако с формированием родовой аристократии идиллическое общество уступило место государству, где царил строгий арийский порядок. В быту знатный человек выделялся красным цветом одежды, а на поле боя – колесницей, где, кроме управлявшего конем хозяина, сидели лучник и воин с копьем.

Убитый в бою арий знатного рода забирал с собой в могилу пленных, десятки рабов, повозку, лошадь и наложницу, тогда как простому солдату полагался только слуга.

Для душевного спокойствия умершего в гробницу помещались статуи, похожие на те, что обнаружены во время раскопок предполагаемой столицы государства Инь.

Сова. Мраморная статуя, эпоха Инь

Человек с головой тигра. Мраморная статуя, эпоха Инь

В обширных погребениях города, некогда существовавшего на месте современного Аньяна, найдены великолепные мраморные скульптуры с изображением совы и человека с головой тигра. Выполненные условно, они демонстрируют наблюдательность автора и его умение выразить в реальном образе религиозную идею, связанную с культом предков. «Мы пашем на твоих полях, десять тысяч нас работают попарно...», — записано в древнем трактате Шицзин о самых тяжелых временах в истории Китая. Местным жителям арии отводили участь невольников; недавно процветавшее общество узнало нищету, бесправие, тяжелый труд без вознаграждения.

Племя Сыновей неба придерживалось суровых обычаев даже тогда, когда перестало существовать как нация. К 1200 году до н. э. арии полностью растворились среди туземцев, ведь каждый воин приводил в свой дом множество наложниц, а его сыновья женились на местных девушках. Буквальным напоминанием о белокурых, светлобородых завоевателях остались около 200 арийских слов в китайском языке и некоторые религиозные традиции, например поклонение предкам, вера в духов, пристрастие к божественному синему цвету неба. Вместе с тем совершенно исчезли обычаи, царившие в женской среде.

Пока арийские воины «охотились за головами», их супруги и невольницы вели жизнь амазонок. Жена вана У Дина красавица Фухао в отсутствие мужа руководила племенем, совершала жертвоприношения предкам, возглавляла войска в дальних походах. Навсегда ушло в прошлое почтение к мастерам байгун, создававшим колесницы и бронзовое оружие.

В давние времена это ремесло считалось священным, поэтому его техническая часть скрывалась под покровом тайны. От сохранности секретов отливки боевых топоров, изготовления луков и стрел, испытания повозок зависело благополучие байсин. Оружейники начинали каждую операцию с ритуалов, нередко связанных с человеческими жертвами. Еще более торжественные церемонии предваряли работу над священными треножниками – символами царской власти. В пору своего господства арии презирали население Желтой страны.

Хозяева относились к рабам хуже, чем к лошадям, называя соответствующим словом «чуминь», что в примерном переводе означает «народ, подобный скотине».

Ритуальный треножник. Бронза, эпоха Инь

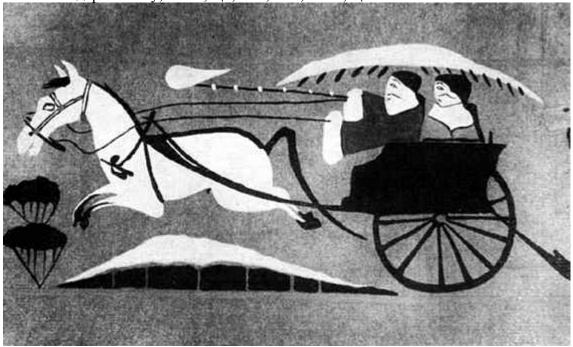
Тем не менее коренные жители не просто существовали, а жили, придерживаясь собственных племенных законов. Так же как и раньше, они выбирали старейшин, сообща обрабатывая землю. Однако теперь большую часть урожая вместе с охотничьими трофеями и тканым шелком забирали князья. Рабам запрещалось вкушать пищу господ — молоко и мясо, пить любимый ариями хмельной напиток сома (кит. юй чан). Невольники сидели скрестив ноги, что считалось неприличным у господ, которым надлежало опускать свои благородные зады на пятки. Со временем туземцы все же обрели в глазах хозяев человеческий облик, но именовались по-прежнему пренебрежительно: «ванминь», то есть «толпа».

На рубеже тысячелетий государство Инь пало, не выдержав накала междоусобной борьбы. Итогом возвышения племени Чжоу была смена эпох, причем не только по времени,

но и в отношении общественного порядка. Победители входили в состав древней державы, но преемственность власти вовсе не означала, что наступившая эпоха Чжоу (1027–250 годы до н. э.) стала целостным периодом в истории Китая. Однако именно тогда произошли, закрепились и получили развитие явления, затронувшие почти все сферы китайской жизни.

Общество периода Инь знало примитивные формы обмена, что, безусловно, явилось следствием процветания ремесел. Особенных успехов древние китайцы достигли в производстве белой и черной керамики. В первые века нового тысячелетия продолжалось освоение земель, появились первые оросительные системы и органические удобрения, широко распространилось железо, возникла торговля. Специалисты по лаку и бронзе теперь не ограничивались бытовыми вещами и создавали произведения высокого искусства. В поселениях строились каменные здания, иногда высотой до девяти этажей. Случайно обнаруженная столица государства Инь, как и позднее Пекин, отличалась правильной планировкой. Ее центр составляли многоуровневые дворцы и храмы, обрамленные кварталами ремесленников, где частично сохранились интерьеры жилищ, мастерских и хозяйственных построек.

Вскоре после воцарения рода Чжоу сначала на периферии, а затем и в центральных районах усилилась власть местных правителей. Через два столетия тогдашний Китай составляли десятки мелких, агрессивных и фактически не зависимых от вана разделенных княжеств. Раздробленность довольно долго не мешала процветать стране, которая не испытывала серьезной внешней угрозы из-за явного превосходства над соседями. Тем не менее верховный владыка медленно терял власть, пока не превратился в номинальную фигуру. К началу V века до н. э. этот процесс завершился и одновременно произошла смена эпох. Период Разделенных княжеств перешел во времена Враждующих царств (кит. Чжаньго), когда за господство на китайских землях боролись мощные, не зависимые от центра племенные державы Чу, Чжао, Ци, Вэй, Янь, Хань, Цинь.

Правитель с женой на колеснице. Живопись на туалетной коробке, эпоха Враждующих царств

Резная деревянная решетка, эпоха Враждующих царств

Междоусобицы нисколько не помешали, а напротив, усилили развитие страны. В сражающихся царствах разрастались старые города и возникали новые, формировались центры оружейного дела, шелкоткачества и производства керамики. Философы активно углублялись в исследования, выдвигая теории идеального человека, гуманного правителя; самые утонченные умы погружались в сферу истории, музыки, поэзии, рисования красками на шелке. Именно тогда возник знаменитый «Чжоули» — первый китайский труд по архитектуре.

Привычные бронзовые сосуды в период Чжаньго утратили массивность, став легкими и стройными. Мастера осваивали тонкие гравированные узоры, начали использовать инкрустацию цветными металлами. Зооморфный орнамент чередовался со сценами охоты и крестьянского труда. На изделиях фантастические звери соседствовали с реальными животными и птицами. Однако самой характерной чертой эпохи Чжаньго является появление в быту новых предметов, как повседневных, так и ритуальных: зеркал, нефритовых дисков, которые укладывались в могилы, лаковой утвари, музыкальных инструментов.

Ученые относят появление первых китайских городов к эпохе Инь, но архитектурные принципы начали складываться немного позже. Крупные поселения Чжоу напоминали княжеские замки, по существу представляя собой базары, окруженные домами и лавками ремесленников. Собственно таковыми они и были в действительности, ведь не случайно

понятия «город» и «поселение с рынком» китайцы выражают одним иероглифом. Устроенные в качестве столиц мелких княжеств, города заключали в себе до 3 тысяч дворов, где ютились 10–20 тысяч жителей. Постройки, сориентированные по оси север—юг, постепенно складывались в прямоугольные жилые кварталы с четко выделенным центром в виде царского дворца. Главные улицы шли от северных ворот к южным, от западных к восточным. Выработанные тогда градостроительные каноны неуклонно соблюдались и в дальнейшем, например при строительстве Лояна – древней столицы Китая.

В трактате историка Сыма Цянь упомянут еще один большой город: «Линьцзы в княжестве Ци имеет 70 тысяч дворов. Скрытый за грязно-белыми стенами, он воистину изобилен и богат. Среди здешних людей нет таких, которые не играли бы на свирели, лютне или гуслях, не били бы в барабан, не увлекались бы боем петухов либо состязанием в беге собак, не занимались бы играми. На дорогах повозки задевают друг друга, люди задевают плечами друг друга. Если соединить полы их одежд, то получится шатер, если все они поднимут рукава своих одежд, то получится полог, если разом смахнут пот, то образуется дождь. Здесь семьи богаты, людей много, их стремления высоки, а дух возвышен...»

Шумные города приводили в восторг и одновременно подавляли своим величием. Особенно сильное впечатление производили многолюдные празднества. В дни совершения религиозных обрядов заполнялись людьми площади вблизи Храма неба — обязательного элемента всякого столичного поселения. На единственном просторном участке города обычно проводились богослужения, которые завершались пением и танцами. Вторым по значению и многолюдности местом был рынок, где в праздники толпу развлекали бродячие актеры.

Дворцы того времени не сохранились, хотя известно, что один из них, целиком построенный из сандала, благоухал на всю окрестность. Историки упоминали о сооружении под названием «Тянь и Тай». Неизвестно кому принадлежавшее, оно возвышалось на мраморной платформе 30-метровой высоты и, помимо множества комнат, включало в себя большой зал, украшенный колоннами из золота и серебра.

Будничная тишина китайских городов не успокаивала, а пугала. Пустынные улицы, словно сжатые рядами оград, казались вымершими, однообразными, неприветливыми. Большие дома скрывались за высокими глинобитными стенами, которые слегка оживляли низкие калитки. В определенных местах улицы перекрывались воротами, которые на ночь полагалось закрывать, чтобы защитить спящих жителей от неожиданного нападения врага. Города периода Враждующих царств жили неспокойной жизнью, оттого праздничное веселье было обманчивым. Хорошо укрепленные дворцы занимали целые кварталы. Внешне напоминая европейские замки, они принадлежали богатым семьям, которые предпочитали собираться в кланы. Они владели обширными землями вокруг города, защищая себя отрядом воинов, сражавшихся по-арийски на колесницах. В княжестве Цинь разбогатевшие торговцы катались по улицам в золоченых каретах, украшали себя перьями, покупали скакунов и крупных собак, пользовались изделиями из слоновой кости, кожи носорогов и воловьих хвостов.

Бытовые предметы, так же как и сооружения той поры, позволяют судить о мастерстве ремесленников, бережно хранивших обычаи государства Инь. Изменения в декоративном искусстве можно проследить, сравнивая рисунки на вазах и шелке, узоры на архитектурных деталях, но особенно сюжеты рельефов, сплошь покрывавшие нагрудные знаки царей Чжаньго. На смену условности и строгому чеканно-ясному изображению пришел реализм, затронувший как содержание, так и способы его воспроизведения. Художники Чжоу стремились к мягким изысканным линиям. По блестящей поверхности посуды струились орнаментальные пояса, составлявшие единую композицию со скульптурно оформленными ручками.

Нагрудное украшение из желтого нефрита, эпоха Враждующих царств

В эпоху Враждующих царств на бронзовых сосудах появились батальные и охотничьи сцены, что еще раз подтверждает приход реализма в искусство. Сплошные многофигурные рельефы постепенно перешли в круглую скульптуру: гончары придавали обычной посуде форму птиц или животных, щедро покрывая свои творения инкрустацией из золота и серебра.

Благородный нефрит использовался в Китае с незапамятных времен, но мастера Чжоу достигли в этой области совершенства. Созданные тогда вещи из полупрозрачного зеленого камня отличались особой изысканностью. Резчики прекрасно ощущали цвет материала и его структуру, не забывая о том, что похожие камни не всегда одинаковы на просвет. В погребениях знати встречались самые разнообразные изделия из нефрита, среди которых преобладали культовые вещи и княжеская символика.

Просуществовав почти тысячу лет, второе по времени китайское государство уступило место структуре, которую создали, не сумев удержать надолго, князья рода Цинь (221–207 годы до н. э.). С их господством связано объединение страны и широкое, преимущественно монументальное строительство. Однако не Цинь, а беспокойные времена Чжоу определили правильный путь развития китайской нации на многие тысячелетия вперед. К этой легендарной эпохе относятся работы великого мыслителя Лао-цзы и его младшего современника Конфуция. Являясь родоначальниками двух официально признанных в стране религий — даосизма и конфуцианства, они нашли сторонников при жизни, пользовались уважением и во многом повлияли на духовную жизнь последующих эпох.

удивительной Китайская философия отличается стабильностью. Внутренняя непоколебимость населения Поднебесной исходит сознания исключительности OT собственного способа мышления, на основе которого сформировались превосходства и крайняя нетерпимость к иностранцам. Местная философская мысль развивалась под влиянием так называемых мудрых мужей. Имена большинства ранних мыслителей неизвестны, хотя именно они решились уйти за пределы мифологического видения мира и даже попытались его осмыслить. На сочинения мудрецов, видевших четкую связь между мифом и действительностью, ссылались средневековые философы.

Основой китайской философии является мысль о некоем начале, которое правит миром, определяя существование вещей. Иногда оно представлялось в качестве персоны – Высшего правителя (кит. Шанди), но чаще его обозначали словом «небо» (кит. тянь). Считалось, что в одушевленной природе каждый предмет либо явление должны иметь собственных демонов. Похожие порядки относились и к загробному миру. Вера в души

мертвых предков привела к образованию соответствующего культа, а тот, в свою очередь, способствовал консервативности мышления.

Представления китайцев о Вселенной сложились еще в глубокой древности. Окружающий мир виделся им квадратной землей, над которой господствовало безграничное небо. В центре воображаемой планеты, конечно, находилась Желтая страна, оттого именовавшаяся Срединной империей. Изначально мир представлял собой хаос, составленный из мелких частиц. Чуждые порядку, вначале они существовали в виде бесформенной туманности. В процессе размежевания светлые легкие частицы (ян) поднялись над темными тяжелыми (инь), образовав небо и землю. Человек пришел в сложившийся мир, приняв взаимосвязь светлого и темного начал как данность. Став основными понятиями древнекитайской натурфилософии, инь и ян представлялись универсальными, противоположными, но постоянно переходящими друг в друга силами, составлявшими такие антагонистические союзы, как женщина – мужчина, пассивность – активность, жар – холод.

В средневековые времена китайское образование не мыслилось без изучения классических книг, которые, наряду с философией, включали в себя поэзию, историю, право. Знаменитая «Книга песен» («Шицзин») является сборником, включающим в себя 305 стихотворений. Раньше ее редакция приписывалась философу Конфуцию. Здесь в общем светское содержание дополняется культовыми песнопениями, в которых можно обнаружить мистическое объяснение происхождения племен, ремесел и вещей.

«Книга истории» («Шуцзин») является собранием статей, где описаны события, произошедшие во II—I тысячелетиях до н. э. До нашего времени дошло всего 58 глав, заключающих в себе элементы мифов, героических сказаний, исторических легенд. Создатели «Книги порядка» («Лишу») сильно идеализировали прошлое, представив древнейший период китайской истории примером для подражания. Выпущенный накануне новой эры, этот трактат включал в себя 3 части: законы государства Чжоу, порядок церемоний, философские размышления обо всем написанном. Образцом и мерой в решении этических и литературных вопросов также являлась «Книга весны и осени» («Чуньцю»).

Учение о силах инь и ян систематизировано в комментариях к знаменитой «Книге перемен» («Ицзин»), где 2 первоосновы соотносятся с 5 природными стихиями. Например, Дерево и Огонь – ян; Земля нейтральна; Металл, Вода – инь. В случаях, когда философы затруднялись объяснить действие стихий, им на помощь приходила природа. Трудно не заметить, что «вода порождает дерево, но уничтожает огонь; огонь порождает землю, но уничтожает металл; металл порождает воду, но уничтожает дерево; дерево порождает огонь, но уничтожает землю; земля порождает металл, но уничтожает воду».

«Книга перемен» была написана еще в XII веке до н. э., но комментарии как неотъемлемая часть трактата появились несколькими столетиями позже. Исходный текст составляют гексаграммы, то есть 64 знака, образованные комбинациями 6 линий. Благодаря графике, точнее, изменениям в положении линий получила название и вся книга. Как утверждают авторы, «перемена – это предмет, а гексаграммы – способ изображения. Вещие линии соответствуют движению мира. Так появляются счастье и несчастье, а жалость и позор становятся очевидными». «Книга перемен» «закрывает явное, открывая темное. Дает названия различным вещам». Ее авторы видели познание как способ «уметь все соединять и различать, оставлять все, как есть, чтобы уметь во всем пребывать». По убеждению древних авторов, человек должен думать о своем месте в мире природы, обязан «соединять свою силу (дэ) с небом и землей, свое сияние с солнцем и луной, сверять с четырьмя временами года свою деятельность».

Принципы инь и ян влияют на отношения между небом и землей, действуя на все, что происходит в ограниченном ими пространстве. Светлое мужское начало ян видится активным, животворным, освещающим путь. Темному женскому инь отведена пассивная роль ожидания, предвестия упадка или смерти. Не случайно их чередование называется «дорога» (кит. дао), по которой проходят все вещи.

Самые распространенные явления, например дождь, снег, молния, гром, радуга, землетрясение, связывались с волей неба, и это нашло отражение в этимологии китайских слов. Одно из названий солнца и луны — «тяньянь», что в переводе с китайского означает «небесные глаза». Соответственно, радуга именуется «лук неба» (кит. тяньгун); гром — «голос неба» (кит. тяньшэн); звезды — «одеяние неба» (кит. тяньи); гроза — «гнев неба» (кит. тяньну); северное сияние — «разрыв неба» (кит. тяньле); погода — «дыхание неба» (кит. тяньци); капли дождя — «семена неба» (кит. сюаньи). Небо в философском понимании являлось движением, тогда как земля даже во время катаклизмов оставалась твердой, то есть была опорой под ногами человека, оттого олицетворяла покой. Покорно воспринимая свет, тепло, холод, дождь либо снег, земная твердь виделась всего лишь объектом воздействия неба.

Китайские мудрецы считали, что в итоге взаимопроникновения инь и ян возникают психологические категории, также соотносимые с природными явлениями. «Для приведения в движение всех вещей, — отмечено в "Книге перемен", — нет ничего быстрее, чем гром. Для ввержения в беспокойство нет ничего более подходящего, чем ветер. Для высушивания нет ничего более сухого, чем огонь. Для успокоения всех вещей нет ничего более спокойного, чем озеро. Для их увлажнения нет ничего влажнее воды. Для возникновения и конца всех вещей нет ничего полнее возвращения...» В «Книге перемен» прослеживается путь вещей и путь всего мира в движении, причем особо выделяются три данности — небо, земля, человек, которые двигаются одновременно, хотя и по разным дорогам.

Китайцам внушалось, что все природные явления произошли от основных сил. Светлое ян и темное инь порождают движение и покой, тепло и холод, свет и тьму, добро и зло. Древние философы не утруждали себя разделением вещей на плохие и хорошие, поскольку были убеждены в том, что перечисленные явления не могут существовать друг без друга. Проникая одно в другое, меняясь местами, они создают круговорот вещей, определяя бесконечное разнообразие природы.

Классические труды создавались разными авторами в разное время, однако наибольшее внимание им уделяли сторонники Конфуция. Известный деятель Дун Чжуншу, воплотив идеи своего учителя в принципах государственной религии, посчитал его автором всех классических книг. Однако большинство китайских мыслителей приписывали великому Конфуцию лишь комментарии. Знание древних трактатов являлось достаточным для сдачи государственных экзаменов на должность чиновника. Вплоть до XX века все китайские философские школы в своих рассуждениях базировались на старых принципах; ссылки на древних мудрецов стали характерной особенностью культуры Китая.

Несчастливая земля Конфуция

Искусство и наука эпохи Чжоу обязаны своим развитием не только вельможам, но и простолюдинам. В те времена образование требовало хорошей родословной, однако при желании посещать учителя мог простой человек, сумевший скопить немного денег. В качестве наставников выступали младшие члены зажиточных семейств, которым от рождения не находилось достойного места в клане. Покидая родной дом, они зарабатывали на жизнь тем, что обучали горожан благородным манерам, или, как тогда говорилось, «давали хорошее воспитание». Аристократические добродетели заключались в мастерстве управления колесницей, правильном поведении на церемониях, умении метко стрелять из лука, знании письма и счета, во владении основами этикета.

В середине V века до н. э. одним из таких учителей был Кун Фуцзы, более известный под латинским именем Конфуций. Великий мыслитель, родоначальник одной из трех официальных религий Китая в молодости охранял стада и управлял складами города Цзоу в княжестве Лу. Получив место помощника при совершении жертвоприношений в главном святилище, он оставался на этой должности до 50 лет, пока не занял пост советника при дворе правителя. Однако государственная служба не подходила умудренному опытом

старцу, интересовавшемуся только прошлым. Оставив выгодный пост, чиновник Кун Фуцзы преобразился в учителя Куна, оттого что стал обучать всех желающих за очень умеренную

плату.

Молодой Конфуций приносит жертву

«Я передаю, но не создаю, я верю в древность и люблю ее», – говорил Конфуций, подчеркивая свое пристрастие к старым традициям. Он считал лучшим временем начало правления рода Чжоу, то есть 1020-е годы. Его кумиром были основатели династии Вэньван и Уван, но большего уважения заслужил их сподвижник Чжоугун. Современники, напротив, представлялись ему лишенными разума, безответственными людьми, жившими во мраке хаоса. Эпоха Враждующих царств действительно отмечена непрерывными междоусобными конфликтами. Масштабы сражений того времени можно сравнить с битвами Второй мировой войны, ведь на поля сражений одновременно выходили миллионы бойцов. Борьба истощала огромные государства; в колоссальных битвах, наряду с мужчинами, участвовали женщины и дети. Размах вражды можно представить по сочинениям писателя Мэнцзы: «В сражениях за овладение городами убитые переполняли крепости, в битвах за земли поля сплошь устилали мертвые тела». Если верить хроникам, то в 293 году до н. э., после сражения при Ицюй, было обезглавлено 240 тысяч пленных, а при Чанпине около 400 тысяч человек закопали живьем.

Беспрерывная смута натолкнула Конфуция на мысль о необходимости новой философии и создания на ее основе свода правил поведения. Его учение опиралось на представление о добре, которым каждый человек наделен с рождения. Взяв за образец идеальную семью, философ вывел принцип человечности — добрые отношения между старшими и младшими, которые любят друг друга, окружая заботой всех членов рода. Преданность как ответ на любовь составляла принцип справедливости. Особенно подчеркивалась необходимость исполнения сыновнего долга, или принципа почтительности.

Подобными качествами наделялся и правитель. Мудрому владыке полагалось воспитывать у подданных чувство благоговения перед культовой музыкой (юэ) и ритуалом (ли). Обряды представлялись как моральный закон, а насилие не относилось к необходимым

средствам управления страной. Конфуций уподоблял государственную политику отношениям в хорошей семье. Его знаменитая фраза: «Государь должен быть государем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном» – позже стала главным, но, увы, не всегда исполняемым принципом китайской власти. Конфуций одобрял культ предков, видя в поклонении мертвым средство сохранения верности роду, а значит, и государству, в состав которого, наряду с живыми, включались и умершие. Обличение любых пороков считалось долгом каждого благородного мужа.

Чен Шифа. Конфуций. Иллюстрация к роману «Неофициальная история конфуцианства»

Взгляды Конфуция изложены в книге «Беседы и суждения» («Лунь юй»). Ему приписывается отбор статей и редакция классических книг «Шицзин» и «Шуцзин». Осваивая сложные ритуалы вместе с учениками, он проделал большую работу по систематизации своих знаний. Богатые покровители оказали ему помощь в создании школы, где 3 тысячи человек занимались в больших залах и по необходимости пользовались гостевыми комнатами. Некоторые из выпускников сумели занять высокие посты, чего не смог добиться сам учитель. Несмотря на мудрость и желание воплотить свои мысли в жизнь, Конфуций никогда не участвовал в разработке законов, возможно потому, что мир менялся, а он оставался в прошлом.

Владыки позднего Чжоу не пожелали следовать неудобным для себя правилам, и, отчаявшись исправить «сильных мира сего», Конфуций посвятил себя педагогике. Он был кабинетным ученым, эрудитом, страстным поклонником древности; соприкасаясь с историей, жил в прошлом, отчего не допускался к решению политических вопросов, хотя имел большой авторитет.

Конфуций не считал себя основателем религии и не признавал своей роли в духовном воспитании молодежи. Однажды на вопрос учеников о продолжении деятельности в загробном мире он ответил: «Не научившись служить людям, можно ли служить духам?». Тем не менее после смерти дух мудрого старца переселился сначала в один, а затем и во множество храмов. В средневековую пору сложился культ учителя Куна, религиозный по форме и вполне реальный по содержанию. Со временем конфуцианство приобрело в Китае статус официальной веры. Государственные должности разрешалось занимать только дипломированным ученым – последователям Конфуция.

В 174 году император Гаоцзу посетил могилу Конфуция в Цюйфу, где совершил жертвоприношение быка. Здесь же был построен храм, перед которым столетие спустя

приносились в жертву овца, свинья и бык. Такой же ритуал 4 раза в год Сын неба совершал в столице. Через 300 лет храмы в честь Конфуция имелись почти в каждом крупном городе страны. Место его погребения постепенно преобразилось в храмовый ансамбль, названный пантеоном благодаря священному значению и многочисленным могилам.

Мемориальная арка на пути к могиле Конфуция

Раскинувшийся на 20 га мемориальный комплекс в Цюйфу включает в себя множество могил: знаменитый философ покоится недалеко от учеников. Здания разделены ровными рядами растений и уютными дворами характерной для Китая квадратной формы. Каменные и деревянные ворота охраняют от злых духов статуи львов и мифических животных. Входы отмечены названиями, в которых кратко выражаются мысли Конфуция: Ворота добродетели, Ворота, открывающие путь к святости, Ворота высшего совершенства. Последние ведут к главному храму мемориала Конфуция, названному по аналогии с воротами Дворцом высшего совершенства (кит. Дачандянь). Здесь стоит изваяние великого мудреца, у подножия которого некогда совершались жертвоприношения. Памятник был установлен в XII веке и лишь однажды, в 1724 году, подвергался реставрации. Скульптор изобразил мудреца сидящим со сложенными руками, с дощечкой для записей, с которой он обычно ходил на доклад к владыке. Надпись на сохранившемся пьедестале гласит: «Самый святой, одаренный способностями духа». Каменного философа окружают фигуры его самых известных учеников и последователей, размещенные позади жертвенных столиков с курильницами и подсвечниками.

Статуя Конфуция во Дворце высшего совершенства

Планировка храма Конфуция отличается строгостью и своеобразием. Здание, обнесенное красной стеной с четырьмя башнями по углам, возведено в стиле императорских дворцов эпохи Цинь. О временах, когда больше всего ценились величие и блеск, напоминают расписные балки, ярко-красные ворота, золотистая черепица на крыше. Перекрытие просторного зала поддерживают 32 малахитовые колонны диаметром около 1 м. Потолок покрыт сплошным узором с традиционными золотыми драконами. Особого внимания заслуживают каменные колонны, украшенные рельефными изображениями легендарных змеев.

В середине XX века Дачандянь, не утратив прежнего значения, превратился в музей. В настоящее время здесь выставлены замечательные произведения древнекитайского искусства, в частности скульптура, картины, вырезанные из камня миниатюры, жертвенная утварь, музыкальные инструменты.

Все храмовые постройки комплекса в Цюйфу располагаются по осевой линии, строго с севера на юг, начиная от первых ворот; на самой высокой точке находится основной павильон. Другие сооружения устроены симметрично главному на восточной и западной сторонах. Путь к Дворцу высшего совершенства лежит через изящную беседку Синтань. Ближайшие к ней постройки разделяет площадка, огороженная двойной балюстрадой. Вскоре после возведения храма рядом с этим местом появился просторный дом, где потомки Конфуция жили спокойно и в достатке благодаря щедрым пожертвованиям поклонников

мудреца.

Конфуцианство глубоко проникло в характер китайцев. Идеальное, хотя и во многом правильное учение сблизило религиозную культуру с повседневной жизнью. Афоризмы Конфуция получили широкий отклик во всех сферах китайской жизни.

- Да будет государем государь, слуга слугой, отцом отец и сыном сын.
- За добро плати добром, а за зло по справедливости.
- Ошибкой может быть то, что не исправляется.
- Не делай другим того, чего себе не желаешь.

Род философа сохранялся и увеличивался в соответствии с клановой традицией: к XX веку насчитывалось около 25 тысяч его родственников. В настоящее время глава огромного клана обладает княжеским титулом, выполняя обязанности по уходу за могилой и столичным храмом великого предка. В отличие от потомства жизнь самого Конфуция завершилась трагически. Обвиненный в заговоре против местного князя, он был изгнан из Лу, бежал в царство Вэй, бедствовал, странствовал и умер в нищете. Объявленный вне закона, он мог погибнуть от руки злодея, мог испытать унижения, но обидеть его не отважился ни один человек.

Незадолго до печальных событий Конфуций предпринял последнюю попытку воплотить свое учение в жизнь. Он объехал многие царства, встречался с правителями, доказывал преимущества государства-семьи, но нигде не нашел понимания. Старец надеялся на получение должности при каком-либо дворе, но владыки ограничивались словами уважения и богатыми подарками. По дороге домой учитель видел толпы крестьян, которые, бросая свои крошечные наделы, уходили на юг в поисках лучшей доли. «Кинем мы свои поля, есть счастливая земля. В той земле, в краю чужом мы найдем свой новый дом!» — пели странники, видя лишь негостеприимные города и озлобленных от бедности людей.

Современники Конфуция именовали свое время последними годами, намекая на скорое падение рода Чжоу. Эпоха правления династии в самом деле подходила к концу, но говорить о гибели государства не было никаких оснований. Напротив, бурное развитие торговли привело к росту старых и увеличению числа новых городов. Многие из крепостей, подобных Линьцзы, превратились в крупные торгово-ремесленные центры. Несмотря на продолжавшуюся борьбу, страна богатела, расширялась и требовала защиты, которую весьма своеобразно осуществил родоначальник следующей царской династии.

Великая стена

Согласно древней поговорке, «только тот побывал в Китае, кто поднялся на Великую Китайскую стену». Фраза, произнесенная местным философом, могла бы стать девизом для сотен тысяч туристов, ежегодно посещающих бывшую Поднебесную. О величине колоссальной ограды можно судить по тому, что даже из космоса ее можно увидеть без телескопа. Самая длинная в мире «стена в десять тысяч ли», как именуют ее сами китайцы, пересекает страну с востока на запад. Спускаясь в ущелья, взбираясь на гребни гор, переходя из пустынь в леса, она растянулась на 2 тысячи км по прямой, и почти такую же длину имеют все ее ответвления.

Великая Китайская стена

После того как в китайских царствах появились металлические деньги, на границе каждого из них были устроены таможенные заставы, где с торговцев взимались пошлины. С развитием денежных отношений выявилось неудобство различия в форме монет. Например, в Чу деньги имели вид квадрата, в Ци и Янь они походили на ножи и мечи, в Чжао, Хань и Вэй напоминали лопаты. Только в Цинь отливали круглые монеты, правда с большим отверстием посредине. Так же кардинально отличались системы мер и весов. Различие в экономической атрибутике сильно препятствовало развитию торговли, мешало тому и множество границ.

Правителем, сумевшим объединить страну в единое государство, оказался Ин Чжэн, с 246 года возглавлявший небольшое царство Цинь. Взойдя на второстепенный престол 12-летним подростком, он добыл власть путем устранения соперников. В дальнейшем юный владыка побеждал соседей так же быстро и решительно, как привык расправляться со своими придворными.

Объединение страны в тех условиях не мыслилось без насильственного подчинения всех государств одному сильному центру. В первые годы владычества Ин Чжэна необъятным краем фактически управлял Люй Бувэй, крупный торговец и ростовщик, волей судьбы ставший важным сановником. Законный правитель показал себя человеком железной воли. Отстранив регента, он начал править единолично, придерживаясь крайне жесткой политики. В завершение ряда военных походов вместо царства Цинь на территории Китая возникла экономически сильная, централизованная держава с тем же названием. На захват остальных государств Древнего Китая Ин Чжэну понадобилось всего 11 лет. Последним в 221 году до н. э. ему подчинилось население Ци, после чего победитель оказался во главе огромной империи. Воистину божественная власть давала право на новый титул — хуанди. В средневековой литературе это звание вместе с именем обладателя обозначалось немного длиннее: Цинь Шихуанди, или первый император династии Цинь.

Вскоре после завершения завоеваний внутри страны владыка предпринял успешные походы против кочевников-гуннов на севере и решил вести армию на юг, с тем чтобы

покорить народ государства Юэ. Именовавшаяся так страна занимала огромные территории, располагавшиеся на месте современных провинций Чжэцзян, Фуцзяни, Юньнань и частично на полуострове Индокитай. Мощные, процветающие государства издавна общались с китайскими княжествами Чу и У, однако отношения между соседями были далеко не безоблачными. Владения правителей Юэ много раз находились под контролем китайцев и окончательно перешли к ним благодаря военному таланту Цинь Шихуанди. Его войска форсировали Янцзы и довольно легко вторглись в Юэ, установив имперские порядки на всей огромной территории.

Тотчас после прихода к власти Цинь Шихуанди установил жесткую, централизованную систему управления: империя разделилась на 36 областей, каждой из которых руководили 2 чиновника. Местные управители отчитывались перед инспекторами из столицы. Заботами первого императора Китай перешел на единую письменность; во всех районах вошли в употребление одинаковые монеты, торговцы стали применять общепринятую систему мер веса, длины и емкости.

Тем временем на северных границах вновь появились гунны, и, чувствуя опасность со стороны сильного врага, китайский правитель реорганизовал армию и разгромил кочевников в сражении близ Ордоса. Охраняемая граница вдоль берегов Хуанхэ, от Ляодуна до Ганьсу, в какой-то мере уменьшила угрозу набегов, но окончательная победа виделась императору в строительстве мощной стены.

Цинь Шихуанди

Некоторые историки считают, что каменная громада строилась не для защиты от гуннов, а наоборот, для предотвращения перехода китайцев к образу жизни кочевников. Закрепив границы китайской цивилизации, некоторое время она действительно способствовала единству империи, с трудом составленной из разных государств. Похожая версия отражена в легенде, повествующей, как душа спящего Цинь Шихуанди взлетела на Луну и бросила внимательный взгляд на Землю. С заоблачных высот Китай казался лишь

точкой, и его кажущаяся слабость натолкнула владыку на мысль огородить страну, таким образом защитив культурный народ от варварского мира.

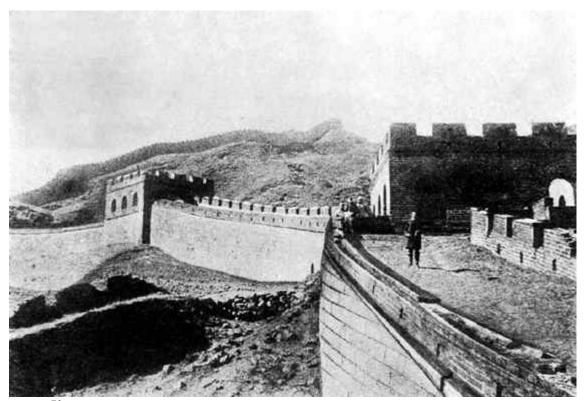
Справедливости ради нужно заметить, что идея устройства колоссальной ограды принадлежала отнюдь не Цинь Шихуанди. Задолго до него в этих целях возводились земляные валы. Небольшие крепостные стены существовали на границах царств Янь и Чжао. Похожая по форме и назначению постройка имелась и в Цинь. Однако, разрозненные и относительно короткие, все эти сооружения не обеспечивали должной защиты. Император распорядился соединить отдельные части в непрерывную цепь укреплений, растянувшуюся вдоль всей северной границы. Во времена его правления обрела свои формы основная часть колоссальной стены, сразу же дополненной сторожевыми башнями, сигнальными вышками и воинскими поселениями.

Первыми на строительную площадку прибыли 300 тысяч бойцов полководца Мэн Тяня, исполнявшего обязанности командующего, начальника стройки и архитектора. Немного позже к воинам присоединились пленные и преступники. Стать злодеем в ту пору не представляло труда. Основанием для ареста служила, например, книга, обнаружив которую власти приговаривали несчастного к четырем годам каторжных работ.

Невиданных масштабов стройка началась в 221 году до н. э. Перед строителями стояла задача не просто соединить отдельные земляные валы, а возвести принципиально иное сооружение, на сей раз из камня и кирпича, к тому же с полным набором фортификационных элементов. Значительная часть Великой стены по плану проходила через горы, что сильно затрудняло подвоз материалов. Одновременно с реконструкцией земляных валов возводились башни, которых в готовом сооружении получилось около 25 тысяч.

Север Китая по природно-географическим условиям является переходной зоной от засушливых степей к влажным землям юга. Резко разделив кочевые и земледельческие районы, стена, как предполагалось, защитила плодородные угодья от кочевников, настойчиво покушавшихся на цивилизованный мир. Территории, расположенные к северу от стены, не входили в состав империи, поэтому с внешней стороны были устроены сторожевые вышки и дозорные пункты. С китайской стороны находились гарнизоны и разветвленная сеть складов.

Пожалуй, ни одно из сооружений древности не заключает в себе столько человеческих трагедий. Прорицатель поведал Цинь Шихуанди, что стройка закончится только после того, как в ней будет погребен один мужчина по имени Ван или 10 тысяч человек. Император быстро нашел крестьянина с таким именем и приказал замуровать в стене. Однако с его смертью строительство не прекратилось и люди продолжали умирать. Известно, что над созданием Великой Китайской стены трудилось около 2 миллионов человек. Строители работали в любую погоду, с рассвета до полуночи, укладываясь спать на рабочем месте. Вдали от земледельческих районов снабжение не могло быть удовлетворительным: грубые, несвежие продукты выдавались редко и доставались не всем. Слабые погибали от голода, болезней, побоев; много жизней унесли эпидемии; люди убегали, не выдерживая тяжелой работы и слишком трудных условий существования.

Великая Китайская стена

Кроме воинов, в строительстве принимали участие сотни тысяч земледельцев. Навсегда оторванные от своих семей, они выдерживали в лучшем случае сезон, часто умирая через несколько недель или даже дней. Свободных жителей за мельчайшие провинности обращали в рабов и угоняли на северную границу. Покойников не отправляли домой, а закапывали в земляной насыпи сооружения. На их место заступала новая смена, которую ожидала та же судьба. Иногда Великую стену называют самым длинным кладбищем мира, ведь в ее основании должно быть не меньше 40 тысяч могил.

В таких же невыносимых условиях работали создатели грандиозной гробницы для императора, и столько же нечеловеческих усилий потребовалось для создания дорог, тянувшихся к столице империи. На возведение стены сгоняли крестьян со всех концов страны. Отряды вербовщиков разъезжали по деревням, вызывая суеверный ужас. Жены и невесты строителей месяцами добирались до северных районов нередко для того, чтобы хоть издали увидеть своих мужей и женихов. Женщинам не разрешали видеться с живыми, однако не запрещали бродить в россыпях костей и, если посчастливиться, похоронить останки. Никто не смел открыто возмущаться, ибо такова была воля императора, а подчинение властям считалось главной добродетелью китайца.

Возведение Великой стены в основном завершилось к 213 году до н. э., когда ее длина составила 3 тысячи км. Колоссальное фортификационное сооружение 10-метровой высоты не отличалось сложной конструкцией — основа из земли и огромных каменных глыб с облицовкой кирпичом для внешнего эффекта.

Крепостные башни походили на массивные пирамиды и были удалены друг от друга на «два полета стрелы», то есть располагались через каждые 100 м — расстояние, достаточное для того, чтобы встретились две выпущенные одновременно стрелы. Все они выглядели одинаково грозно, несмотря на различия в размерах, формах и материалах. Ширина верхней площадки в отдельных местах доходила до 10 м. По этой своеобразной дороге могла двигаться шеренга из 8 солдат. Фронтальный проход войск обеспечивали проходы с крепкими воротами, у которых день и ночь стоял караул. В 210 году до н. э. скоропостижно умер император Шихуанди, а вспыхнувшее вскоре крестьянское восстание привело к гибели его империю. В следующую эпоху Китай вошел как государство с высочайшим для Древнего

мира культурным уровнем. Широкое применение железа и разнообразные способы орошения позволяли получать богатые урожаи. Как и прежде, высоким качеством отличалась бронзовая посуда, но на рынке ее сильно потеснили изделия из белой керамики – предшественницы фарфора. Китайцы создавали великолепные шелковые ткани, поставляя в другие страны и материал, и готовые изделия. Особый блеск цивилизации придавала архитектура, дополненная живописью, поэзией и музыкой.

За 2 тысячелетия существования Великая стена много раз изменяла свой облик. Представители рода Хань, следующей правящей династии, сумели удлинить ее на 100 км, хотя в то время грандиозная постройка уже не использовалась в качестве оборонительного рубежа. В начале VII века императоры из династии Суй нашли средства на ремонт и частичную реконструкцию изрядно обветшавшей постройки. В следующие века при сохранении основной линии продолжали строиться новые участки и ответвления.

К сожалению, ошибался тот, кто сказал однажды, что «гибель одного поколения в прошлом спасает многие поколения в будущем». Унеся миллионы жизней, Великая стена даже в обновленном виде, укрепленная и охраняемая, не помешала монголам захватить Китай в 1211 году. Династия Юань, основанная внуком Чингисхана Хубилаем, господствовала меньше столетия. За столь небольшой для истории срок военный потенциал страны снизился до предела, что, конечно, отразилось на оборонительных сооружениях.

В средневековые времена Великая стена виделась только лишь бесполезным пережитком прошлого. Знаменитый путешественник Марко Поло ни разу не упомянул о ней в дневниках, хотя ко времени его приезда грандиозная постройка еще не пришла в упадок. Изгнав чужеземцев, в 1368 году императоры династии Мин восстановили прежние границы, после чего северная часть страны стала вновь проходить вдоль Великой Китайской стены. К началу XV века невдалеке от нее сформировался красивый город Бейцзин, более известный под европейским названием Пекин. Отнесенная на край государства столица требовала особой защиты, поэтому к заброшенному сооружению вернулась былая роль. Немного позже, во времена китайского Возрождения, старые стены и развалившиеся башни окружили новые каменные укрепления. Непосредственно у стены расположились постоянные гарнизоны, которым в случае опасности требовалось зажечь сигнальные костры.

Работы по глубокой реконструкции сооружения начались в пору правления династии Мин и с перерывами продолжались более 2 столетий. В некоторых источниках императора Ваньли, самого мудрого и могущественного представителя этого рода, называют создателем Великой стены. Его имя вовсе не случайно отражено в одном из многих ее названий – «Ваньли чанчэн», что в переводе с китайского означает «стена Ваньли». Минский владыка, безусловно, не строил стену заново, хотя по его приказу были укреплены многие участки, а земляные насыпи сменились более надежными каменными откосами. Основные размеры стены несколько уменьшались к западу, но в окрестностях Пекина она по-прежнему выглядела мощной крепостью. Возведенные тогда дозорные башни, выдержав разрушительную силу дождя и ветра, сохранились до наших дней.

В 1644 году повстанцы заняли столицу и казнили многих аристократов, перед тем увидев висящее в петле тело последнего владыки из рода Мин. С этого момента ситуация в Поднебесной резко изменилась. Империя вступила в период упадка: на людей обрушились природные катаклизмы, голод, эпидемии. Отсутствие жалованья и плохое снабжение приграничных гарнизонов привело к дезертирству, отчего система охраны Великой стены стала быстро разрушаться. В последующие годы многие участки перестали существовать, зато придорожные зоны заботливо сохранялись и по мере надобности восстанавливались.

Великая Китайская стена

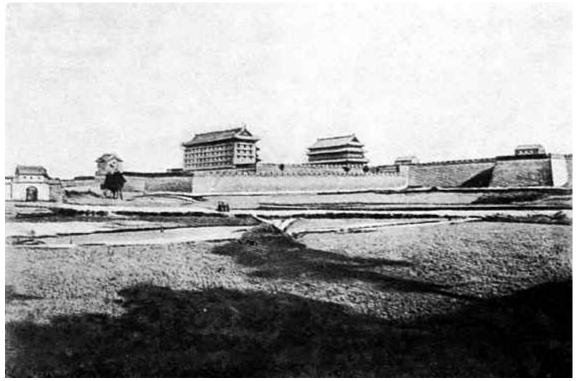
Утратив императора, знатные землевладельцы оказались в отчаянном положении. Решив использовать для борьбы с бунтовщиками давнишнего врага, они попросили маньчжурских князей о помощи, таким образом предоставив страну иноземцам. Заняв трон Китая, маньчжуры из династии Цин постарались привести в упадок военное дело, всячески подчеркивая символическую роль Великой стены. Прибывавшие в Китай иностранцы обязательно пересекали проходы, что, несомненно, производило сильное впечатление. Несмотря на разрушения и запущенный вид, стена и сегодня ошеломляет своим грандиозным видом. Начинаясь северо-восточнее Пекина, она гигантской змеей вьется по землям провинции Ляонин, идет на запад через Шаньси и Шэньси и заканчивается в Центральном Китае. В течение многих столетий Великая Китайская стена защищала империю от чужеземцев. Однако, имея важное оборонительное значение, она вовсе не препятствовала торговле Китая с соседними народами. В очередной раз утратив оборонительную роль, детище Шихуанди сохранило свои колоссальные формы и навсегда осталось самым впечатляющим памятником китайской архитектуры.

«Сдохни, Шихуан!»

Трудно представить китайца, которого не переполняла бы гордость за творения великих предков. Подобные чувства испытывает каждый житель страны, хоть однажды видевший Великую Китайскую стену — свидетельство высокой культуры строительства и совершенства технической мысли. Совсем иные ощущения вызывают дворцы, огромные и красивые императорские дома Шихуанди, не сумевшие пережить своего создателя.

Одновременно с возведением стены император приступил к строительству своей новой резиденции. Если верить летописям, в начале правления «он трудился днем и ночью, заботясь о черноголовых, как по новым правилам называли себя жители Поднебесной империи. Однако в последние годы все его мысли занимало собственное благополучие». Невиданно роскошный дворец предполагалось построить в окрестностях Сяньяна (современный Сиань, провинция Шэньси), на берегу реки Вэйхэ. В главный город империи Цинь, как в Древний Рим, вели дороги и транспортные каналы, соединявшие столицу с другими крупными поселениями страны. Для сохранности наземных путей сообщения были

унифицированы оси телег, чтобы широкие повозки не выходили за колею и не продавливали следы в мягкой почве. Все эти мероприятия способствовали развитию торговли, и в Цинь постепенно перестали быть средством обмена такие товары, как жемчуг, яшма, черепаховые щитки, серебро и олово. В качестве денег, наряду с единой медной монетой, стали употребляться золотые слитки.

Крепость в Сиане

По приказу владыки всем жителям Китая надлежало сдавать бронзовое оружие на переплавку. Из полученного металла лучшие скульпторы страны создали 12 статуй для украшения входа в жилище Сына неба. Вполне вероятно, что изъятие оружия проводилось с целью ослабления внутренних врагов. Во всяком случае именно эту цель преследовал Цинь Шихуанди, разрушив все крупные укрепления внутри Китая, которые могли бы послужить в случае восстаний.

Решив прославить себя грандиозными сооружениями, император не жалел средств. Из ближайших и отдаленных районов в столицу доставлялось все самое ценное, редкое и прекрасное: сияющие камни, изделия из благородных металлов, деревья с пахучей древесиной невиданной окраски – розовой и зеленоватой. Две части города, раскинувшегося по обоим берегам реки, соединял мост. Являясь чудом техники своего времени, он стал образцом для архитекторов Пекина.

Устроенные к северу от Вэйхэ жилые кварталы дополнялись широкими улицами, уютными аллеями, садами и великолепными дворцами знати. Южное побережье занимал императорский парк, по сути представлявший собой лес, точнее, заповедник, куда допускался только Шихуанди с семейством и свитой. Возведенный среди деревьев дворец по всем параметрам превосходил ранее известные сооружения. О величине главного здания можно судить по размерам парадного зала, по слухам вмещавшего 10 тысяч человек. Комнаты были заполнены колоколами и барабанами, пологами и занавесями, слугами и прекрасными наложницами. Все вещи всегда находились на своих местах, и даже люди не могли передвигаться без указаний.

Впрочем, столичное жилище императора было лишь лучшим из многих: ему принадлежало более 700 дворцов только в Китае, причем 300 из них располагались в окрестностях Сяньяна. Огромные усадьбы вблизи города составляли единый архитектурный ансамбль, в плане воссоздававший звездное небо. Почти все императорские дома строились

по аналогии с теми, которые раньше принадлежали покоренным князьям. Захватив какуюлибо область, Шихуанди приказывал зарисовать устройство главного дворца, с тем чтобы возвести себе точно такой же.

Формирование идеального государства, каковым хотел сделать Цинь Шихуанди свою империю, невозможно без соответствующих законов. Их разработкой занимались не только отдельные личности, от странствующих мудрецов и городских учителей до знатных вельмож, но и целые философские школы. Особого внимания монарха удостоился труд Шана Яна, впоследствии министра царства Цинь, знаменитого реформатора древности. «Если наказывать, то карать сурово за мелкие проступки, – гласил один из его законов, – и тогда исчезнут наказания, дела увенчаются успехом, а государство усилится. В древности люди были просты и честны, ныне же они хитры и лживы. Сегодня возврат к добродетели возможен только путем смертных казней и примирения справедливости с насилием». Взгляды Шана Яна согласовались с имперской философией. Немного позже, отраженные в обширном уголовном кодексе, они воплотились в законе, который в основном применялся к незнатным лицам.

Сопротивление власти в эпоху Цинь подавлялось жестоко, нередко с помощью изощренных видов смертной казни. За человека, нарушившего закон, как правило, отвечала вся семья. За серьезное преступление смерть грозила не только самому виновнику, но и всем его родичам в трех поколениях. Родственников казнили вместе с осужденным или превращали в рабов. Воры, растратчики общественных средств, неверные жены обычно наказывались отрезанием носа или разрубанием колен. Государственные преступники заканчивали жизнь в кипящих котлах; их разрубали пополам или на мелкие части, разрывали колесницами, закапывали живыми в землю, возводили на плаху, где измученному пытками человеку пробивали темень либо выламывали ребра. Отрубание головы считалось милостью, поскольку сулило быструю смерть.

Аристократы из покоренных царств — 120 тысяч богатых и знатных семейств — были насильно переселены в «пустующие земли и сильно горевали по этому поводу». Лишенные свободы, они жили в достатке, но под пристальным надзором слуг императора. В летописях сей акт назывался «великим очищением от сильных и красноречивых». Те, кто осмеливался возражать, подвергались смертной казни. С отменой прежних титулов главным критерием знатности признавались государственные заслуги.

«Если на тысячу человек, посвятивших себя земледелию, придется всего лишь один, знающий "Шицзин" или "Шуцзин" и показавший себя умным оратором, то вся страна откажется пахать», — утверждал Шан Ян. Связанные с именем Конфуция, эти книги олицетворяли благородство, провозглашали индивидуализм и неравенство, более того, призывали к неподчинению владыке, если тот ошибался. По указу Цинь Шихуанди все труды великого философа были брошены в костер на площади столицы, где сваренные в котлах и закопанные живыми погибли 460 конфуцианцев.

Запуганные чиновники боялись сказать правду, поэтому император не знал, что «злодеяний становится все больше, разбойников развелось без числа, дела ведутся все беспорядочней... На рынках империи сандалии дешевеют, а протезы для ног дорожают, поскольку бродягам отрубают ноги. Спасаясь от налогов, крестьяне убегают в горы целыми деревнями, казематы не вмещают узников, дороги переполнены осужденными в окровавленных рубашках...». Не подозревая о болезни владыки, но чувствуя ослабление власти, в конце его правления люди все чаще подавали голос. Однажды в городе появился камень с небрежно вырезанной фразой: «Шихуанди умрет, и землю империи разделят». Камень быстро убрали и расплавили в огне, вскоре казнив всех, кто жил поблизости от этого места. Поднимая камни ко дворцу Эфан, задуманному как дополнение императорской гробницы, каторжники тихо напевали песню:

Эфан! Эфан! Скорее сдохни, Шихуан! Цинь Шихуанди не дожил до 50 лет, скончавшись в нарушение собственного указа, где говорилось, что император бессмертен. Смерть настигла владыку в поездке, и, страшась восстания, сановники решили не объявлять о том до приезда в столицу. Тело монарха поместили в закрытую колесницу, к которой в определенное время подходили с докладами все, кто делал это раньше. Тайна сохранялась и по прибытии в столицу; гроб без лишней огласки вынесли из дворца, доставили к секретному входу в усыпальницу на горе Лишань и спустили внутрь. Вместе с императором в склепе остались мастера, выполнявшие замки и механизмы для дверей, слуги, наполнявшие тайники, а также его бездетные супруги и несколько сотен девушек-наложниц. В новом тысячелетии обычай хоронить жен вместе с мужьями был отменен. Однако женщин не оставляли во дворце, а переселяли в дома, устроенные между внешней и внутренней оградами гробницы. Тогда же ушла в прошлое традиция замуровывать слуг, которых стали заменять глиняными фигурками или портретами, вырезанными из бумаги.

По утверждению Сыма Цянь, колоссальную гробницу в течение 10 лет строили 700 тысяч рабочих. Строители пробили ход в горе, но вскоре столкнулись с глубинными источниками. Отведя воду в другое место, они залили отверстия бронзой или, по другим источникам, медью. Яму площадью около 250 тысяч м окружили двумя стенами: внутренней и внешней. Погребальный комплекс был спланирован по подобию дворца. Помимо огромного зала с гробницей императора, здесь имелось около 100 вспомогательных помещений. Стены склепа, где предполагалось поместить саркофаг, облицевали отшлифованными камнями и нефритом. Полы устлали лакированными камнями, на которых отчетниво различалась карта с обозначением всех областей империи.

Могила Цинь Шихуанди

Дух – хранитель могилы. Терракотовая статуя, эпоха Северная Вэй

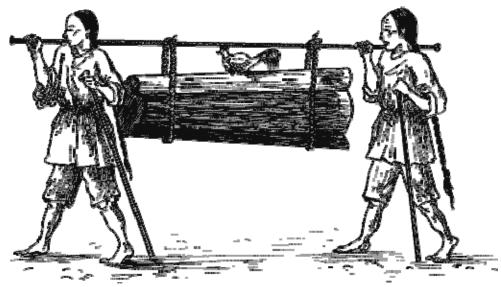
Задолго до похорон в этой комнате находились копии императорских дворцов, фигуры чиновников всех рангов, редкие вещи, драгоценные украшения, статуэтки духов – хранителей могилы. Потолок напоминал небесный свод со звездами, луной и солнцем. Уходя, мастера наполнили светильники человеческим жиром, надеясь, что огонь никогда не погаснет. На время работы все они имели при себе луки-самострелы, необходимые для того, чтобы стрелять в тех, кто попытается прорыть ход и пробраться в тайное место. Для предотвращения грабежей внутри усыпальницы были устроены «реки и моря» из ртути.

Возводя себе столь грандиозную могилу, Шихуанди верил, что память о нем сохранится навсегда. Желание императора сбылось, хотя придворные постарались уничтожить все его материальные следы: массивная дверь входа в гробницу была заложена камнем, яма засыпана, а сверху густо посажены трава и деревья, после чего могила приняла вид обычной горы. Вскоре после похорон трон занял младший сын Шихуанди. Получив власть в обход старших братьев, он начал свое правление с массовых казней, невольно приблизив конец империи Цинь.

Роскошь, позволительная Сыну неба, была не доступна не только простому труженику, но и очень состоятельному человеку. Тем не менее каждый китаец, готовясь перейти в мир иной, старался устроиться в нем не хуже, чем на земле. Сановника или богатого торговца обкладывали в гробу драгоценными камнями, золотом, серебром, жемчугом, добавляя мелочи, которые он любил при жизни, например трубку, настольную книгу, написанные им

труды. Умершего бедняка одевали в дорогую одежду, но в могилу клали лишь самое необходимое. Его посмертное жилище выглядело гораздо скромнее. Рыбакам гробом служила лодка, покрытая другой лодкой вместо крышки. Вместе с ним в загробное царство уходила половина сети, тогда как вторая половина оставалась у родных как память об усопшем. Не имея возможности построить склеп, простой человек старался приобрести хотя бы красивый гроб и начинал заниматься этим лично, едва только на лице появлялись морщины.

Старинные китайские гробы выполнялись без использования гвоздей. Самые дорогие из них окрашивались в красный цвет, более дешевые – в черный. Внутренние стенки покрывались лаком, после чего специальным составом смазывались пазы. По сле нескольких таких процедур изделие становилось совершенно непроницаемым для влаги. Художники расписывали наружные стенки гробов сценами из жизни усопшего, вырезая на крышке его имя, фамилию, время и место рождения, указывая род занятий, день кончины. Самое престижное посмертное жилище изготавливалось из тиса – дерева, не поддающегося гниению и потому являющегося символом долголетия (кит. шоу). Богачи нередко обзаводились двумя гробами, приобретая в дополнение к основному более скромный «чехол». Бедняка, не сумевшего накопить к старости денег, заворачивали в камышовую циновку.

Похороны простолюдина

О будущих похоронах родителей заботились дети. При недостатке средств младший из семьи мог продать себя в рабство только затем, чтобы купить отцу деревянный гроб. Добытая таким способом вещь торжественно водружалась в доме и становилась предметом гордости старого родителя, который расхваливал перед соседями поступок сына. В средневековом Китае распространился обычай дарить отцу на 59-летие похоронное платье – одеяние из темно-синего шелка с вышитым иероглифом «долголетие». Удивительно, что эту одежду не хранили в сундуке, а носили, правда по большим праздникам.

Делом особой важности считался поиск места для захоронения. Эту сложную проблему родственники решали с помощью прорицателей. В ожидании достойного жилища труп оставался в доме. Если через 100 дней место не находилось, покойника относили в ближайший монастырь, где он мог храниться несколько лет.

По пути на кладбище участники похоронной процессии разбрасывали вокруг разорванную бумагу — ложные купюры в качестве подношения духам. Перед мостами, колодцами и воротами храмов было принято разжигать костры, в которых горели жертвенные «деньги».

В похоронной церемонии обязательно участвовал белый петух. По местным верованиям, в эту примитивную птицу тотчас после смерти переселялась душа покойного, и

для того, чтобы вернуть ее в тело, петуха резали на могиле.

Надгробный памятник на родовом кладбище

Загробное существование каждого китайца начиналось на кладбище. Могиле, как хранилищу тела с вечно живой душой, надлежало быть сухой и защищенной от муравьев. Этим требованиям полностью удовлетворяли участки на склонах гор. Посыпанное древесным углем дно ямы затем покрывалось глиной, известью и мелким песком. Жидкой смесью из тех же ингредиентов заливался сам гроб, стоявший в открытом деревянном ящике. Над каждой могилой высился курган, по высоте соответствующий земному статусу покойного. На некоторых могилах возводились небольшие постройки, похожие на христианские часовни, куда, по убеждению китайцев, спускался дух усопшего для того, чтобы принять дар.

В северной части Китая покойников обычно хоронили на полях. Каждая могила представляла собой курган с плоской вершиной, увенчанной надгробным камнем, хотя иногда насыпи придавалась более заостренная форма. Однако в любом случае усыпальницу густо обсаживали кустами, цветами, деревьями, что укрепляло землю и придавало местности эстетичный вид.

На юге лучшим считался холм, силуэтом походивший на лежащего тигра, какие нередко встречаются в горных районах Южного Китая. Жители Поднебесной считали его царем зверей, поэтому все, связанное с ним, наделялось магической силой. Необъяснимой

властью над окрестным населением обладали не только «тигровые холмы», но и все напоминающие животных предметы. Если родственникам посчастливилось отыскать такой участок, то могила устраивалась рядом с головой или невдалеке от лап «тигра». Правильно расположенное захоронение успокаивало душу покойника, ограждая живых членов семьи от несчастий.

Немало похожих на тигра гор имеется в окрестностях Сианя, где захоронены многие китайские императоры. Местные жители называют пригородную равнину «Спящий город императоров, их жен и наложниц», ведь здесь находится более 800 могил, и большинство из них представляют собой невысокие холмы. Главный город империи Цинь был столицей Китая в течение 1180 лет и сумел пережить 11 династий. Холм над могилой Цинь Шихуанди вначале достигал 160 м, но со временем подвергся разрушительному воздействию природы, утратив 2/3 высоты. Курган, скрывающий гробницу У Ди — могущественного владыки следующей династии Хань, даже сейчас выглядит внушительно, поскольку имеет 1 км в окружности и около 50 м в высоту.

Традиции очень развитого в Китае культа предков обязывали ухаживать за могилами. Захоронение, больше 3 лет не приводившееся в порядок, считалось заброшенным, а его разрушение относилось к самым страшным оскорблениям. В некоторых районах страны существовал праздник могил, когда полагалось изливать чувства к умершим родственникам. Люди приходили на кладбище и, усаживаясь на скамейки, громко рыдали, выражая скорбь по тем, кто уже давно обитал в мире теней. Пекинцы совершали подобный ритуал дома, сначала кланяясь, а затем сжигая мешок, на котором были написаны имена покойных родителей. Церемония завершалась перед заходом солнца, потому что духи предков, в тот день находившиеся рядом, должны были успеть вернуться на кладбище до того, как закроются городские ворота.

Терракотовая армия Шихуанди

Доступ в подземное жилище первого императора Цинь защищала сложная система ловушек. Ямы, ложные двери, лабиринты с тупиками предназначались для того, чтобы никто не смог нарушить покой мертвого владыки. Отдельные смельчаки, конечно, пытались пробраться в гробницу и, может быть, уносили с собой какие-нибудь вещи. В китайских летописях упоминалось о нуждавшемся в деньгах полководце, который приказал вскрыть самую богатую усыпальницу Китая. Отряд охранников не справился с армией, и большая часть помещений была разграблена. Первыми, кто обнаружил настоящее богатство – произведения древнего искусства, стали археологи, проникшие внутрь одного из холмов, покрывающих обширное императорское погребение. Начатые вскоре раскопки открыли миру уникальные предметы: тысячи фигур из глины, целое войско, которому надлежало биться за императора на полях потустороннего мира.

Терракотовая армия Шихуанди

В современном Китае почти не осталось мест, где могли бы состояться археологические сенсации. Восточные хронисты скрупулезны по отношению ко всему, что касается истории, поэтому отыскать участки, представляющие научный интерес, никогда не составляло труда. Воспитанные в почтении к старым трудам, китайские ученые не допускают мысли о скрытности историков прошлых лет. Открытия здесь происходят по воле случая, который, к счастью, не следует традициям. Примерно так миру открылось глиняное войско, покоившееся под слоем земли более 2 тысячелетий. Летом 1974 года во время земляных работ в провинции Шэньси была обнаружена 2-метровая глиняная статуя человека с копьем в руках. Старинная прическа в виде узла на темени, но более всего бронзовый наконечник копья позволяли отнести фигуру к глубокой древности. Однако археологи вначале не связали находку с близлежащим могильным холмом – гробницей Цинь Шихуанди. К началу осени ученые смогли объявить о невероятном событии: в поле, лежащем к востоку от кургана, скрывалось 6 тысяч глиняных солдат, созданных при жизни Цинь Шихуанди.

Согласно преданию, император не хотел отказываться от трона и после смерти. Для поддержания порядка в государстве, не важно, земном или небесном, необходимо войско, поэтому он приказал вылепить глиняных солдат, надеясь, что в них переселятся души настоящих. Раньше цари забирали в могилу живых солдат, но в эпоху Цинь убить целую армию не отважился даже такой сильный владыка, как Шихуанди. В то время массовые человеческие жертвы могли привести к восстанию, то есть угрожали существованию империи и были опасны для самого правителя. Единственным выходом стала идея воспроизведения солдат, чему благоприятствовал высокий уровень скульптурного мастерства.

Художники, несомненно, работали с натурой. В качестве моделей выступали живые люди, вероятнее всего воины императорской гвардии. Тот факт, что каждая фигура является портретом реального человека, доказывают различия в чертах и выражения лиц, а также антропологические особенности. Почти все статуи наделены широким лбом, большим ртом с толстыми губами, большинство из них имеет короткие усы, и примерно так выглядят сегодняшние жители провинции Шэньси, внешность которых не изменилась за 22 столетия.

Как выяснилось позже, императора сопровождали в мир иной не 6, как предполагалось

ранее, а 8 тысяч глиняных солдат, вылепленных в рост человека. Руки построенных в боевом порядке статуй были сделаны из дерева, фигуры облачены в шелк. Время превратило нежные материалы в прах, но ученым удалось исследовать фрагменты. Ни один из воинов не походил на другого; все они различались выражением лиц — задумчивые, спокойные, строгие, суровые.

Предназначенные для подземных сражений, глиняные телохранители Шихуанди имели при себе мерные чашки для зерна, трехгранные наконечники для стрел, бронзовые монеты, то есть вещи, необходимые в походе. Их копья, мечи, луки, как и бронзовая упряжь коней, были не скульптурой, а настоящим боевым оружием: археологи ранили руки, касаясь острых лезвий мечей. Фигуры пехотинцев располагались стройными колоннами в огромном склепе. Превосходно сохранившиеся статуи удивляют правильными пропорциями, причем каждая из них обладает индивидуальными чертами лица.

Древние мастера не пользовались формами: каждый из 6 тысяч солдат и офицеров глиняной армии был скопирован с конкретного человека. Видимо, с моделей лепились и предметы, иначе оружие, боевые доспехи, обувь, прически, одежда не могли быть выполнены с такой поразительной точностью. Галерею скульптурных портретов в гробнице Шихуанди составили самые разные человеческие типы, ведь в древности у императора служили старые и молодые, стройные и сутулые, полные и худощавые.

Археологические раскопки велись в двух галереях; в первой, расположенной на глубине около 5 м, находились 6 тысяч пехотинцев, выстроенных в определенном порядке по всей длине 11 параллельных коридоров. Пеших воинов возглавляли отряды запряженных четверками боевых колесниц. Время не повредило глиняным солдатам и лошадям, тогда как выполненные из дерева повозки сохранились плохо, но даже мелкие фрагменты позволили восстановить их первоначальный вид.

В древней китайской армии колесницы обычно выступали в окружении пехоты. Солдаты из таких отрядов были вооружены 6 метровыми копьями из бамбука, не позволявшими врагу приблизиться к лошадям. Конница всегда служила авангардом войска, поэтому на повозках имелись колокола и барабаны – сигнальные устройства, необходимые для того, чтобы отдавать команды и направлять атакующих. Солдаты из северного и восточного коридоров, видимо, защищали фланги, о чем можно догадаться по отсутствию щитов, которых, впрочем, как и шлемов, не имелось у большинства воинов, крепких и смелых, способных обороняться даже голыми руками. Некоторые надевали на головы шапочки, но большинство солдат связывали волосы в пучок, закрепляя его высоко на темени. В отличие от пехотинцев голову каждого конного воина защищал шлем, закрепленный ремешком под подбородком.

Воин, женщина и кочевник. Терракотовые статуэтки из погребений, эпоха Северная Вэй

В последующие эпохи крупная погребальная скульптура в таких масштабах не выполнялась, хотя сама традиция сохранялась довольно долго. К началу нового тысячелетия подобные статуи уменьшились в размерах, зато стали более выразительными. Особым своеобразием отличалась культура северной части страны, которую сегодня принято относить к эпохе Северная Вэй (386–535 годы). Произведения тех лет удивляют разнообразием образов. Тогда китайские мастера, не отказываясь от типизации, стремились передать индивидуальные черты, предпочитая в качестве моделей воинов, кочевников и женщин знатных фамилий. Наряду с ними, часто использовались культовые образы, например, духов либо ученых мудрецов. Скульптурные герои подобного рода более динамичны, но в них заметна условность, характерная для религиозного искусства того времени.

Глиняным воинам из гробницы Шихуанди надлежало охранять своего владыку вечно и быть всегда готовыми к бою. Тем не менее скульпторы изобразили войско в расслабленном состоянии. Выражаясь современным языком, почти все пехотинцы находятся в положении «вольно», но готовы перестроиться в боевой порядок с первым ударом колокола.

Большинство глиняных солдат смотрят на восток, одни стоят прямо, другие опустились на колени и, вынув из ножен меч, отражают атаку. Рост рядовых составляет от 1,75 до 1,85 м; командиры немного выше, что выражает их превосходство по рангу. Кроме того, различие в статусе подчеркивает одежда. Командиры облачены в туники с поясами и костюмы, похожие на мундиры. На воинах низшего звания надеты короткие, зауженные книзу штаны. Рядовых легко отличить по коротким халатам, нагрудным панцирям и характерным прическам в виде тугого пучка волос. Их обувь типична для древних китайцев: обмотки и башмаки с прямоугольными носками.

Коленопреклоненный воин

Командиры могли позволить себе украшения и красивые металлические нагрудники. Их ноги обуты в сапоги, а волосы скрыты высокими шапками.

Во второй подземной галерее, расположенной ниже первой примерно на 20 м, археологи обнаружили 1400 глиняных воинов и стоявших отдельно лошадей. Эти фигуры значительно отличались от тех, которые находились в верхнем зале. Найденные в помещении третьего уровня последние 68 фигур представляли собой образы командующего и его свиты. Главному военачальнику полагалась шапка с двумя птицами. Его высокое звание выдают эффектные чешуйчатые латы, осыпанные драгоценными камнями. Стоящие вокруг него стрелки одеты в короткие халаты и одинаковые нагрудники, но держат в руках различного вида оружие – луки или самострелы.

Внешний вид и дальнейший анализ скульптуры подтвердили догадки о технике ее изготовления. Символические воины Цинь Шихуанди сделаны из терракоты — материала, распространившегося по миру благодаря итальянским гончарам. Термин «terra cotta» включает в себя два понятия: «земля», «глина» (terra) и «обжиг» (cotta). В искусстве его применяют для обозначения предметов из желтой или красной неглазурованной глины, прошедшей обжиг в специальной печи. В готовом виде такие вещи имеют характерный, иначе называемый терракотовым, оттенок, соединявший в себе розовый, оранжевый и светло-коричневый цвета.

У всех обнаруженных статуй полые тела и монолитные конечности — видимо, китайские мастера сначала выполняли туловище как наименее массивную часть фигуры. Цельные голова и руки крепились после обжига, который в течение нескольких дней происходил в печи, где температура не опускалась ниже 1000 °С. После такой обработки глина становилась крепкой, как гранит. Закончив работу над телом, мастер покрывал голову

тонким слоем глины и лепил лицо, стараясь придать каждому герою индивидуальность. Можно представить, насколько сложную задачу решали древние ваятели, наделяя каждого из 8 тысяч воинов неповторимым обликом, придерживаясь точности в деталях одежды и вооружении. Изначально все статуи сияли яркими красками. Однако долгая служба не прошла бесследно: краски исчезли, хотя и открыли естественную красоту материала.

Через 22 столетия после смерти императора его глиняные воины стали достоянием мирового искусства, заняв почетное место в музее. В огромном крытом комплексе, возведенном на месте гробницы Цинь Шихуанди, сегодня выставлены уникальные предметы, относящиеся к истории Древнего Китая. Открытие терракотовой армии превратило провинциальный Сиань в популярный туристический центр. Пока для обозрения открыта только верхняя галерея, точнее, яма, где находится значительная часть обнаруженных фигур. Желающие могут посмотреть и нижние залы, правда в виде фильма о раскопках, которые не завершены до сих пор. Под землей все еще скрывается множество фигур и 2 небольшие колесницы из бронзы с возницами, сделанными в половину человеческого роста. Обнаруженные в 1980 году, эти предметы предположительно являются копиями транспортных средств, которыми пользовались Шихуанди, его жены, наложницы и придворные. В настоящее время гробница императора признается самым посещаемым музеем Китая. Сюда ежегодно прибывают до 1 миллиона гостей, и большинство из них являются жителями бывшей Поднебесной империи.

«Старый младенец» Лао-цзы

Отношение к тому, что обозначается словом «путь» (кит. дао), составляет одну из основных категорий китайской философии. Если сторонники Конфуция понимают этот термин как направление духовного развития, то в даосизме путь видится законом природы, первопричиной всего сущего, источником явлений в материальной и духовной жизни. В трудах основоположника второй официальной религии Китая мир служит воплощением дао, а в Книге перемен он представляется закономерным чередованием сил инь и ян. Избравший его человек должен забыть о делах и, следуя неведомым путем под девизом «неделание» (кит. у вэй), стремиться к достижению единства с природой, а следовательно, к совершенству.

Даосизм всегда толковался противоречиво, и столь же сомнительны были рассказы о человеке, его основавшем. Имя Лао-цзы, вероятнее всего, является прозвищем и буквально переводится как «старый младенец». В даосских книгах олицетворением мудреца служат 3 разных персонажа. Сведения о каждом из них настолько туманны, что историки не уверены в реальности Лао-цзы, действительно личности загадочной во всех отношениях. По версии Сыма Цянь, описавшего его жизнь в одной из глав «Шицзи», знаменитый мудрец родился в деревне царства Чу. Исполняя обязанности архивариуса в книгохранилище дворца правителя, он имел возможность встречаться с известными людьми, например с Конфуцием. Несмотря на полвека разницы в возрасте, философы если не подружились, то беседовали с интересом. Может быть, именно эти встречи произвели столь значительную перемену в молодом Конфуции, ведь вскоре он разочаровался в действительности и отправился в долгое странствие.

Путешествие Лао-цзы продолжалось еще дольше: согласно одной из легенд, осмотр провинций Китая занял у него более 200 лет. В пограничной области Ханьгу, на территории современной провинции Хэнань, чудесным образом возникла книга «Рассуждения о пути и добродетели» («Дао дэ цзин») – главный трактат даосизма. В Китае Лао-цзы представляется отцом основателя буддизма, принца Сиддхартхи Гаутамы. Эта странная мысль утверждается в рассказах о его индийских проповедях, якобы ставших причиной появления буддизма. Согласно священным книгам, еще при жизни «старый младенец» возглавлял даосский пантеон, где заботами сторонников остался навсегда. После смерти он принимал почести в рамках собственного культа, утверждение которого ознаменовалось принесением жертвы.

Дао, как основное понятие труда Лао-цзы, уподобляется воде, как известно обладающей податливостью и неодолимостью. Возникший из этого понимания образ жизни подразумевает неделание, уступчивость, покорность, отказ от желаний и борьбы. Даосы видят мудрость владыки в отказе от роскоши и завоеваний. Объектом его внимания может быть только народ, которому нужно прививать идею возвращения к примитивной простоте, чистоте и неведению, определявшим жизнь до появления морали.

Образцом идеального правления служит Нефритовый император – высшее божество даосской религии, знаменитый своими добрыми делами. Он появился на свет в качестве дара Лао-цзы бездетным царственным супругам. С детства проявляя милосердие к бедным, больным и заблудшим соотечественникам, принц уступил свой земной трон одному из придворных и удалился в горы. Жизнь отшельника, бескорыстного врачевателя тел и душ, позволила ему не только вознестись к небу, но и стать владыкой потустороннего мира. В его обязанности входило искоренение грехов, контроль за соблюдением справедливости, наказание живых грешников и устройство посмертного суда над ними. Он поощрял добродетельных землян, вознаграждая их обещанием радости в загробной жизни. Нефритовый император считался небом в человеческом образе и пользовался любовью народа. Его изображение чаще всего встречалось в деревенских храмах, как правило возвышавшихся на холмах, то есть ближе к небесам.

Статуи в даосском храме

Символом счастья в Китае считается долгая жизнь, поэтому пожилому человеку здесь принято дарить на день рождения амулет с изображением персика и надписью в виде иероглифа, означающего долголетие. В древности китайцы верили в предание о волшебных островах, где растет чудесная трава, делающая человека бессмертным. Ураганы, бушевавшие у берегов заветной земли, стали причиной гибели мореходов Цинь Шихуанди, который, подобно простому смертному, мечтал о вечной жизни. Ни один китаец не прожил даже 2 столетий, но сама идея не перестает будоражить разум населения Поднебесной до сих пор.

Учение о бессмертии является существенным элементом даосизма. Древняя религия предлагает своим поклонникам систему приемов и упражнений, цель которых заключается в подчинении духам, живущим в теле человека. Каждый из 36 тысяч незримых обитателей организма требует внимания и заботы, иначе, рассердившись, может покинуть тело, вызвав старение или преждевременную смерть. Даосские алхимики усердно трудились над

созданием эликсира бессмертия, но смесь из неочищенной селитры, мышьяка, сернистой ртути, слюды, серы, различных кореньев и трав неизменно давала противоположный результат. Более эффективной считалась золотая и нефритовая эссенция, приготовленная с помощью магии. Отведав такого зелья, человек соприкасался с вечностью. Свободный от воздействия земных сил, он покидал свое жалкое тело, а вместе с ним и крестьянский дом ради жизни в прекрасных садах, на священных горах либо на островах, знакомых по древним легендам.

Приверженцы даосской веры избегают обильной пищи, зная, что неумеренное питание приводит к быстрому старению. Продлению жизни, по их убеждению, не способствуют мясо, пряности, овощи и вино. В древних трактатах не рекомендовалось готовить еду из зерна, поскольку обитающие в желудке духи не любят резких запахов, сопутствующих такой пище. Храмовые служители советовали верующим питаться собственной слюной, относя ее к сильным живительным средствам.

Тем не менее в определенный срок умирали все сторонники даосской веры. С последним вздохом человек оставлял на земле свое тело и в виде одинокой души улетал ввысь. Пребывая на небесах, он «общался» с родственниками через свое земное воплощение – табличку духа предков, представлявшую собой покрытую красным лаком доску величиной 10 х 30 см. На ее лицевой стороне, делалась золотая надпись, содержащая сведения о покойном и старшем из живых мужчин рода, который, по обычаю, заказывал табличку. На табличке усопший упоминался под посмертным именем, с момента провозглашения которого никто не смел именовать покойника так, как он звался при жизни. Подробные сведения о покойнике можно было почерпнуть с внутренней стороны доски. Снаружи текст был сокращенным и занимал половину поверхности: оставшееся место предназначалось для

имени супруги родоначальника.

Создание надписи поручалось писцу, выводившему иероглифы перед куклой,

изображавшей душу покойного предка. Мастер совершал поклон, молился, тщательно мыл руки и каллиграфически выводил примерно такой текст: «Табличка духа усопшего родителя Ван Гуй». Доска следовала на кладбище в специальной повозке под романтичным названием «паланкин души». После похорон ее приносили домой, помещая в семейном храме или в общей комнате, но на специально устроенном столе. В торжественные дни сюда ставили посуду с напитками и лучшей едой, предлагая умершим родичам мясо, сладости, фрукты, вино в изящных рюмках. Подобно любым жертвоприношениям, все продукты по окончании ритуала съедали и выпивали те, кто их преподносил, то есть члены семьи покойного. Таким же образом китайцы приносили жертвы богам, совершая ритуал и в храме, и в любом дозволенном месте, например посреди поля.

Перед изображением божества в определенном порядке ставились жертвенные кушанья, напитки, зажигались свечи и благовония, укладывались деньги и хлопушки. Вкусные запахи привлекали внимание того, кому предназначались вещи, и он нисходил к людям, воплощаясь в свой бумажный портрет. После церемониала бог взлетал на небеса, в чем ему помогали люди, поджигая изображение и деньги под оглушительный треск хлопушек.

После смерти отца власть в роду переходила к старшему из братьев, вынужденному носить неблагозвучный титул сын могилы (кит. чжунцзы). Взвалив на плечи изрядную долю ответственности, он получал право распоряжаться судьбами членов семейства. Однако истинными руководителями оставались предки; их всесильная воля всегда считалась законом. Давно умершие, хотя и не забытые, они продолжали жить в семье, властвуя над родственниками, которые помнили их только по именам. Душа в загробном мире не могла существовать без пищи. Обязанность кормить ее брали на себя члены семьи, старавшиеся дать духу не только все необходимое, но и то, что он попросит. Заброшенный, голодный, лишенный почета и внимания дух становился злым и мог навлечь на потомков беды.

Даже сытые и довольные, усопшие требовали многого. В китайских хрониках зафиксированы случаи, когда взрослые дети «по просьбе» мертвых родителей добровольно продавались в рабство. В 1982 году крестьянка из отдаленной провинции Сычуань принесла в жертву духам трех своих малышей. В одной из общин Гуанси-Чжуанского автономного района умершим родственникам было принесено в жертву 120 буйволов. В провинции Шаньдун заботливый сын отрезал кусок своего тела, поджарил мясо и вытопил жир, чтобы смазать болезненный нарыв у матери. Женщина выздоровела, а молодой человек, демонстрируя родственникам огромный шрам, рассказывал, как делал все это по совету отца, с которым часто общался во сне. Выполняя сложный ритуал почитания душ, китайцы рассчитывали на участие предков, все же помня, что они не способны оказать быструю и непосредственную помощь. Решая конкретный вопрос, человек молился не табличкам, а статуям. Впрочем, безмолвные идолы отвечали посетителям даосских храмов не лично, а через посредников, или жрецов-прорицателей, способных истолковать волю богов.

Еще в эпоху Инь китайцы вверяли судьбу гадателям, которые общались с духами посредством магических формул, начертанных на костях крупного рогатого скота или черепашьем панцире. Духи могли открыть человеку завесу над будущим, воздействовать на взгляды и поступки людей. Суеверный страх перед невидимыми существами заставлял китайцев обращаться к прорицателям, проходившим специальный обряд посвящения. Скромное вознаграждение не мешало им отвечать на самые сложные вопросы, давать советы в значительных делах, решать судьбы, например при поисках жениха или невесты. Клиенты с робостью подходили к высокому столику, где прорицатель обычно сидел, вглядываясь в листки с гадательными формулами. Страх и доверие внушали его строгое лицо, внимательный взгляд, уверенные жесты, отработанные за долгие годы своеобразной психологической деятельности. Согласуя магические тексты с явлениями природы, он мог предсказать удачу, порекомендовать лучшего доктора, предупредить о несчастье, найти вора, посоветовать относительно будущего супруга или партнера в предстоящей сделке. Прогноз в гадании на животных зависел от движения их тел, поворота головы, выражения глаз. Иногда

объектом становился сам клиент: о судьбе свидетельствовал силуэт его тела, форма головы, величина ушей.

Престиж гадателя основывался только на суеверии толпы, верившей каждому его слову. Сбывшиеся предсказания увеличивали его популярность, а ложные легко объяснялись неверием клиента в бога или неуважительным отношением к толкователю. Невежественные рекомендации нередко становились причиной смерти клиента, и особенно часто это случалось, когда гадальщик выступал в роли врача. В одной из пекинских газет сообщалось, как родственники больного, решив проверить прописанное колдуном лекарство, обратились к аптекарю. Тот сказал, что микстура по сути представляет собой яд, способный убить несколько человек. После того как люди передали этот разговор прорицателю, он, разгневанный неверием, решил доказать свою правоту и выпил «лекарство», от которого

умер спустя несколько минут.

Беседа с предсказателем судьбы

В данной ситуации родственникам повезло и больной остался жив, но даже потеряв его, они не отважились бы наказать шарлатана. Слова любого прорицателя воспринимались как воля бога, обращавшегося к простому смертному через своего посредника на земле. Никто не решался выразить недовольство действиями человека, имевшего столь сильных покровителей. Рассерженное божество могло отомстить, заставив страдать целый род.

Подобно другим древним народам, китайцы привлекали мистику к объяснению всего происходящего в мире. Унаследованные от предков легенды о добрых и злых божествах занимали огромное место в жизни всякого цивилизованного народа. Жители Китая почитали духов, олицетворявших силы природы: землю, солнце, луну, растения, моря, реки и, конечно, горы. Все они царили в природе, распоряжаясь силами стихий. Русский медик В. В. Корсаков, побывавший в Пекине в конце XIX века, отмечал, что «совокупность духовного мировоззрения китайского народа опутана суевериями, совершенно не отвечающими современной жизни. Духовно китайский народ живет в детстве давней, седой старины, а

телесно ведет упорную и тяжелую борьбу за существование, которое для него очень и очень нелегко».

Излюбленным путем движения злых духов считались прямые линии, поэтому китайцы старались их избегать. Если округлые формы, например извилистые реки, мягко скругленные силуэты гор, обеспечивали благополучие, то опасность сулили такие виды рельефа, как отвесные скалы. Опираясь на поверья, строители прокладывали извилистые дороги даже на ровных участках местности, а зодчие старались располагать города среди низких, поросших лесом холмов. Защитой от злой силы объясняются некоторые элементы китайского зодчества, в частности изогнутые кровли. На старинных зданиях столицы крыши приподняты к краям, чтобы помешать духам проникнуть внутрь домов. В качестве дополнительной защиты на карнизах устанавливались статуи мифических стражей и реальных зверей, также призванных оборонять жилище от незримой нечисти. Типичные для пекинской архитектуры изогнутые крыши появились в поздние времена правления рода Хань, сумевшего вновь превратить Китай в процветающую империю.

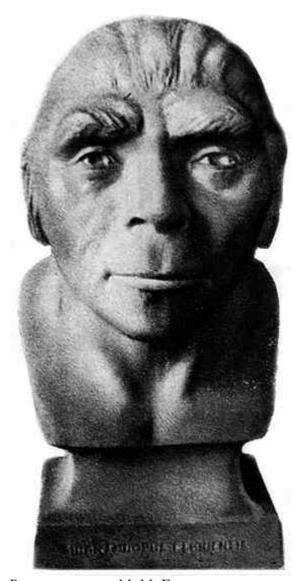
Средневековый Пекин

Широко кругом простирается небо вдали, Но нет под ним ни пяди нецарской земли... «Шицзин»

В 1929 году на юго-западной окраине Пекина были обнаружены человеческие останки, захороненные около 500 тысяч лет назад. Череп пекинского синантропа отличался большим объемом и отсутствием наклона лобной кости, что указывало на высокую степень развития мозга. Причислив найденного обезьяночеловека к предкам, китайцы нашли в его характеристиках доказательство величия своей нации, а жители столицы посчитали свой город еще более древним.

Тем не менее стоит поверить ученым, которые утверждают, что поселение, впоследствии ставшее Пекином, возникло не ранее 900-х годов до н. э. В эпоху Чжоу оно именовалось Цзи и представляло собой крепость, долго сохранявшую оборонительное значение.

В период Враждующих царств твердыня преобразилось в центр княжества Янь, название которого, видимо, вспомнили владыки из династии Ляо (917–1125). В пору их недолгого правления будущая столица Китая именовалась Яньцзинь, а сегодня этим словом обозначается одна из самых популярных марок китайского пива.

Пекинский синантроп. Реконструкция М. М. Герасимова

В течение долгих веков существования Пекин часто менял название, статус, внешний вид и значение. Сохранив облик и планировку, принятую в глубокой древности, сегодняшний город предстает в ослепительном блеске красоты и величия. Его внешний вид в основном сложился к XVI веку, когда местное искусство еще не успело испытать европейского влияния. Архитектура Китая всегда, и особенно в средневековые времена, зависела от суеверий и религиозных традиций. Пекинские зодчие не отличались индивидуальностью и, копируя старые образцы, создавали прекрасные произведения. Заключая в себе все лучшее, что было создано китайцами за несколько тысячелетий, северная столица империи всегда удивляла своеобразием и красотой.

От Цзи до Бэйцзина

«Пришедшим к власти Хань в наследство от Цинь досталось сплошное разрушение», — отмечено в «Шицзине». Великое спокойствие наступило в 206 году, когда предводитель царей и князей Поднебесной Ван царства Чу перерезал себе горло после проигранной битвы. Описывая положение в государстве того времени, Сыма Цянь отнюдь не сгущал краски. Когда в междоусобных конфликтах погибло более половины населения, над развалинами городов и пепелищами деревень воцарилась тишина. Поля покрылись молодым кустарником, в лесах резвились непуганые звери, и страна, казалось, опустела навсегда. В

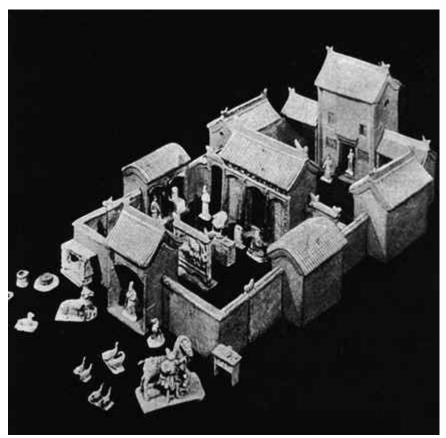
течение 2 столетий сильно поредевшее население Китая наслаждалось обилием земли и пищи, не знало войн, преступности, не испытывало жестоких наказаний.

В китайской истории период владычества Хань (202 год до н. э. – 220 год н. э.) остался временем подъема экономики и культуры. Стремительное развитие искусства обусловили торговые связи с Индией и странами Ближнего Востока. Железо постепенно вытеснило из быта медь и бронзу. Изобретение бумаги благоприятно повлияло на литературное творчество и послужило толчком к появлению новых видов живописи. В то же время продолжала совершенствоваться давно известная стенопись, по-прежнему щедро украшавшая дворцы правителей. Возможно, богатое жилище имелось у владыки района с центром в городе Цзи, в глубокой древности располагавшемся на месте Пекина.

Даже в благополучную пору Хань поселение на северной окраине страны не походило на столицу ни величиной, ни значением, ни внешним видом. В хрониках упоминается о широком строительстве дворцов, жилищ и общественных зданий. Архитектурные памятники той эпохи не сохранились, однако рассказы историков подтверждают глиняные модели из курганов, а также изображения многоэтажных сооружений на скальных рельефах. Трудно не восхищаться мастерством китайских зодчих, которые тысячи лет назад умели возводить и затейливо украшать сложные здания.

Глиняная модель сторожевой башни, эпоха Хань

Глиняная модель усадьбы, эпоха Хань

Глиняная модель жилого дома, эпоха Хань

До появления черепичных крыш с загнутыми краями дома будущей столицы покрывались простыми по форме двухъярусными сооружениями, а злых духов отпугивала каменная стенка (кит. инби), стоявшая перед дверью дома или входными воротами усадьбы. Здания в Цзи никогда не выстраивались по одной линии: какое-то обязательно выдвигалось вперед, преграждая путь сонмищам духов. Считалось, что, наткнувшись на угол, злые существа рассеивались и становились не столь опасными. С развитием скульптуры в средневековую пору на крышах появились глиняные и бронзовые звери, похожие на собак. Животные-пугала всегда изображались с открытой пастью, то есть готовыми схватить пролетавшую мимо нечисть.

Длинные прямые каналы также являлись удобным путем продвижения злых сил. Ослабить их распространение помогали искусственные острова и миниатюрные мостики, которые всегда располагались в разных уровнях. Жители чувствовали себя неуютно на прямых улицах, поэтому никто не возмущался, если какой-нибудь торговец перекрывал проход вывеской, подвешенной к доскам, перекинутым с дома на дом. В начале главных, самых широких, улиц стояли каменные столбы, а нередко и башни с колоколами в качестве самой надежной защиты.

По древним поверьям, злые духи прилетали с северными ветрами, а добрых приносили южные. На строительстве дорог, каналов, колодцев и при работе в каменоломнях люди старались не пропустить внутрь сооружений силы, обитающие над самой поверхностью

земли. Перед незаконченным домом к одинокому столбу крепилась полоска ткани с письменным обращением к богам. Благосклонность небожителя позволяла задержать духов, не давая им подняться в воздух. С той же целью с балок свисали талисманы с просьбой не допустить пожара. Готовый дом посвящался одному или нескольким божествам, к которым хозяин чаще обращался с молитвой.

В провинции Хэнань был раскопан целый ансамбль глиняных моделей, несомненно похожих на пекинские дворы начала I тысячелетия. Можно предположить, что именно так выглядело типичное жилище богатого китайца эпохи Хань, которое, впрочем, мало отличалось от средневековых и даже современных поместий.

Облицовочный кирпич с изображением сцены охоты, эпоха Хань

Старинная китайская усадьба представляла собой ряд одноэтажных построек, расположенных строго симметрично, по оси север—юг. Впечатление легкости создавали фигурные окна-входы, резные колонны и загнутые кверху карнизы крыш. Внутреннее пространство образовывала толстая глиняная стена, дополненная тонкими перегородками, которые разделяли весь комплекс на дворы: внешний и внутренний, жилой и хозяйственный. Богатые домовладельцы старались устроить жилища по подобию императорских дворцов. Средних размеров усадьба состояла из 6–7 помещений: крытого входа, двухэтажной сторожки с небольшими дозорными окошками, кухни, боковых домиков со спальнями и, наконец, главного павильона с богато украшенными дверями. Здесь, в просторном зале, стоял алтарь, у которого семья собиралась на моления и праздничные церемонии. В отличие от богачей неимущие горожане обитали в тесных фанзах, скупо отапливаемых железными печурками. Окна таких домов по традиции выходили во внутренние дворы, пропуская слишком мало света.

На раннем этапе развития китайской архитектуры обозначились черты, позже определившие неповторимую красоту Пекина. В отсутствие изогнутых кровель здания эпохи Хань удивляли необычными пропорциями. Снаружи они выглядели небольшими, уютными, компактно спланированными, тогда как изнутри, обнаруживая истинные размеры, подавляли колоссальным размахом. Подобное восприятие исходило от сильно увеличенной верхней части построек, увенчанных массивными черепичными крышами. Высота покрытия обычно превышала горизонтальные размеры самого здания. Обманчивое впечатление зыбкости

создавали опоры в виде тонких столбов, обилие украшений, резьбы, ярких красок, а также легкий материал – дерево. Кроме того, и дворцовые, и городские ансамбли строились с размахом. Постройки, как правило удаленные друг от друга, образовывали огромные, похожие на площади дворы. Жилье никогда не соседствовало с церемониальными сооружениями, располагаясь по краям площадки либо за ее пределами.

Деревянные сооружения как нельзя лучше представляют мастерство китайских строителей. Их почтенный возраст свидетельствует о рациональности конструкций, в то же время позволяя судить об умении зодчих, старавшихся придать своим творениям красоту и художественную выразительность. Китайцы давно применяли знакомые нашим современникам принцип модульности и каркасную основу сооружений. Однако их инженерные решения были ответами на вопросы, которые ставила перед строителями природа. Летом в Китае жарко и очень влажно; холодные зимы не радуют жителей снегом. Раньше обильные осадки заставляли поднимать деревянные и глинобитные части домов как можно выше над землей. Так, древние каменные основания постепенно сформировались в стилобаты, на которых покоятся многие здания нынешнего Пекина.

Палящее солнце и ливни потребовали изобретения надежной кровли, каковой была уложенная на подсыпку черепица. Покрытый глазурью, этот материал прекрасно отражал свет, поэтому крыша нагревалась медленно, не успевая раскалиться даже в самый знойный день. Большой вынос кровли спасал здания от перегрева, и помещения долго сохраняли ночную прохладу. Применявшиеся в древности глинобитные стены, прекрасно защищая комнаты от жары и холода, не могли бы в одиночку вынести тяжести кровли. С изобретением каркаса стена стала простым заполнением. Тяжелые покрытия держались на особых стропилах, которые, принимая на себя нагрузку, создавали распор, или, выражаясь проще, не позволяли постройке «разъехаться». В городских усадьбах глухое глиняное покрытие северной, западной и восточной частей здания дополнялось деревянной стеной с юга. Именно здесь обычно устраивались прогулочные галереи, окна с решетками и широкие, выходящие в сад двери.

Удивительно, что, просуществовав почти тысячелетие, многие деревянные здания сохранились, в чем немалую роль сыграла такая, казалось, малозначительная деталь, как форма карниза. Кроме того, долголетию способствовало высокое качество кровельного материала. Популярная во все времена керамическая черепица имела цилиндрическую форму и укладывалась на ровную поверхность крыши с помощью специального профиля. Роль креплений также играли небольшие фигурки, по-китайски называвшиеся «цяншоу» и обычно изображавшие зверей. Около пяти таких статуй устанавливал на крышу своего дома простой горожанин, тогда как императорскому жилищу их полагалось не меньше десяти. Коньковым завершением служила конструкция, где вместо цяншоу использовались керамические зажимы джэньвэнь, то есть элементы, сообщавшие зданиям «рогатый» вид. Массивный, сильно выдвинутый вперед карниз поддерживали богато орнаментированные кронштейны (кит. доугун), которые давали возможность распределить массу крыши и сделать постройку более устойчивой.

Внешний вид, форма и техника исполнения сложных конструкций кровли отрабатывались в Китае веками. Преодолевая трудности, строители пришли к модульной системе, позволившей внести порядок в соразмерность отдельных частей. Совершенствуя конструкцию, они заботились о том, чтобы постройки выглядели легкими, а созерцание их доставляло удовольствие. Любое китайское сооружение воплощает в себе гармоничный союз сложных конструкций, причудливых форм и красок, настолько ярких, что их не может передать даже современная фотография.

Красивые дома требовали прекрасных интерьеров, поэтому китайцы не жалели денег для их оформления. Чиновники и торговая знать, которым посчастливилось жить в эпоху Хань, распоряжались большими ценностями. Популярными элементами тогдашнего декора были статуэтки из нефрита, узорчатые шелка, резные кубки, зеркала в тяжелых оправах из бронзы, расписные лаки. Изредка на оборотной стороне зеркал, как и на некоторых

ювелирных изделиях, встречались изображения зверей с гибкими, вытянутыми, сильными телами. Такие животные составляют характерную черту так называемого звериного стиля, отличавшего искусство степных народов. Отгороженные Великой стеной, китайцы с гуннами не общались, но соприкосновение культур все же имело место. В III веке народные бунты и усилившийся натиск с севера привели империю Хань к распаду. Повергнутая в междоусобицу страна в очередной раз разделилась на мелкие княжества, и городам вновь потребовались высокие крепостные стены.

Крепостные сооружения одного из китайских городов. Настенная роспись, эпоха Тан

С приходом к власти правителей рода Тан (618–907) в Китае наступила одноименная эпоха, когда особенно ярко раскрылся творческий потенциал китайцев. Живописных произведений того времени сохранилось мало, хотя рисование красками, наряду с каллиграфией, относилось к почитаемым видам искусства. Возможно, главным из них была архитектура, ведь именно в тот период сформировались главные типы построек, в первую очередь дянь, ставшая основой всей китайской архитектуры. Зодчие эпохи Тан именовали так одноэтажное сооружение на прямоугольном земляном основании, отделанное большими каменными плитами. Наряду с дянь существовали многоуровневые постройки — лоу, надвратные башни — тай, галереи — лан, всевозможного вида беседки, упоминавшиеся под единым названием «тин».

Помимо яркого своеобразия, китайское зодчество отличается от других восточных архитектур устойчивостью традиций. Основные приемы сложились в незапамятные времена

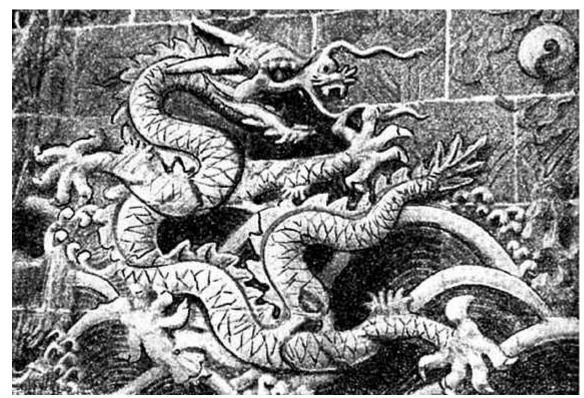
и переходили из одной эпохи в другую с небольшими изменениями. Местные строители, конечно, подвергались иноземному влиянию, однако все новшества переосмысливались и применялись в рамках правил. Заимствованные детали не выглядели таковыми, напротив, воспринимались не только китайскими, но и «старинными». После того как философы обобщили и записали смутные представления о мире и месте жилища в нем, китайские города обрели четкие формы в плане и совершенно определенный вид в отношении декора. Из философских трактатов в чертежи перенеслись сакральные фигуры круг и квадрат, которые связывались с землей и небом.

В некоторых источниках ко времени Тан относится основание Пекина, который тогда назывался Ючжоу. Не отличаясь от других крупных поселений, будущая столица строилась, увеличивалась в размерах и по численности населения, разрушалась и восстанавливалась, оказывая все большее влияние на политическую обстановку в Китае. В 1126 году город захватили кочевые племена чжурчжэней и, переименовав Яньцзинь в Чжунду, объявили его столицей небольшого государства Цзинь на северо-востоке Китая. Для многих хронистов истинная история Пекина началась в 1215 году, когда Чингисхан приказал сжечь существовавшее поселение и построить новый город. Так, буквально из пепла возникла Великая столица (монг. Даду), иначе называемая Городом хана (монг. Ханбалык).

Спустя полвека после прихода монголов власть в Поднебесной захватил хан Хубилай, еще один завоеватель с севера, родоначальник династии и основоположник эпохи Юань (1280–1368). Во времена господства монголов Пекин впервые стал центром огромной империи. В XIV веке за ним закрепилось название «Северное спокойствие» (кит. Бэйпин), от которого произошло русское слово «Пекин». После переноса сюда резиденции второго минского императора город получил название Северная столица (кит. Бэйцзин). В последующие годы его называли Бэйцзином или Бэйпином в зависимости от того, являлся ли он в данный момент центром государства.

Владыка Поднебесной

Повседневная жизнь владык средневекового Китая была отгорожена от посторонних взоров глухой стеной, поэтому история не оставила о них достоверных сведений. Ни один из правителей не нарушал многовековых традиций, опасаясь утратить неограниченную власть над подданными. В Поднебесной нарушителей закона ожидала немедленная и жестокая расправа, не касавшаяся только одного человека в государстве — самого законодателя, то есть императора. Никто не осмеливался наблюдать за ним даже издалека, ни один придворный не имел права рассказывать о том, что происходит во дворце. Под угрозой казни людям запрещалось смотреть на Сына неба во время следования императорского кортежа по улицам Пекина.

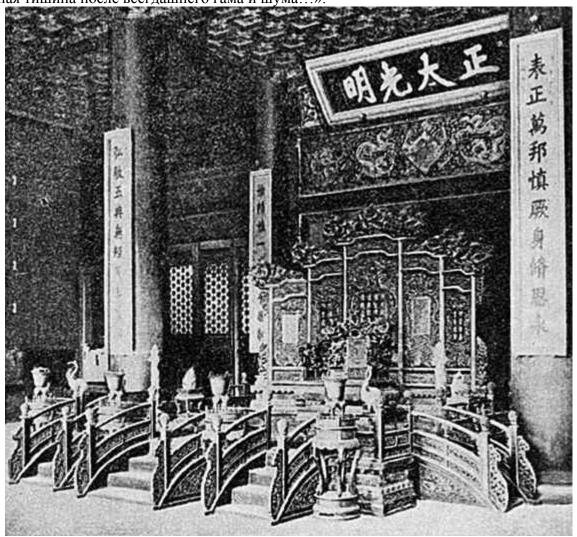
Изображение дракона как символа императорской власти

Согласно Конфуцию, боги управляли земными делами через царей, наделяя их титулом «Всемирный монарх и господин Вселенной, которому все должны подчиняться». Правитель не пользовался личным именем, которое никогда не произносилось и не записывалось. В течение жизни его именовали по названию династии, а после смерти давали особое прозвище: Великий император (кит. Хуанди), Святой император (кит. Шэнхуан), Сын неба (кит. Тяньцзы), Мудрый правитель (монг. Богдыхан), Владыка (кит. Чжуцзы), Первый владыка (кит. Юаньхоу), Высокочтимый (кит. Чжицзунь), Будда наших дней (кит. Дан Цзинь фое), 10 000-летний властелин (кит. Ваньсуйе).

При обращении к самому себе китайский император употреблял нескромную фразу: «Единственный человек» (кит. Гуажэнь). В старину существовал иероглиф, применявшийся только по отношению к правителю, — «чжэнь», что в переводе означает «мы». Отвечая на вопросы монарха, подданные никогда не использовали слово «я», заменяя его более подходящим в данном случае термином «раб». Люди из свиты приветствовали господина возгласом «10 000 лет жизни!», отводя императрице всего тысячелетие. Всеобъемлющая власть императора не вызывала сомнений. Китайская нация рассматривалась как одна большая семья, которой он повелевал в качестве и отца и матери. Членам своеобразного семейства надлежало выказывать «сыновнюю любовь» с помощью благоговения и покорности. Символический родитель мог сделать и сказать что угодно, зная, что никто не посмеет усомниться в правильности его слов или поступков.

Народу Сын неба представлялся существом из другого мира. Подданным лицо владыки не показывалось, ведь на могилы предков или на столичную площадь для жертвоприношения он следовал в закрытом паланкине. «Перед редким выездом императора Даогуана, – писал русский географ Е. Королевский в книге "Путешествие в Китай", – с улиц сметают сначала народ, потом грязь и мусор; убирают балаганы и лавчонки вместе с хозяевами и всяким хламом, прогоняют собак и свиней. Все переулки занавешивают. Дорогу пересыпают желтым песком. Прежде император всегда ездил верхом, теперь иногда показывается на носилках. Сидит он неподвижно, ровно, не поведет глазом, не повернет головой всю дорогу, и потому любопытные иногда решаются взглянуть сквозь щель ворот или окна в полной уверенности, что их никто не заметит». В число любопытных однажды

попал сам автор книги, отметивший, насколько «ревностно охраняли Сына неба толпы солдат, слуг и всякого рода чиновников, и это оживляло улицу, на которой воцарялась могильная тишина после всегдашнего гама и шума...».

Трон императора

С владыкой династии Мин разрешалось беседовать стоя на коленях, причем исключение не делалось даже для членов царской семьи. Почести воздавались не только ему, но и предметам, которыми он пользовался. Вельможи падали ниц перед императорскими подарками; отбивали земные поклоны перед вазой, курильницей, подушкой, пустым троном или ширмой из желтого шелка, украшенной изображениями дракона в качестве символа власти и черепахи, олицетворяющей долголетие. Каждому провинциальному чиновнику при получении бумаги от императора полагалось валиться на пол, ориентируя тело в сторону Пекина. Остальным, в том числе и дипломатам, перед аудиенцией полагалось совершить сложную церемонию: троекратно встав на колени, 9 раз низко поклониться, касаясь лбом пола при каждом поклоне. Для того чтобы спасти ноги от ран, китайцы оборачивали колени толстым слоем ваты, незаметной под длинным халатом. Иностранцы вручали деньги евнуху, и тот в нужный момент незаметно подавал челобитчику маленькие подушечки.

В целом этот ритуал был унаследован представителями маньчжурского рода Цин (1644—1911), по их убеждению, «не имевших себе равных за пределами Поднебесной». По этой причине все иноземные послы воспринимались данниками, оттого никто из них не имел права разговаривать с Сыном неба стоя во весь рост. В случае отказа от унизительных церемоний дипломатов высылали из страны, не давая возможности исполнить поручение. В марте 1656 года в Пекин прибыла русская торговая миссия во главе с боярским сыном Фёдором Байковым, который должен был передать маньчжурскому императору грамоту царя

Алексея Михайловича. Послу назначили аудиенцию, «попросив» прежде встать на колени перед ламаистским храмом и многократно поклониться, имитируя поклон богдыхану. Помня о собственной вере и аристократическом происхождении, боярин не согласился и был выдворен из Пекина. Спустя 4 года некоторых уступок добился его коллега Н. Г. Спафарий, которому разрешили пройти во дворец, но вручить подарки и грамоту лично не позволили, поскольку тот не пожелал кланяться.

Более покладистыми были англичане, в частности лорд Маккартней, прибывший с официальной миссией в Китай летом 1793 года. Видимо, британский посланник выполнил ритуал надлежащим образом, если не только сумел побеседовать с императором, но и заслужить его милость. Впоследствии всем европейским дипломатам долго напоминали об усердии Маккартнея и настойчиво рекомендовали брать с него пример. В 1805 году в сторону Китая направилось посольство во главе с графом Головкиным. Русские смогли доехать лишь до Урги, где их остановили китайские чиновники. Выслушав предложение прорепетировать известный ритуал перед табличкой с именем богдыхана, глава миссии, по обыкновению, отказался и вскоре отбыл назад, в Россию.

Блюстители этикета запрещали иностранным посланникам являться пред Сыном неба в очках, надевать шпагу, которая в Европе считалась обязательным дополнением дипломатического мундира. В конце XIX века слишком многие иностранные послы выступали против унизительного этикета. Поражения Китая во внешних войнах вынудили маньчжурских правителей пойти на уступки. С 1873 года дипломатам не требовалось падать ниц, а количество низких поклонов было сокращено до 3. Первый из них следовало совершить при входе в аудиенц-зал, другой — пройдя несколько шагов вперед, третий — непосредственно перед троном. По окончании приема повторялся тот же церемониал, причем удаляться дипломат должен был, пятясь спиной к выходу.

Китайские владыки использовали давнюю веру во всемогущество дракона, используя его изображение в качестве символики. Легендарный змей с 4 лапами и 5 когтями красовался на гербе правителей маньчжурской династии Цин, отмечая собой все царские вещи, включая мебель, обивку трона, посуду, платье, драгоценные украшения. В народном сознании маньчжурские императоры обладали такими же глазами, лицом, руками и производили на свет похожее потомство. «Тот, кто стоял над народом», почитался наравне с животным, способным подняться с земли до неба, вызывая столь же благоговейный трепет. Императорский халат отличался от одеяний свиты наличием вышитых эмблем: 2 золотых дракона на плечах, 1 на груди и такой же на спине. Парадный костюм владыки дополнялся бусами из крупного жемчуга и небольшой круглой шапочкой, украшенной 3 вышитыми друг над другом драконами. Каждый змей был отмечен 3 мелкими и 1 крупной жемчужиной. Огромное количество одежды требовало бесконечных переодеваний, ведь в течение месяца правителю нужно было продемонстрировать «11 халатов на меху, 6 парадных халатов, 2 меховые жилетки, 30 пар теплых курток и брюк, не считая множества повседневных одеяний».

Дин Гуаньпэн. Император танской династии Минхуан играет в мяч, эпоха Цин

Почти весь гардероб Сына неба, подобно многим другим вещам, сиял желтым цветом, начиная от глазурованной черепицы на крыше главного дворца и заканчивая подкладкой на шапке. Впрочем, пристрастие к желтому цвету отличало далеко не все китайские династии. Во времена Сун символическими являлись оттенки коричневого, а в эпоху Мин — зеленого.

Обсуждать поступки властителя имели право лишь цензоры, ссылавшиеся на конфуцианское учение о карающей роли неба. Император, как всякий простой человек, боялся гнева небес, но земля и все, что к ней относилось, были царской собственностью. Ему оказывались все мыслимые знаки почитания; личность правителя считалась священной, поэтому он не отчитывался за свои поступки. Например, если к столице приближались враги, высшие чиновники вместе со своими семьями и прислугой принимали яд, а сам император незадолго до того покидал дворец вместе с 3 женами и множеством наложниц. Судьба каждой из них была в его власти, хотя вряд ли китайские монархи знали в лицо всех принадлежавших им женщин. После первого брака правитель женился еще дважды, поочередно отводя супругам комнаты в Срединном, Западном и Восточном дворцах.

В эпоху Цин состав гарема периодически обновлялся. Каждые 3 года проходили смотрины, после которых несколько девочек из состоятельных маньчжурских семей становились императорскими наложницами. Примерно до 20 лет они жили в специальных помещениях дворца под присмотром евнухов, после чего оставались там навсегда или отправлялись домой, если не могли иметь детей.

Маньчжурский император Цянлун

От девушек не требовалось ничего, кроме соблюдения правил приличия. Забывшие о скромности немедленно выдворялись затем, чтобы «во дворце царили мир и спокойствие». К самым серьезным проступкам относились непочтительность, любовь к роскоши, обращение к императору с просьбами, но более всего — интриги, которые виделись «лестницей для обмана».

Далеко не всех наложниц приглашали на ночь к императору. Обделенные его вниманием девушки сохраняли девственность и жили в уединенных домиках, при этом исполняя обязанности прислуги у членов царской семьи. Помня об этом, отцы неохотно отдавали дочерей в гарем, ведь на свободе они могли выйти замуж и найти счастье в семье.

Императорским вдовам запрещался новый брак, а наложниц не отпускали домой и часто вовсе о них забывали. Известно, что в 1924 году, когда последний китайский император Пу И бежал из Пекина, в глухом уголке столичного дворца были обнаружены 3 старушки, оказавшиеся давно забытыми наложницами.

Наложницы императора

Вопреки учению Конфуция правители вели роскошный образ жизни, не испытывая мук совести. В книге Пу И воспроизводится картина царского обеда, начинавшегося шествием евнухов, вереницей вносивших «7 столов разного размера, десятки красных лакированных коробок с нарисованными золотом драконами. Затем они передавали все это молодым евнухам в белых нарукавниках, расставлявших еду в большом зале дворца. Обычно накрывались 2 стола с главными блюдами; третий, с китайским самоваром, ставился только зимой. Рядом стояли 3 стола с пирогами, рисом и кашами, а на отдельном низком столике подавались соленые овощи». Посуда из желтого фарфора пестрила золотистыми надписями

«10 000 лет долголетия».

Зимой использовалась серебряная посуда, которую ставили в фарфоровые чашки с горячей водой. На каждом блюде лежала серебряная пластина, служившая для проверки на яд, хотя всю пищу предварительно пробовал евнух. После того как яства занимали свои места на столах, церемониймейстер громко произносил фразу: «Снять крышки!», что тотчас делали 5–6 младших слуг.

Сосуд в форме птицы. Бронза с инкрустацией драгоценными металлами, эпоха Юань

К императорскому столу подавалось более 100 основных блюд и еще больше сдобы для чайной церемонии. Китай является родиной чая, поэтому не случайно именно в Пекине сложился особый ритуал чаепития. Искусство употребления этого напитка здесь имеет долгую историю. В старину считалось, что чай, выращенный за пределами Китая, не так вкусен, особенно если сравнивать его с высшими сортами местного чая. По мнению знатоков, ценность этого популярного напитка заключается не в самом листе, а в способе его приготовления, сушки, имитации аромата. Запах хорошего чая зависит от многих причин: климата, почвы, времени сбора, умелой сортировки, а также от операции, которая в старых книгах называлась «раздушение чайного листа». Климат, каменистый грунт и давние традиции приготовления сделали китайский чай самым лучшим в мире. Неповторимый аромат высших сортов появляется после закладки в пачки высушенных листьев нескольких цветков жасмина или розы. Изысканный вкус и воистину царское благоухание напитку придают цветки камелии. Вопреки всеобщему мнению знаменитый цветочный чай изготавливается не из цветов, а из собранных ранней весной листьев чайного кустарника.

Сборщики непременно разделяют их по величине: в отдельные корзины складывают старые темно-зеленые листья, менее зрелые и самые молодые растения с мелкими, недавно распустившимися листочками светло-зеленого цвета. Именно они после обработки дают высшие сорта.

Императорский, вполне достойный своего названия чай делается из листьев, едва показавшихся из почки. В середине XIX века недалеко от Пекина имелась плантация, где специализировались на выращивании и сборе именно таких растений. Участок с поселком для рабочих тщательно охранялся немалым штатом смотрителей, инспекторов, ревизоров. Должностные лица приезжали проверять состояние производства в неурочное время. Внутренней охране вменялось в обязанности изгонять птиц, упорно пытавшихся осквернить драгоценные кустики. Наружный караул следил за передвижениями вдоль ограды, ибо неосторожный путник мог поднять пыль, а та, преодолев забор, осела бы на листья, предназначенные для чайника Сына неба.

Запретный город

Монгольская династия Юань правила в Китае до победы народной армии, вошедшей в историю под названием «Красные повязки». Бунт, постепенно перешедший в гражданскую войну, начал вождем и завершил императором буддийский монах Чжу Юаньчжан. Благодаря его политическому таланту власть в империи вновь перешла к исконным обитателям, основавшим знаменитую династию Мин (1368–1644). Показав себя жестоким, но мудрым правителем, недавний отшельник привел страну к процветанию, чем заслужил храмовое имя Тайцзу, что в переводе означает «Великий патриарх».

Трехсотлетнее владычество Мин можно охарактеризовать значениями иероглифа, составляющего название династии: «ясный, разумный, блестящий». Бурное строительство той поры явилось следствием развития экономики, науки, расцвета искусств. В связи с угрозой нападения кочевников столица Китая некоторое время находилась в Нанкине, но в 1421 году вновь перешла в Пекин, куда вместе со статусом вернулись средства, которые тогда щедро вкладывались в красоту. В годы правления Чэнцзу — второго минского владыки — появилось большинство сохранившихся доныне памятников архитектуры. Заботами сына Чжу Юаньчжана определились новые границы города, поднялись новые крепостные стены, на месте старого императорского дома возникли Запретный город и комплекс культовых построек под общим названием «Храм неба».

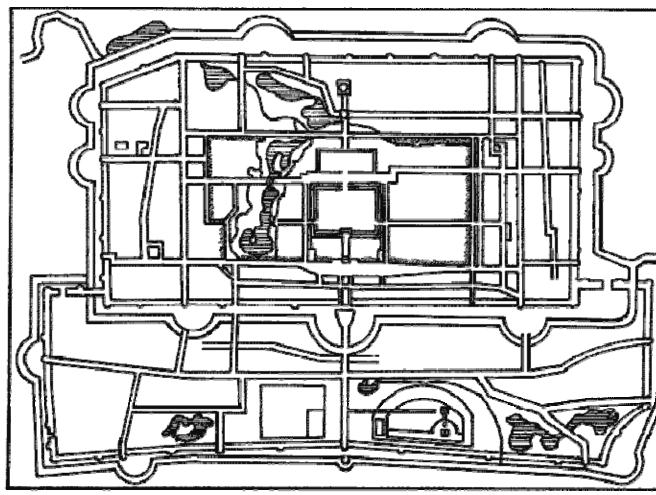
Жизнь правителей Поднебесной империи проходила во дворцах. Первое достойное правителя жилище было построено в Пекине еще в XIII веке. Огромный павильон повторял формы и внутреннее убранство разрушенного монголами дворца в Кайфын, а тот, в свою очередь, был построен по образцу царского дома в Лояне.

Ли Чжаодао. Дворец в Лояне. Живопись на шелке, эпоха Суй

Ранняя архитектура минской эпохи вообще отличалась подражанием, исходившем не от бездарности зодчих, а от обычая времен Цинь Шихуанди. Характер городской застройки и внешний вид укреплений столицы сохранялись в течение всего периода правления Мин. К XVIII веку оборонительная система изменилась, стал другим и Пекин, хотя маньчжурские императоры, особенно Канси и Цяньлун, старались не разрушать творения предков.

Северная столица возводилась согласно учению фэн-шуй, где своеобразно представлен главный принцип не только средневековой, но и всей китайской архитектуры: прямоугольная основа плана с четко выраженной центральной осью, направленной с севера на юг. Стоит отметить, что этим правилом руководствовались и зодчие, и домовладельцы, поскольку таким образом в Китае строилось все, начиная от городов с дворцами и заканчивая крестьянскими хижинами.

План старого Пекина

Типичная форма старинного китайского поселения — заключенный в толстые стены прямоугольник. Не являясь исключением, старый Пекин состоит из трех больших районов, обнесенных мощной крепостной стеной. Наиболее древний из них называется маньчжурским, или внутренним, городом. Его кварталы, занимающие весь исторический центр столицы, возводились для маньчжурских императоров, их сановников и дворцовых служителей. Внутри элитного района находится Запретный город — императорский дворец с павильонами, храмами и парками, окруженными стеной и глубоким, заполненным водой рвом. Оформившийся к концу XVI века район традиционной застройки принято именовать китайским, или внешним, городом. Ранее защищавшийся толстыми стенами, он наполовину состоит из старых кварталов, устроенных по сторонам главной улицы. Другую часть этого района занимают тенистые парки с архитектурными ансамблями Храм неба и Храм земледелия.

В самом центре Пекина возвышается Угольная гора, или холм Прекрасного (кит. Цзиншань). С него виден почти весь город, затеряться в котором практически невозможно: заметные отовсюду угловые башни городских ворот, словно маяки, указывают путь к главным улицам. Геометрическая планировка средневековых китайских городов возникла не случайно и соотносилась не только с религиозными традициями. Начиная с XII века местные зодчие руководствовались трактатом «Методы архитектуры» («Инцзаофаши»). Книга, написанная неизвестно кем, представляла собой литературно оформленный свод правил, касавшихся внешнего вида и конструкции зданий. Одновременно сохранял силу древний канон «Создание государства и строительство домов», из которого черпали знания устроители древних городов. Оба этих источника, несомненно, использовались зодчими при возведении и реконструкции грандиозной пекинской крепости.

В эпоху Мин столичная твердыня дополнилась бастионами, башнями и воротами

величаво-монументального стиля. Наружные плоскости всех крепостных построек были облицованы большими серыми кирпичами, прикрывавшими обычную земляную засыпку. Вид безупречно ровной кладки из огромных камней невольно заставлял уважать всех, кто был причастен к ее созданию. Наиболее впечатляющая картина открывалась при взгляде на Хадамынь, как по-китайски называется восточный проход в южной стене маньчжурского города. Над мощной стеной, здесь достигающей более 20 м в ширину, возвышалась трехуровневая постройка с колоннами и красиво выгнутыми крышами.

Угловые надвратные башни крепости больше похожи на огромные дома с массивными кирпичными стенами и многоярусными черепичными кровлями. Ровные плоскости стен прорезали ряды небольших квадратных окон. Прорытый у подножия канал по ширине напоминал реку и опоясывал весь город. Перед главными воротами стояли дополнительные укрепления в виде башен на глухих каменных цоколях, надежно защищавших подступы к столице. Пекинская оборонительная система не раз доказывала свою мощь, выдерживая тяжелые осады. Даже сегодня, утратив былое значение, она изумляет масштабами, рациональным устройством и суровой красотой.

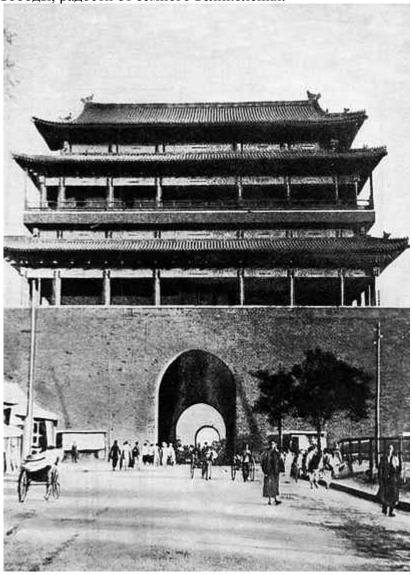

Крепостная стена с угловой башней

Менее грандиозен, зато более изящен дворцовый ансамбль в Запретном городе. Более 9 тысяч его строений, включая тронный зал, малые и большие павильоны, беседки, хозяйственные постройки, скрыты от посторонних глаз 10-метровой кирпичной стеной и защищены широким каналом. Владельцы редко покидали свою роскошную обитель, при необходимости выходя в город через ворота Небесного спокойствия (кит. Тяньаньмынь). Оформленный двумя высокими колоннами из белого мрамора, парадный вход в императорские владения получил название «цветочные столбы» (кит. хуа пяо). Собственно дворец представлял собой длинную цепочку примыкающих друг к другу дворов с павильонами.

Более 500 лет Запретный город служил резиденцией императоров Мин и Цин, получив свое нынешнее имя лишь в 1911 году. После свержения маньчжурской династии он превратился в музей и стал именоваться Древними дворцами (кит. Гугун). Своеобразный облик комплекса помогает современному зрителю постичь одну из главных особенностей китайской архитектуры, а именно удивительную гармонию пространства и архитектурных форм. Когда посетитель выходит за пределы ворот Небесного спокойствия, его охватывает

чувство простора, свободы, радости от земного великолепия.

Ворота Хадамынь

Вид на Запретный город

В старом Пекине дворцовые павильоны немногим отличались от обычных городских зданий: те же массивные приземистые стены, многоярусные крыши с эффектно загнутыми краями. Покрытые цветной глазурованной черепицей кровли и рельефные надписи придавали зданиям праздничный вид.

Протяженность линии, на которой располагались все основные сооружения дворца, составляла около 2 км. От южных до северных ворот длинной чередой тянулись 8 огромных дворов, 6 ворот и 6 павильонов; комплекс завершался красивым уютным садом. Сегодня посетителям музея Гугун рекомендуют пройти всю анфиладу дворов, потому что увидеть Запретный город целиком невозможно даже с самой высокой точки.

Императорский дворец строился во времена, когда зодчество выражало идею божественного происхождения императора. Пышные формы, но главное — грандиозные масштабы архитектурных ансамблей подтверждали мысль о непоколебимости и безраздельности его власти. Дворцу надлежало изумлять красотой, величием и роскошью отделки, его огромные размеры должны были вызывать в человеке чувство униженности. Возможно, именно этим объясняется такой долгий и сложный путь к тронному залу, который начинается у ворот Умынь.

Внешние ворота Тяньаньмынь

Внутренние ворота Умынь

Являясь внешним входом в Запретный город, в плане они напоминают букву П, то есть имеют форму, созданную двумя широкими галереями, обрамляющими площадь с двух сторон. В имперскую эпоху пространство перед воротами служило для военных церемоний, а в пору республики здесь проводились митинги и завершались демонстрации. Замкнутость площади позволяет воспринимать ворота Умынь не частью стены, а вполне самостоятельным сооружением. Специалиста здесь могут заинтересовать горизонтальные членения, мастерски исполненная ажурная балюстрада и красная стена, которая визуально давит на белый цоколь.

Внимание простого любителя старины привлечет золотое сияние крыши. Воспевая красоту китайских кровель, местные поэты часто сравнивали их с раскрытыми крыльями птицы. Однако словам о том, что они легки и даже невесомы, поверить трудно, особенно в отношении крепостных павильонов. Некоторые сооружения, благодаря изысканно выгнутым линиям крыш, действительно выглядят парящими. Совсем иной образ создают тяжелые кровли ворот Умынь. Их строгие, плавные контуры напоминают о господствующем вокруг величавом спокойствии. Искомый эффект монументальности достигается формами, прежде всего их гармоничностью, и привязкой всего сооружения к близлежащим постройкам дворца. В Запретный город можно пройти по Старой дороге процессий, которая затейливым подъемом ведет по дворам и, минуя ворота, подводит к последнему внутреннему двору с высокими террасами и красивыми лестницами из потемневшего мрамора. Свыше десятка

дворов с императорскими постройками расположены в соответствии со строгим ритуалом.

Подобно любому китайскому архитектурному ансамблю, Запретный город воспринимается только при медленной прогулке по главной линии, или, еще лучше, с птичьего полета. В ином случае взгляд буквально тонет в густой зелени, поэтому вместо прекрасно декорированных зданий можно увидеть только навершия кровель. С высоты чувствуется строгая симметрия композиции и четкий ритм основных элементов, например крыш, здесь причудливо изогнутых и выполненных в 2–3 уровнях.

Основные сооружения Запретного города были возведены из дерева в 1406—1420 годах, но большая их часть не сохранилась после перестроек XVIII века. В строительстве грандиозного комплекса принимали участие около миллиона рабочих и примерно 100 тысяч специалистов: резчики по камню, дереву, живописцы, скульпторы. Огромной территорией (72 га) поочередно владели 24 императора династий Мин и Цин. В 800 зданиях комплекса насчитывается почти тысяча залов. Раньше пересекать границы Запретного города имели право Сыновья неба, члены их семей, придворные, высшие чиновники и дипломаты. Простым смертным, если те не входили в штат прислуги, вход сюда запрещался.

В дворцовых и храмовых постройках достигли совершенства конструктивные основы китайской архитектуры. Столь популярные в Поднебесной куполообразные формы и длинные пролеты, безусловно, потребовали инженерных знаний. Значительное внимание уделялось надежности перекрытий, особенно круглых, необычайно сложных в исполнении. Не менее трудными были прямоугольные постройки, где вынос наружных карнизов достигал 2 м. В одном из храмов сохранилась роспись, сделанная более 200 лет назад, что свидетельствует о синтезе искусства и строительной техники.

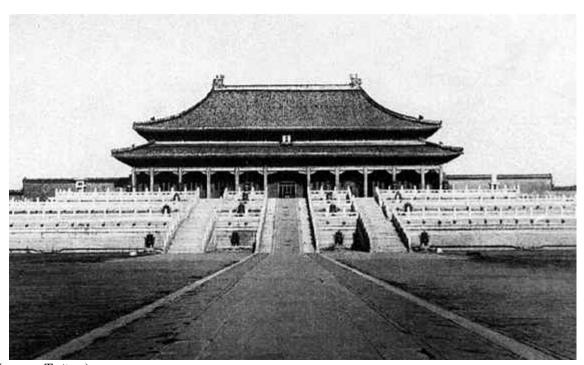
Художественное совершенство строений определяется тем, что в них воплощены знания практически всех сфер китайской культуры: философские, религиозные, поэтические, живописные. Все павильоны дворца покрыты золотистой глазурованной черепицей, а стены в основном окрашены в темно-красный цвет. Внимание эстета привлекают широкие парадные лестницы из мрамора, богато украшенные резным орнаментом. Вдоль балюстрад стоят белые мраморные столбики, также оформленные рельефами.

По сравнению со сдержанным обликом ворот Умынь первая площадь дворца выглядит изумительно роскошной. Ее красота особенно заметна при взгляде сверху, с высоты ворот, откуда видна широкая дуга главного канала, который принято именовать более романтично – «Внутренняя река золотой воды». Величаво протекающий в мраморных берегах, своим видом он напоминает натянутый лук. Белоснежная ограда и традиционно выгнутой формы мосты выполнены из мрамора и украшены изящной резьбой.

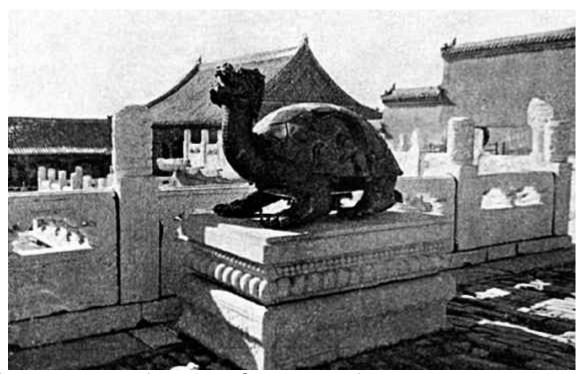
Одним из самых эффектных приемов построения композиции в старинной архитектуре был внутренний двор. Если в жилых постройках обычно устраивались небольшие уютные дворики, то в дворцовых и храмовых комплексах этот способ преображался в четкую систему. Следующие друг за другом дворы Запретного города разделялись похожими на арки воротами или павильонами. Строители давали постройкам поэтичные, наполненные глубоким смыслом имена, сопоставляя здания с бесконечным небом, высшей гармонией, прекрасным видом, вечной весной, смешением всех ароматов, беспредельным созерцанием.

Ворота Тайхэмынь и двор в Запретном городе

Дворец Тайхэдянь

Статуя черепахи перед павильоном Запретного города

Самый большой двор опоясывает сплошная лента крыш, поднимающихся за воротами Высшей гармонии (кит. Тайхэмынь). На кровлях дворцовых павильонов сияет желтая глазурованная черепица; на коньках приютились выразительные фигурки хранителей дома—зверей и птиц фантастического вида.

Привратный павильон стоит на высоком мраморном стилобате, куда ведет широкий пандус. Подниматься по нему имел право только император, тогда как придворным отводились две широкие лестницы, устроенные по обеим его сторонам. Мраморная плита пандуса покрыта сплошной резьбой. Трудно не заинтересоваться работой скульпторов, выполнявших мраморные рельефы в середине лестниц. Уподобленные коврам, они воспроизводят местную природу: в стилизованных волнах, горах и облаках в четком ритме сплетаются фантастические драконы. Ходить по столь неровной поверхности, конечно, было нелегко, но правителям этого делать не приходилось, потому что слуги повсюду носили их в паланкинах.

От ворот Высшей гармонии открывается дорога к одноименному зданию. Иначе называемое Дворцом торжественных церемоний (кит. Тайхэдянь), оно является главным павильоном Запретного города и местом, где некогда стоял императорский трон. Во время парадного шествия посетители проходили через несколько ворот и были вынуждены по несколько раз подниматься на высокие стилобаты. Многие из них, особенно далекие от местной философии иностранцы, сетовали на сложность этикета, не догадываясь, что чередование высоких и низких точек обзора необходимо для правильного восприятия архитектуры. Поднимаясь по ступеням, человек отрывается от уровня улицы, а поднявшись на верхнюю площадку, смотрит на местность сверху, замечая не только постройки, но и образованную ими своеобразную чашу. Сверху можно заметить двор, который, являясь элементом ансамбля, составляет с постройками единое целое.

Площадка перед павильоном Тайхэдянь изумляет сложной формой сооружений и утонченной красотой их декора. Снабженная лестницами, окаймленная резными балюстрадами, она так же, как и любой вход, защищена символическими фигурами животных: бронзовые львы зеленоватых и золотистых оттенков, гигантские черепахи, изящные цапли. Помимо изображений животных, здесь находятся высокие, сложной формы курильницы, сверкающие медные чаны, которые когда-то использовались в культовых целях. Чудовища, охраняющие вход во дворец, являются одним из лучших произведений

китайского искусства. Виртуозно владея техникой лепки, скульптор сумел передать чувство

исполинской силы, возникающее при одном лишь взгляде на его творения.

Статуи львов перед павильоном Запретного города

Интерьер павильона Высшей гармонии, безусловно, является венцом старинного китайского зодчества. В деревянных узорах колонн, колоссальных балок и великолепных карнизов воплощены почти все архитектурные традиции Поднебесной. Рядом с Тайхэдянь, на том же трехступенчатом стилобате стоят павильоны Полной гармонии и Сохранения гармонии, немного уступающие ему по значению и размерам. Все 3 здания образуют внешний двор, своеобразный духовный центр дворца, поразительно не похожий на расположенные позади внутренние дворы.

Сооружения основной линии завершает тенистый сад. Небольшой, но очень уютный, он является образцом искусственной природы, созданием которой прославились китайские мастера — художники, строители, садоводы. Все его элементы созданы руками человека, начиная от камней и заканчивая водоемами. Заботливые руки служителей придали причудливую форму деревьям, искусно имитировали наросты на их стволах. В тихом императорском парке все располагает к отдыху: красота укромных уголков, беседки, тень от вековых деревьев.

Китайские зодчие старательно подчеркивали особенность каждой детали постройки. Например, стандартная конструкция оснований в местной архитектуре является чертой не менее характерной, чем изогнутые крыши. Уходя внутрь, за плоскость стены, цоколь словно подрезает ее. Если в европейском зодчестве он служит переходом основания к стене, то у китайцев его можно считать вполне самостоятельной деталью. При внимательном взгляде создается впечатление, что тяжелая стена давит на основание, подчеркивая не связь с землей, а собственную весомость. Эффект тяжести еще более усиливают крупные детали и густой замысловатый орнамент.

К началу XX века пекинские укрепления обветшали; ненужные стены мешали развитию города, поэтому их начали понемногу разбирать. К середине прошлого века от них почти ничего не осталось, и только Запретный город время, к счастью, пощадило. От мощной оборонительной системы сохранились несколько башен и часть полуразрушенной стены маньчжурского города. Впоследствии на месте крепостных стен были проложены широкие магистрали. Сегодня архитектурный комплекс Гугун, как самый крупный

дворцовый ансамбль, занесен ЮНЕСКО в Список всемирного наследия человечества.

В настоящее время отдельные павильоны заняты собранием живописи. Экспозиция располагается в залах с низкими потолками и длинными рядами стеклянных витрин. Старые мастера, отражавшие на картинах подробности дворцового быта, не забывали о церемониях, в частности запечатлев шествие от входных ворот к главному павильону. На цветных свитках, ныне хранящихся в залах музея, можно увидеть царедворцев, чиновников, вельмож в военных штатских одеждах, длинной цепочкой растянувшихся по пути к трону владыки. Своеобразную архитектуру дворца прекрасно дополняют высокие флагштоки с китайскими фонариками и развевающимися стягами. Европейская публика узнала о Запретном городе из фильма знаменитого итальянского режиссера Б. Бертолуччи «Последний император». События картины происходили внутри Императорского дворца, где кино снималось впервые за всю историю существования строения.

Горько-сладкая жизнь мандаринов

Скрываясь за стенами Запретного города, император не мог лично управлять страной. Для исполнения его воли еще в древности сформировалась сложная система управления. Законодательная роль в ней отводилась членам императорской семьи и высшим сановникам. Хуаншан, как называли вельможи правителя в разговоре между собой, обладал правом распоряжаться жизнью и собственностью подданных, контролируя все, что происходило в государстве. Божественную власть Сына неба на местах представляли чиновники, которых европейцы называли мандаринами (от порт. mandar — «командовать»). В зависимости от своих обязанностей они могли быть и штатскими, и военными, но в любом случае должности не передавались по наследству. Выгодное место доставалось человеку не только образованному, но и сумевшему доказать это на экзаменах.

Чиновник. Статуя на Минских могилах

Отношения между управленцами разных чинов регулировались системой ответственности, которая в общем повторяла бытовавшую еще в древности круговую поруку. Основой этого явления служила мысль о том, что столичные сановники должны отвечать за поступки провинциальных начальников. Например, вместе с провинившимся участковым казнили и того, кто за него поручился. За растратчика или нерадивого полководца жизнью расплачивалась вся семья: родители, жены, дети, братья и сестры. Даже детей убивали без пощады; серия казней завершалась только после того, как в живых не оставалось никого из близких родственников «злодея».

Одна из таких историй открылась при раскопках усыпальницы в южнокитайской провинции Гуандун. Археологи обнаружили захоронение предположительно тысячи человек, умерших примерно в одно время и состоявших друг с другом в родственной связи. Выяснилось, что погибшие входили в семейный клан чиновника Линь Шуиня, казненного, возможно, по доносу. Вместе с ним были зарезаны все его родственники до девятого колена. По мнению ученых, Линь Шуинь мог участвовать в обвинении кого-нибудь из императорских евнухов. В эпоху Мин гаремные стражи фактически управляли страной, открыто занимались казнокрадством и легко расправлялись с теми, кто мешал им обогащаться за императорский счет.

Путешественники, посещавшие средневековый Пекин, сравнивали императорский двор с большой семьей, называя правителя отцом, а придворных неразумными детьми. Считаясь

патриархом всей империи, император управлял страной как самовластный родитель, поэтому избежать наказания не удавалось даже самым почтенным вельможам. Провинившийся мандарин, если не попадал на плаху, подвергался порке на глазах у отца-императора, чем полностью искупал свою вину и вновь обретал царскую милость. Отеческие побои не вызывали гнева, напротив, высеченный чиновник спокойно возвращался к неблаговидным делам, зная, что теперь долго не обратит на себя внимания.

Общественная мораль в Китае до сих пор зиждется на принципе почитания старшего. Раньше безраздельная власть родителя, будь то отец семейства или правитель империи, вызывала чувство страха и благоговения. Она была присуща всем социальным институтам и являлась основой церемониала, нарушить который не осмелился бы ни один из подданных Сына неба. В среде чиновников строгие правила касались только внешнего вида и поведения. Государственным служащим полагалось носить высокие атласные ботинки на толстых подошвах белого цвета, фетровые шапочки с перьями или шариками, дорогие халаты с длинными рукавами. Гражданские дополняли свои костюмы нашивками с изображением птицы, а военные — животного. По должностным разрядам расписывались цвет паланкина, зонтика и одежды; протоколу подчинялись покрой, ткань, фасон шапки и материал шарика на ней, число пуговиц, количество слуг, коней и носильщиков. В то время как состоятельные пекинцы носили платье спокойных оттенков голубого, серого или коричневого цвета, их ученые соотечественники вынужденно облачались в яркие малиновые или синие халаты.

Сановник с женой и слугами. Каменный рельеф, период Сун

В маньчжурском Пекине чиновники различались украшениями поясов: если носители высших званий позволяли себе инкрустированные рубинами агаты, то низшим разрешался только черный бараний рог. Простые печати выполнялись из дерева, а самые почетные — из серебра. Будучи людьми образованными, служащие использовали их только по назначению, то есть заверяли документы. Неграмотные простолюдины старались прикоснуться к символу власти, веря, что печать обладает чудодейственной силой и может, например, излечить от хвори или предотвратить беду.

Особое значение в костюме китайского чиновника имел веер. Им закрывались от солнечных лучей, отгоняли мух и комаров, создавали прохладу в дополнение к опахалу. Закрыв лицо веером, можно было «не заметить» недруга, а значит, и не кланяться ему. Следуя мимо бедняцких кварталов, чиновник спасался от вони, овевая себя ароматным веером из сандалового дерева.

Одним из признаков богатства и высокого положения в обществе служили ухоженные ногти. Выставляя вперед два больших пальца, знатный человек без слов демонстрировал свое благородное происхождение и не менее благородное занятие. Неимоверно длинные, полированные, окрашенные ногти могли сломаться, во избежание чего на каждом пальце вельможи имелся колпачок. Считаясь «посланником сверху», мандарин не имел права посещать театр, находиться среди простых людей, руководить родной провинцией. Опасаясь советов неграмотного родителя, он не мог жить в отчем доме, впрочем не расстраиваясь по этому поводу, поскольку его собственное жилище, как правило, было просторней и богаче.

Кортеж высшего сановника

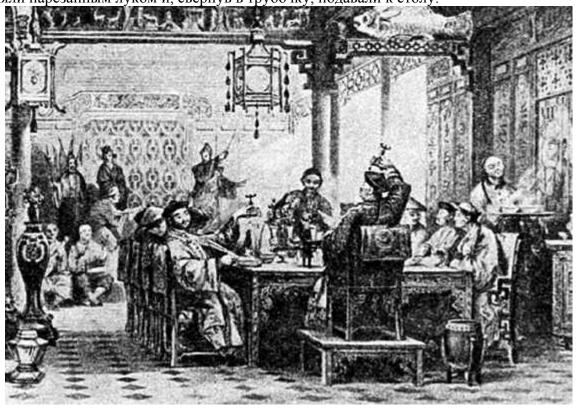
За отличие по службе деятели маньчжурского государства награждались Орденом двойного дракона. К наиболее престижным наградам относилась желтая куртка, отороченная собольим мехом. Император жаловал сановников пурпурными или золотистыми поводьями. Престарелым чиновникам разрешался въезд в Запретный город верхом или в паланкине абрикосового цвета. Молодой служащий крепил к шапке черное перо вороны, меняя его при повышении ранга на павлинье с 1–3 глазками в зависимости от заслуг. Выехать из дома без сопровождения не мог никто из них. Атрибуты кортежа, так же как эмблемы и прочие символы власти, определялись церемониалом.

В имперском Китае большое значение придавалось ритуалу при устройстве банкетов. Разнообразие и стоимость блюд свидетельствовали о состоятельности и щедрости хозяина. В богатых домах гости ели палочками из слоновой кости, сначала пробуя возбуждавшие аппетит сладкие блюда: очищенный корень болотной травы, жареные грецкие орехи, абрикосовые зерна, яблочную пастилу. Затем подавались закуски: маринованные огурцы в соусе из бобов, ветчина, вареные лапы утки, черные утиные яйца, чеснок и редька, плавающие в уксусе. Эти блюда вкушались под музыку и тонкие голоса певиц; в качестве напитков подавался чай, который чаще всего чередовался с рисовой водкой.

В разгар пиршества гостей угощали более изысканными блюдами, например супом из ласточкиного гнезда. В поисках его основного компонента крестьяне с риском для жизни карабкались по крутым скалам, ведь птицы строили домики, не считаясь с прихотями вельмож. Гнездо морской ласточки представляет собой слепленный из слюны полупрозрачный комок округлой формы. Если его сварить в воде, то получится желтоватый суп, который в Китае ценится за аромат, вкус и полезные свойства.

В старинной китайской кухне насчитывалось до 400 видов приправ, и более 100 из них употреблялись постоянно. Особым деликатесом являлась пекинская, или «лакированная», утка, с ее главным элементом — хрустящей темно-коричневой корочкой. Мастера, владевшие искусством приготовления этого изысканного блюда, сначала потрошили птицу, варили, затем ощипывали и обсушивали, а в конце помещали в специальную печь, где поджаривали около часа подвешенной над тлеющими дровами фруктовых деревьев. Горячую утку разрезали на куски, укладывали на тонкие блинчики, поливали густым бобовым соусом,

заправляли нарезанным луком и, свернув в трубочку, подавали к столу.

Ужин в доме пекинского аристократа

Европейский путешественник Жан Род отмечал, что «внешний вид мандарина вполне соответствует его духовному облику. Жеманный, облаченный в шитый богатыми узорами шелк, с улыбкой сострадания или радости на устах, приличествующей утонченным требованиям китайского этикета, мандарин всегда остается собой, несмотря на то, является ли в образе жирного властителя или изможденного монаха. В неподвижных устах его непроницаемого лица, скрытого под каменной маской лицемерия, невозможно уловить ни малейшего отражения мыслей, ни одного проблеска чувств...».

Неестественно строгий порядок в сфере эмоций определялся духовными канонами и уже в раннем Средневековье был главной особенностью китайской школы. Основу просвещения составляли классические книги, написанные Конфуцием и его последователями. Образованному человеку полагалось знать содержание 9 канонов, известных под названием «Четырехкнижие» и «Пятикнижие». Изречения древних мудрецов воспринимались слепо, без осмысливания, вне исторической обстановки или конкретной ситуации. Все, что сказал Конфуций, почиталось догмой, но уважение к его мыслям исходило от веры, а не от убеждений. После многих лет зубрежки китайцы с трудом

воспринимали окружающий мир и не умели самостоятельно мыслить. Бездумно заучивая тексты, любознательные ученики превращались в самоуверенных ученых мужей, воспринимавших конфуцианские догмы как неоспоримую истину. Избранная в качестве идеала древность требовала устремлений в прошлое, а ее изучение приводило к косности, которой в плохом смысле славилась китайская нация.

В классической книге «Лицзи» упоминалось о проявлении различных человеческих эмоций: «Радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, желание – вот семь природных проявлений человеческого сердца. Отец должен быть милостив, а сын почтителен; старший брат должен быть ласков, а младший покорен; государь должен быть человеколюбив, а чиновник предан...» Таким образом, в сознание учеников внедрялась идея односторонности чувств, их изолированности друг от друга. Усвоив шаблоны из конфуцианских книг, юноши привыкали к слепому послушанию и в дальнейшем упорно оглядывались на авторитеты. Таковым для каждого китайца был император, для домочадцев – отец, для служащего – начальник, для учеников – учитель.

Школьники в праздничных костюмах приходили в класс на рассвете, держа в руках кисточки и крошечные емкости с тушью. Урок начинался с поклона Конфуцию как самому главному учителю. В пекинских школах занимались без выходных, с утра до позднего вечера, здесь же выполняя домашние задания. Отдыхать ученикам полагалось только во время еды и сна. В старом китайском образовании не предусматривалось единой программы: воспитанники учебных заведений проходили индивидуальные курсы. Учитель давал задание, и каждый, стараясь перекричать соседа, зубрил свой урок. В классах стоял жуткий шум, прекращавшийся на время опроса. Учитель вызывал учеников по очереди к своему столу, а те отвечали, повернувшись спиной к нему, чтобы не иметь возможности заглянуть в тексты, лежавшие на учительском столе. Не видя лица отвечавшего, наставник смотрел на бамбуковую палку — символ власти учителя и весьма эффективное средство воздействия на лентяев.

Согласно старой китайской пословице, «пища утоляет голод, а знания излечивают от невежества, поэтому лучше растить свинью, чем сына неучем». Тем не менее китайская образованность ограничивалась всего 2 из 90 тысяч иероглифов, а также скудными знаниями по арифметике и родной истории. Проучившись 7–8 лет, выпускники школ не знали о других странах и твердо верили в то, что Китай заключает в себе весь мир. Учителя игнорировали биологию и математику, отвергая их как науки, необходимые ремесленникам. Не больше внимания уделялось художественной литературе, хотя в стране имелись ее превосходные образцы, например исторический роман «Троецарствие» или романтические повести «Сон в Красном тереме» и «Речные заводи». Самые любознательные позволяли себе прочесть крамольный труд «Путешествие на Запад».

Воспитанные на конфуцианских канонах, выпускники школ даже не мечтали переключиться на другой предмет. Для получения ученой степени требовалось изучить те же тексты, но еще глубже.

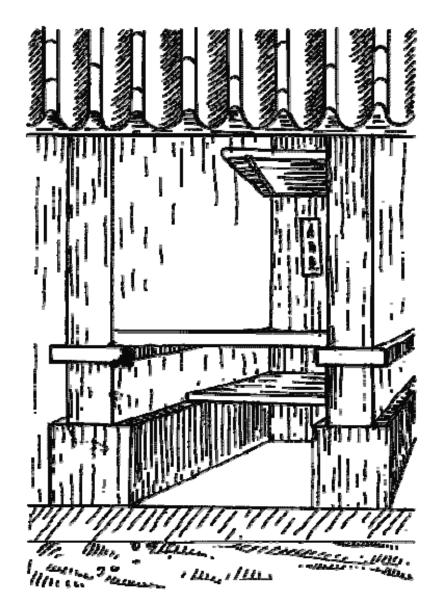
Голова ученого. Железная статуя, эпоха Сун

Если бедняк не мог посвятить всю свою жизнь зубрежке и каллиграфии, то дети состоятельных родителей продолжали учебу, поступая в провинциальные училища, программа в которых также основывалась на изучении классических книг. Постижение конфуцианской мудрости открывало путь к чиновничьей карьере, а следовательно, к богатству. Достигнув 20 лет, учащийся начинал готовиться к итоговой аттестации.

Улица экзаменационных келий

По закону государственные экзамены были доступны представителям всех сословий, кроме цирюльников, актеров, слуг и лиц, прямо или косвенно относящихся к проституции. Экзамен сдавался для того, чтобы кандидат мог доказать свое дарование и уверить в готовности служить обществу. Раньше в Китае существовала система поэтапной проверки знаний, позволявшая заверять 3 уровня учености: таланты высокой степени, дипломированные специалисты и лица, отличившиеся в отдельных науках. Испытания устраивались 1 раз в 3 года; на каждом из этапов сдавалось не более 3 экзаменов, но для того, чтобы получить низшее ученое звание, требовалось сдать 9 экзаменов. В иные годы число претендентов доходило до миллиона, но только единственный из 40 человек мог достигнуть своей цели. Зато после сдачи он получал красивый мундир, денежное пособие и хорошую должность. Награда в виде монет выдавалась и тем, кто не сумел сдать все экзамены, но удивил глубоким знанием какого-либо предмета.

Келья для подготовки к экзамену

Формально тот, кто выдержал испытания, мог считать себя человеком, которому «открыты все дороги». Однако в действительности карьера в Китае, впрочем, как всегда и везде, делалась с помощью покровительства, связей и взяток. Деньги играли немалую роль и на самих испытаниях, строгость которых еще не означала честного получения диплома. Экзамены проводились в специальных зданиях, где каждая из множества комнат-келий была оборудована отдельным входом. Мебелью служили 2 доски на кирпичных подставках – стул и стол, превращавшиеся на ночь в кровати. Соискатели на звание чиновника приходили со своими одеялами, посудой и писчими принадлежностями, поскольку жить здесь предстояло несколько дней. Перед тем как запереть будущего ученого в тесной келье, охранники проверяли карманы его халата, осматривали обувь, рылись в продуктовых корзинках, проглядывали на свет бамбуковую кисточку для письма. На один экзамен отводилось 3 дня, в течение которых юноша мог писать, размышлять или спать, не имея права покидать помещение. Длительное пребывание в душных каморках отражалось на здоровье кандидатов. Зафиксированы случаи смерти бедняков, не имевших теплых одеял и нужного запаса продуктов. Несмотря на то что власти старались создать видимость беспристрастия, ни один экзамен не обходился без злоупотреблений. Вместо отпрыска из знатной семьи испытания мог проходить человек с ученым званием. Пока некоторые соискатели из богатых семей отдыхали в кельях, сочинения за них писали студенты, а затем родственники передавали работу, подкупая надзирателя.

Состоятельные отцы вручали крупные суммы старшим преподавателям, после чего их сыновья получали документы, вовсе не являясь на экзамен. Неудачник мог испытывать судьбу много раз, поэтому никого не удивляло, когда сын проходил испытания вместе с отцом, а дед экзаменовался вместе с внуком. За прилежание и настойчивость степень иногда получали дряхлые старцы в возрасте 80 лет и старше.

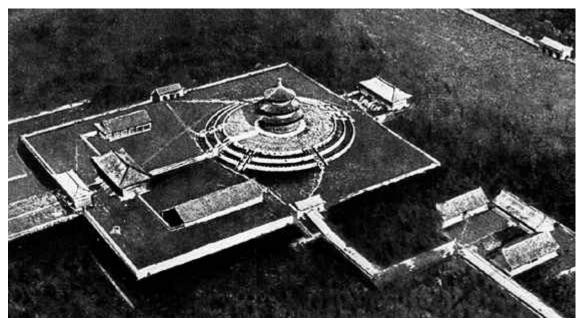
Прогрессивные деятели Китая не раз выступали за упрощение системы образования и письменности, создававшей большие трудности на пути приобщения к культуре. К началу XX века в Поднебесной еще использовались древние письменные языки – байхуа и вэньянь, оба иероглифические, но сильно отличавшиеся друг от друга. Конфуцианские книги писались на втором, архаичном, литературном языке, который, в отличие от первого (разговорного), воспринимался не на слух, а письменно. Великий китайский писатель Лу Синь однажды заметил, что «у нашей китайской письменности, помимо прочих, есть высокая преграда — ее трудность. Если не заниматься иероглификой более 10 лет, эту преграду преодолеть почти невозможно. Только небольшой круг ученых ее одолевает, но затем стремится к еще большим сложностям, видимо для того, чтобы создать себе исключительное положение в обществе».

Храм неба

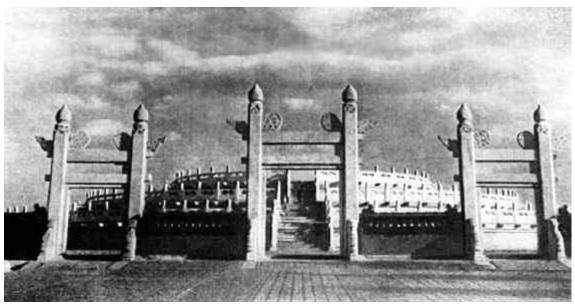
Пройдя через ворота Цяньмынь, гости Пекина попадали в кварталы Тяньцяо, что в переводе с китайского означало «Небесный мост». Столь поэтичное название не совсем подходило заселенному беднотой району. Впрочем, оно возникло слишком давно, в те времена, когда император Чэнцзу только начинал строить Северную столицу. В 1420-х годах внутренняя стена еще не разделяла город на части, а участок, где правитель задумал воздвигнуть Храм неба, находился в уединенном месте, на самой окраине Пекина.

Приезжая сюда на богослужение, Сын неба следовал по грязной дороге, мимо болот и ям, наполненных водой. Устроенный вскоре каменный мост, названный Небесным за небывалую высоту, сделал путь более удобным и логически завершил архитектурную композицию. Единственный в городе круглый храм по праву стал символом Пекина. Своеобразная постройка, возведенная без гвоздей и связующего раствора, к сожалению, сгорела в конце XIX века. Сегодняшнее здание является копией, довольно точно повторяющей и внешний вид, и внутреннее убранство старинного храма. В настоящее время это святилище находится недалеко от Южных ворот, напротив кварталов Тяньцяо, и попрежнему составляет одну из достопримечательностей Пекина.

Никто не помнит, в какие времена Китай стал именоваться Поднебесной империей и когда императора причислили к небесным сыновьям. Казалось, его особа была священной всегда, во всяком случае только ему позволялось совершать обряд поклонения земле и небу. Основной религиозный ритуал проходил в главном городском храме, который повсюду назывался Храмом неба (кит. Тяньтань). Заключая в себе целый ансамбль культовых построек, подобное святилище в Пекине скрывалось от внешнего мира за двумя рядами стен. В представлении сторонников даосизма наличие углов олицетворяло землю, тогда как их отсутствие символически обозначало небеса, видимо поэтому в основном здании комплекса, наряду с прямоугольными элементами, встречались и круглые. Кривизна затронула даже форму участка: будучи прямоугольным на юге, он плавно закруглялся в северной части ансамбля.

Вид на Храм неба

Алтарь неба

Многочисленные постройки Храма неба, по обычаю, устроены вдоль сакральной линии север—юг. Если в ранних культовых комплексах дворы вплотную примыкали друг к другу, то здесь они разделяются широкой дорогой. Самой значительной является постройка, которая сообразно значению называется Алтарем неба, а в соответствии с формой — Круглой горой. Устремляясь ввысь ослепительно белыми террасами, это грандиозное сооружение изумляет красотой и величавостью. Наверх можно подняться по широкой лестнице с мраморными балюстрадами, украшенными великолепной резьбой. Собственно алтарем является открытая каменная площадка. Сюда, под синий небесный купол, поднимались китайские императоры, подолгу оставаясь наедине с «родителем». Здесь владыки предавались размышлениям, совершали ритуалы и отчитывались только за свои дела. Поступки народа не требовали ни объяснения, ни оправдания, поскольку император Китая не унижался до такого «низменного» занятия, как управление государством.

Храм неба открывает молящемуся не только красоту небосвода, но и некоторые земные чудеса. Наделенный культовым значением, он является своеобразным памятником зодчим, строителям, художникам и ученым, принимавшим участие в создании этого великолепного сооружения. Геометрически алтарь устроен так, что основные его элементы кратны 9, то есть

священному числу. Количество каменных плит, которыми выстлана площадка, число ступеней и деталей балюстрады кратно 9. Столбики нижней балюстрады разбивают алтарь на 360 частей по числу градусов окружности. Алтарь неба не случайно астрономически точно сориентирован по частям света, ведь именно китайцам мир обязан изобретением компаса. Здесь звучит таинственное эхо, возникающее благодаря мраморным плитам, уложенным на верхней площадке концентрическими кругами. Едва слышное у края Алтаря, эхо более отчетливо на следующем круге и достигает громкого звука в центре.

Храм молитвы за годовую жатву

Еще одно чудо можно увидеть, вернее, услышать во дворе Храма небесного величия. Толпы любопытных привлекает 6-метровая в высоту круговая «стена, возвращающая звук». Она сложена из тщательно пригнанных друг к другу кирпичей, покрыта черепицей и образует кольцо длиной 200 м. Встав лицом к стене, человек может услышать слова собеседника, если, конечно, не забудет крепко прижать к поверхности ухо.

От Храма небесного величия к следующей постройке ведет широкая, соединяющая все сооружения комплекса, священная дорога Шендао. Построенная вместе с храмом, со временем она превратилась в мощеную 600-метровую платформу, приподнятую над землей и украшенную в середине полосой из огромных гранитных плит. Невольно настраивая на торжественный лад, она подводит к высокой, квадратной в плане стене, не скрывающей Храма молитвы за годовую жатву (кит. Циняньдянь) — главного сооружения ансамбля. Тот, кто миновал массивные кирпичные ворота, непременно окажется у вторых, павильонных, ворот, откуда открывается прекрасный вид на святилище. Можно бесконечно любоваться гордым силуэтом здания, его террасами, трехъярусной крышей под синей черепицей, беломраморным стилобатом, который придает этой постройке сходство с Алтарем неба.

Храм стоит в глубине просторного двора и выглядит небольшим, несмотря на головокружительную высоту (38 м) и 30-метровый диаметр. Однако внутри он подавляет своими колоссальными размерами. Тяжелый потолок поддерживают 28 колонн; 4 средних столба достигают 20-метровой высоты и, называясь колодцем дракона, олицетворяют времена года. Изображение летящего дракона имеется также в центре купола. Нетрудно догадаться, что следующий, состоящий из 12 колонн, ряд символизирует год с известным числом месяцев. Такое же количество опор в последнем ряду ассоциируется с сутками,

которые в Китае разделяются всего на 12 часов. Колонны главного зала связаны выгнутыми по кругу балками трехъярусного купола. Его внутренняя поверхность сплошь покрыта росписью, отчего конструкции выглядят более легкими, чем являются на самом деле. Несмотря на обильный декор, Циняньдянь наполняет чувством простора, свободы и божественной красоты, не подавляя роскошью. Впрочем, здесь, как ни в одном из других зданий комплекса, заметно участие человека. Полы храма выложены плитами из цельного шлифованного камня. Если внимательно присмотреться к центральной части настила, то в затейливом рисунке прожилок можно различить очертания дракона, похожего на священного змея купола. Подобного рода диковинки имеются почти в каждом пекинском храме, что свидетельствует о мастерстве китайских строителей и в определенной мере выражает пристрастия местных жителей.

По обеим сторонам от Храма молитвы за годовую жатву стоят 2 павильона, в которых некогда хранились культовые вещи. Позади него расположился неброский по виду и торжественный по названию Храм великого неба. Сегодня они, как и другие старинные постройки, используются для устройства выставок. По выходным сюда приходят жители столицы: с тропинок окрестного парка прекрасно видны все павильоны, поэтому созерцание архитектурных шедевров обычно совмещается с воскресным отдыхом в зеленой зоне. Почти все здешние деревья посажены в эпоху Мин, когда оправдывал свое название Запретный город, а население страны еще не освободилось от предрассудков.

Мешок из кожи

Автор одной из старинных китайских книг сетует на мужей, «проявляющих слишком большую любовь к своим женам. Как глупо! Если случайно лишиться супруги, можно обзавестись новой, ведь женщина как одежда, которую не трудно сменить». Длинные списки обязанностей китайской женщины встречаются во многих источниках, тогда как перечислением ее прав утруждались немногие литераторы. Впрочем, упоминание о том, что могли позволить себе представительницы прекрасного пола, едва ли заняло больше одной строчки.

Не обладая даже малой частью семейного имущества, китайские хозяйки обходились мелкими суммами, ежедневно получая деньги у мужа и отчитываясь за каждую монету. Девочкам начиная с 5 лет делали прическу и бинтовали ноги, с того времени запрещая играть и бегать; им не разрешалось выходить из дома, зато требовалось подметать полы, чистить котлы, мыть посуду. Достигнув 12–13 лет, они учились прясть, шить белье и одежду, которой полагалось быть простой, неяркой, обычно черного или синего цвета.

Юные особы не показывались гостям, если те не были родственниками. Однако и с ними девочки держались скромно, ограничивая свою речь словами почтительности. Матери прививали дочерям 3 правила подчинения и 4 добродетели. В число первых входили повиновение отцу, затем — мужу, а в случае его смерти — сыну. К добродетелям причислялись супружеская верность, правдивость, скромность в поведении, усердие в труде.

Китаянки из бедных семейств носили шаровары и просторные блузы из грубого полотна. Богатые дамы облачались в узкие шелковые платья под названием «ципао» со стоячим воротником и сквозной застежкой на правую сторону. Носить пуговицы слева они не могли, потому что эта сторона считалась почетней, поскольку находилась рядом с сердцем — источником физической и духовной силы. Основным признаком женской красоты служила величина стопы. Не имея маленьких, выгнутых дугой ножек, напоминающих лилию или молодую луну, девушка не надеялась выйти замуж. Трудно точно сказать, когда и по какой причине в Поднебесной сформировалась традиция приостанавливать рост ноги путем жесткого бинтования, но китаянки следовали ей, невзирая на боль и угрозу паралича.

Девушки из богатой семьи

Забинтованные ноги китайской женщины

Желанную дугообразную форму женские ноги обретали после многолетнего пребывания в жесткой повязке. Девочке 6–7 лет подгибали к подошве все пальцы, кроме большого, и время от времени затягивали бинты, ожидая, пока не прекратится рост ступни. Подобная процедура вызывала сильную боль, на которую никто не обращал внимания, помня слова древнего мудреца: «Красота ног стоит моря слез». Маленькие ножки были

мечтой каждой китаянки, готовой нетвердо стоять на ногах и постоянно падать даже на ровной дороге ради сомнительной красоты.

Варварский обычай бинтования иногда приводил к полному параличу ног, называвшихся в таком случае золотыми лилиями. Однако женщина, которую служанки возили на тележках или носили, словно ребенка, на руках, не вызывала презрения или жалости. Ею восхищались, ей завидовали, поскольку она походила на «тростник, который колышется от легкого дуновения ветра». На улицах старого Пекина можно было видеть, как слуги вынимают из паланкина богато одетую даму или переносят ее через улицу, например, в гости к соседям.

Красавица Си Ши. Миниатюрная статуя

По обычаю, женской фигуре полагалось «блистать гармонией прямых линий», для чего девочкам стягивали грудь холщовым бинтом или жестким лифом. Развитие грудных желез приостанавливалось, а вместе с тем снижалась подвижность грудной клетки. Затрудненное дыхание пагубно сказывалось на здоровье, зато девушка выглядела изящно и, повзрослев, могла претендовать на хорошего жениха.

В Китае социальной единицей издревле считалась семья. В одном доме проживало несколько поколений, поэтому во избежание ссор отношения между родственниками определялись строгими правилами. Все недоразумения решались по принципу главенства старших над младшими, и так же достигалось единство рода. Большая семья повиновалась патриарху – отцу. Фанатичная преданность домашнему очагу создавала иллюзию мира, хотя в действительности мнимое согласие опиралось на законы насилия и слепого послушания. Дети были рабами родителей, жена беспрекословно подчинялась мужу, сестры не смели перечить братьям, даже если последние были намного младше.

Проводя время в отдельных комнатах, женщины, как правило, не общались с мужчинами, что касалось и малолетних членов семейства. В идеале жена молча выслушивала слова мужа, не вступая в спор. Такое обыденное для европейцев явление, как поцелуй, здесь соотносилось с похотью и невоспитанностью. Китайской матери позволялось целовать только маленьких детей, а мужья в отношении жен не делали этого никогда.

Общественная мораль не одобряла проявлений нежности, как, впрочем, не приветствовала чувств вообще.

Создатель популярных в дореволюционной России «Очерков китайской жизни» Д. В. Путята попытался раскрыть читателям тайну китайского менталитета: «Церемониал усваивается китайцами с раннего детства и укрепляется путем ежедневной практики. Замечательно, что правила поведения усваиваются не только высокопоставленными людьми, но и простыми фермерами, даже погонщиками мулов. Еще более замечательно то, что китайская вежливость не есть результат искреннего проявления симпатий. Это не более чем условная форма отношений, соблюдением которой взаимно охраняется лицо, форма, отличающая воспитанного человека от невоспитанного. Это дань самоуважения, в которой отсутствует сердечность».

Встречая гостя, хозяин оставался в шапке, выказывая тем свою почтительность. Этикет предписывал принимать посетителя у входа в дом, сажать за стол с благоприятной левой стороны, отпускать множество поклонов, долго и непременно стоя уговаривать попить чаю, а затем подать чашку в двух вытянутых руках. В ответ гость беспрерывно кланялся, отказывался от чаепития и в итоге все же брал чашку, подобно хозяину, двумя руками. Оба церемонно присаживались, перед тем долго споря, кому сесть первым. Хозяин раскладывал по чашкам сухие листья и заливал кипятком; каждый накрывал свою посудину блюдцем и молча ждал, пока заварится чай. В определенный момент разрешалось отведать душистого напитка, но немного и только через щелку, чуть сдвинув блюдце. По окончании церемоний начинался разговор, большую часть которого занимал тот же обмен любезностями.

Приветственная церемония у порога дома

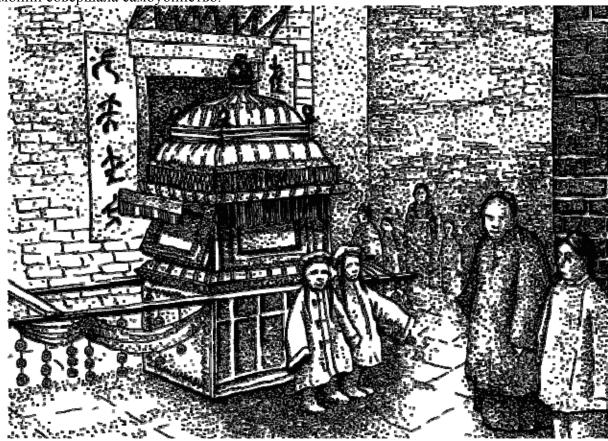
На прощание гость просил хозяина не беспокоиться, однако тому полагалось довести ритуал до конца. Проводы начинались еще в комнате, у двери, где оба долго спорили, кому пройти первым. Наконец гость проходил вперед, а хозяин, кланяясь, семенил сзади. У ворот сцена повторялась: гость просил хозяина возвратиться домой и неизменно выслушивал отказ, опять возобновлялись поклоны и любезности, пока гость не уступал и уходил. Только после этого хозяину можно было вернуться в дом. Такие церемонии вовсе не означали

любовь или уважение собеседников друг к другу. Напротив, они могли быть врагами, но точного исполнения церемоний требовал этикет, выработанный в незапамятные времена и нарушавшийся только невеждами. По правилам, отвечая на вопросы, человек должен был унижать себя и возвышать собеседника, высказываясь примерно так:

- Как ваше имя, почтеннейший?
- Мое жалкое имя Чжан.
- Сколько сыновей у вашего глубокоуважаемого отца?
- У него два грязных щенка.
- Как поживают ваши дети?
- Мой собачий сын здоров...
- Чем занимается ваша бесценная супруга?
- Моя глупая жена прибирается в своей лачуге.

Впрочем, последний вопрос задавался крайне редко и обязательно за стенами дома, ведь гость, который неосмотрительно справлялся о здоровье семейной женщины, даже старушки, в глазах хозяина выглядел неучтивым, словно покушался на чужую собственность. Согласно китайской пословице, «Выданная замуж дочь — как проданное поле». Брак по-китайски заключался не только для продолжения рода и тем более не для соединения любящих сердец. Целью супружества была... забота об умерших предках. Выбирая невесту сыну, родители искали одобрения духов, надеясь на их помощь в устройстве собственной загробной жизни. Если сын не женится и не заведет детей, то род может прерваться, а могилы останутся без присмотра. Обиженные и гневные, предки способны навредить родственникам, в том числе и тем, которые успели обрести покой на небесах.

Во избежание загробных тягот отец спешил с браком сына и скрупулезно подбирал невесту, заручившись советом гадателя. После сопоставления гороскопов и семейного имущества будущий союз скреплялся договором о свадьбе, которую устраивали тотчас или откладывали на долгие годы. Торжественное событие происходило в любом случае: если жених лежал в могиле, девушка отправлялась в храм с его поминальной табличкой, а после церемонии совершала самоубийство.

Свадебный убор китайской невесты

Живой и здоровый юноша в назначенный день получал невесту вместе с подарками и красным, сияющим блестками паланкином, число носильщиков вокруг которого соответствовало весомости приданого. Три дня перед свадьбой будущая супруга проводила в слезах. Однако рыдания вовсе не были притворством, ведь ей предстояла разлука с отцом и матерью. Китайский иероглиф «выйти замуж» соответствует словам «покинуть семью». Девушка действительно уходила из родного дома навсегда, не зная, что ожидает ее впереди.

Свадебное шествие представляло собой любопытную картину. Богато убранный паланкин, сундуки с приданым, яркие наряды участников, длина самой процессии свидетельствовали о богатстве и процветании рода. Перед носилками шли мальчики с фонариками, флажками и табличками, на которых писались имена жениха и невесты. Музыканты исполняли веселые песни под аккомпанемент старинных инструментов. В свадебном паланкине отсутствовали окна, единственная дверь закрывалась на ключ, и девушка задыхалась в глухом ящике, изнемогая под тяжестью одежды и украшений. Головной убор ее был усыпан драгоценными камнями и дополнен сеткой из нитей жемчуга, полностью закрывавшей лицо.

Прибыв в новый дом, вначале невеста встречалась с женихом, затем уходила в приготовленную для нее комнату, где освобождалась от головного убора, парадного платья, надевала будничный халат и только потом садилась за стол. В день бракосочетания женщина единственный раз обедала вместе с супругом, причем тот ел сколько хотел, а девушка в течение 2 недель после свадьбы питалась тем немногим, что привезла с собой.

Веселое застолье с музыкой, танцами и обильным возлиянием зачастую становилось для женщины началом невыносимо тяжелой жизни. Кроме законной супруги, богатый китаец покупал наложниц, которых называли второй, третьей и т. д. женами. Исполняя обязанности служанок, они не считались матерями своих детей, подчинялись хозяйке дома, не имея права жаловаться супругу. В свою очередь главная жена не могла выразить недовольство той или иной наложницей.

Старшему в семье позволялось торговать некоторыми родственниками. Например, отец мог продавать детей, а муж — жен и наложниц. Женщин разрешалось передавать другому человеку на время или навсегда. Прелюбодеяние с их стороны наказывалась смертью, в то время как муж мог изменять своей супруге совершенно безнаказанно. Не случайно в народе говорили, что «жена должна быть чистой тенью и простым отголоском». Конфуцианские законы требовали от каждого мужчины воспитания жены. Ей надлежало «проявлять почтительность к супругу и родителям, жить в согласии с невестками, быть послушной — позже всех ложиться спать и раньше вставать, беспокоиться об урожае риса, экономить хлеб. Если же она проявит плохой характер, увещевать ее добрыми словами». Однако в этом китайские мужчины с Конфуцием не соглашались и внушали почтение к своей особе с помощью кулаков, плетки или палки. В некоторых провинциях практиковалось битье, чтобы соседи не заподозрили теплых отношений между супругами. Иногда в результате таких доказательств женщина умирала или становилась калекой.

Не надеясь на улучшение земной судьбы, китаянки верили в переселение душ и придерживались подобных убеждений с большой строгостью. В середине XIX века в стране получили распространение женские секты жесткого вегетарианства, члены которой были убеждены, что в следующей жизни будут принадлежать к мужскому полу. Несмотря на жестокость со стороны мужа, каждая китаянка безропотно терпела обиды и молча повиновались. В редких случаях ей предоставлялось право вернуться в родной дом, но женщины, как правило, этим не пользовались, предпочитая помогать себе более пристойными способами. Самым простым из них было моление в храме: вырезав из бумаги фигурку супруга, женщина просила богиню милосердия о смягчении его нрава.

Странные верования китаянок говорили о том, как низко они себя ценили. Один из русских дипломатов однажды с удивлением наблюдал толпу старушек, отправившихся на поклонение в дальнюю пагоду: «В старину такие паломничества совершались регулярно; чудно видеть этих несчастных созданий, переступающих на своих козьих копытах вместо ног, путешествующих, придерживаясь палками, и все для того, чтобы после смерти переродиться в мужчин».

Некоторые историки относят униженность китайцев к арийскому прошлому. Традиция жестокого обращения с женщиной сформировалась немного позднее, возможно во времена зарождения конфуцианства. Во всяком случае, именно к той эпохе относится изречение: «Женщина — мешок из кожи, набитый костями», которым в имперские времена руководствовались все китайские мужчины.

Муж имел право развестись с женой без суда, если та перечила свекру или свекрови, страдала неприятной для окружающих болезнью, была бесплодной, жадной или болтливой. Вторичное замужество считалось преступлением; осмелившейся на него женщине грозила смерть от родственников покойного супруга либо вечное изгнание из своей среды. Древний обычай предписывал вдове совершить публичное самоубийство, чтобы соединиться с мужем в загробном мире. Продолжая жить, она не подвергалась осуждению, если, конечно, сохраняла верность и «чистоту стремлений». Подтверждением такой репутации служило затворничество в пределах дома. Многие вдовы, кроме того, уродовали себе лица, голодали и не обращались к врачам, таким образом загоняя себя в могилу задолго до положенного времени.

На добровольную смерть решались немногие китаянки, отчего подобные поступки прославлялись как подвиги. Объявив о своем решении, женщина облачалась в красное платье, садилась в паланкин и, сопровождаемая толпой, прибывала на заранее устроенную

площадку. Здесь ее ожидали виселица и один из ближайших родственников, выступавший в роли палача. Вскоре после казни наместник докладывал императору о том, что произошло, и просил разрешения на устройство памятника добродетельной вдове. Подобного рода монумент чаще имел вид простого каменного обелиска с надписью: «Как чисты ее стремления». Наиболее почетным его видом была парадная арка, в Китае именовавшаяся «пайлоу», которая воздвигалась вблизи места, где свершился подвиг исключительной верности.

Ветер, вода и буддийские святыни

Китайская архитектура, подобно всем видам местного искусства, развивалась в соответствии с религиозными традициями. Общая композиция ансамбля зависела от правил геомантики, что заключалось в особом расположении построек. Одним из положений этой науки является учение о фэн-шуй, или ветре и воде в метафизическом понимании их воздействия на окружающий мир. Зодчие помнили, что храмы, кладбища, дворцы и жилые дома следует защищать от злых сил, располагая в благоприятных местах. Такие участки были отмечены на геологических и астрологических картах. Последние представляли собой изображение небосвода, разделенного на 4 равные части. Каждая из них олицетворялась с цветом и фантастическим животным: восточная четверть соответствовала синему дракону, западная — белому тигру, северная — черной черепахе, южная — красной птице. Суеверия во многом повлияли на систему ориентации сооружений. Постройки в Китае издавна располагались по оси север—юг, причем их основные части всегда обращались к югу как к области, наиболее благоприятной для жизни.

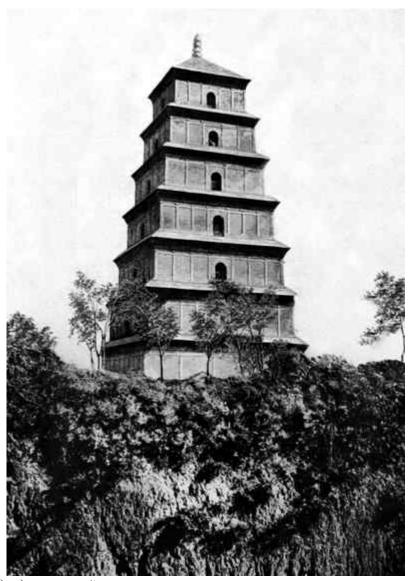
Не утратив значения после прихода буддизма, древний фэн-шуй играл существенную роль в средневековом строительстве. Лучшими участками для живых и мертвых городов считались обрывы, неровные, слегка наклонные поверхности, возвышенности без ущелий и других разломов земной коры, где могли скапливаться вредные духи.

На открытых местах ставились только пагоды, которые были защищены расположенными вблизи могилами паломников. В учении о фэн-шуй можно обнаружить истоки почитания гор. К священным китайцы относили древние холмы Тайшань, Хуашань, Хэншань, а также отмеченные буддистами горы Утайшань и Путошань. Благоприятные возвышенности легко узнавались по плотной застройке, и только непосвященный мог удивляться тому, что монастыри теснились на ограниченном участке, тогда как рядом имелось ровное, уходящее за горизонт поле.

Храм Южные врата неба на горе Тайшань

Обилие монастырей свидетельствовало о распространении в Китае буддизма. Странное на первый взгляд пристрастие к пришлым идеям еще более удивительно для жителей страны, где всегда отвергалось чужое и превозносилось свое. Объяснение тому можно отыскать в похоронном церемониале, но более всего — в трактовке загробного мира. В традиционных китайских верованиях лишь отчасти раскрывалась тайна «жизни после смерти» и полностью отсутствовала наглядность. Незримые духи неслышно летали между людьми, а их дела и проделки касались далеко не каждого. Буддисты одинаково внимательно относились к внутренней и внешней стороне культа, что помогло им обрести сторонников даже в таком закрытом государстве, как Китай. Монахи с бритыми головами покорили народ Желтой страны красивыми легендами, их ритуалы завораживали магическим пением, танцами. Если поклонники Конфуция читали народу морали, то буддисты устраивали феерические зрелища в красивых храмах, среди картин и золотых статуй.

Большая пагода диких гусей

Обрядная сторона индийской религии включала в себя, помимо духовных идей, различные виды искусства, не исключая любимого китайцами театра. На сегодняшний день буддийскую архитектуру Средневековья представляют исключительно пагоды — многоэтажные «башни сокровищ» (кит. баота), поскольку сооружения иного рода до нашего времени не дошли. В этих своеобразных постройках, созданных китайцами в честь пришлых богов, веками хранились культовые реликвии: рукописи, свитки с рисунками, статуи богов.

Ранние постройки подобного рода отличаются суровым величием и монументальностью. Сооружая высокие пагоды, местные зодчие стремились выразить величие и духовную силу буддизма. Для периода Тан типичны многоярусные башни, возведенные с использованием глинобитной техники. Самой известной среди них является Большая пагода диких гусей (кит. Даяньта) — классический памятник китайской архитектуры, появившийся в 652 году заботами буддийского паломника Сюань Цзана.

Сложенная из кирпича, установленная на четырехугольное основание, вначале она состояла из 5 этажей, а позже, достроенная до 7 уровней, стала напоминать сильно вытянутую пирамиду.

В настоящее время массивные глинобитные стены башни, как и прежде, мерцают желтоватым, слегка обожженным кирпичом. Едва выступающие карнизы лишь подчеркивают членение на ярусы, не нарушая единства внешнего вида. Вершина пагоды увенчана шатром из глазурованной черепицы; достичь ее нелегко, ведь самая верхняя

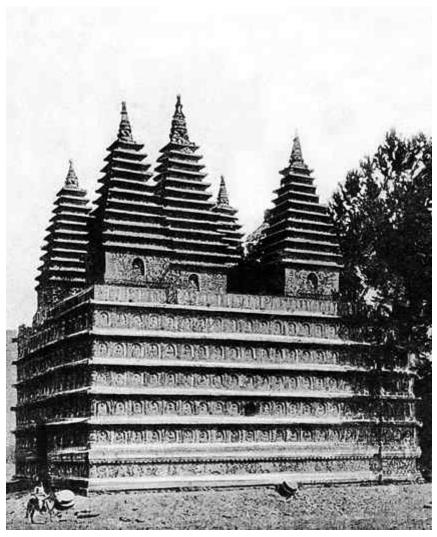
площадка располагается на высоте 60 м. Ярким примером культовой архитектуры позднего Средневековья является пагода Цзушоусы, построенная недалеко от Пекина в эпоху Юань.

Большая пагода диких гусей

Памятники монгольского периода, как правило, стояли на высоком основании. Многогранные и многоуровневые, в иных случаях они совсем лишены декора, но в большинстве своем богато украшены каменной резьбой, плоской скульптурой, орнаментом и характерными изогнутыми крышами. В Цзушоусы их доминирующая роль особенно заметна. Кровли китайских построек всегда несли в себе главное орнаментальное богатство, даже когда боковые грани, конек и скаты украшались сложным узором.

Едва заметное влияние нового стиля ощущается в облике пагоды Утасы, построенной в 1473 году близ Пекина. Эта пятибашенная пагода на необычно массивном пятиэтажном постаменте дает иную комбинацию, новый архитектурный замысел. Ее башни, а также впечатление общей монументальности наводят на мысль о прошлом, связанном с зодчеством периода Тан. Однако многочисленные мраморные рельефы с изображением Будды во всех этажах дают впечатление сплошного сложного узора, навеянного средневековым искусством Индии.

Пагода Утасы

Постепенно проникая в Китай, индийская религия, безусловно, подвергалась изменениям. Внешне новые черты выразились в изогнутых кровлях, покрывавших здания храмов. Буддийские святилища, подобно даосским, состояли из одного или нескольких приземистых зданий ромбовидной формы. Скрывавшиеся в глубине просторных мощеных дворов, такие постройки были защищены высокими стенами. Перед главным павильоном часто возвышался каменный помост с колоннадой из толстых кедровых столбов, похожих на колонны императорских дворцов. Так же был оформлен и храм, где высокие опоры украшали интерьер, одновременно поддерживая резной потолок.

В буддизме самым благоприятным считается красный цвет, в который обычно окрашивались и внешние, и внутренние стены храмов. Снаружи самой яркой деталью были ворота пайлоу, в данном случае посвященные храмовому божеству. Через них в здание вносились статуи богов, а по праздникам священным путем следовал император.

Нетрудно заметить композиционное сходство дворцовых и храмовых ансамблей Китая. В Средневековье по единому типу возводились все храмы: конфуцианские, даосские и буддийские. Последние располагались недалеко от водопадов или горных рек, на склонах холмов, откуда открывался чудесный вид на долину, селение или город. Такой ансамбль в 1651–1653 годах был построен в окрестностях Пекина для тибетского далай-ламы. Восточный желтый храм (кит. Дунхуансы) служил ему пристанищем во время ожиданий визита к Сыну неба. Немного позже в качестве путевого дворца был воздвигнут Средний желтый храм. Между двумя зданиями располагались жилые и административные постройки, а еще дальше на восток стояли кельи монахов, или ламские домики, как их называют в Тибете. В 1780 году помощник далай-ламы прибыл в Бейпин на празднование 70-летия

императора Цянлуна. Высокий гость поселился в новом Западном желтом храме с мраморной пагодой, построенном специально к его приезду. Дунхуансы нельзя назвать монастырем в привычном понимании этого слова. Он устраивался для торжественных богослужений, поэтому в нем предусматривались пышность и великолепие форм, что не совсем обычно для буддийских монастырей. Соблюдая строгую симметрию, создатели ансамбля сократили количество зданий до десяти, решив богато украсить фасады. Первый из двух дворов сильно вытянут в длину, как и второй, отличавшийся от главного только величиной.

Сильно растянутый в ширину прямоугольник представляют собой и входные ворота с колоннами на галерее, покрытой золотисто-желтой черепичной крышей. Изначально столбы покрывала блестящая штукатурка ярко-красного цвета, но потом ее заменила пестрая окраска, отдаленно напоминающая живопись Помпей. Изначально входные ворота служили парадным входом, поэтому в обычные дни запирались на замок, исполняя прямое назначение в дни буддийских праздников. Торжественный вид им придавала цветовая композиция — буйство красных и желтых красок, переливающихся различными оттенками.

Входные ворота монастыря Дунхуансы

Храм небесных властителей в Дунхуансы

По сторонам главного входа находятся помещения для сторожей. Устроенные недалеко от них боковые входы открывают путь в передний двор, где стоят Барабанная и Колокольная башни, а также Храм небесных властителей, посвященный защитникам буддизма. По виду это здание похоже на входные ворота; его стены также опираются на мощное каменное основание, подняться на которое можно по широким лестницам. Не отступая от обычая, строители пользовались сочетанием знакомых цветов: красного, серого и золотисто-желтого. Несколько отличается по колориту Колокольная башня, где золото и потемневшая от времени деревянная обшивка верхнего этажа соседствует рядом с белыми полосами цоколя.

Скрытый от любопытных глаз главный двор Дунхуансы привлекает внимание своими миниатюрными храмами, и внешне и по значению похожими на христианские часовни. В целом аналогичные Барабанной и Колокольной башням, они отличаются наличием арочных входов с каждой стороны. Здесь строгость внешнего облика повторяется в интерьере, единственным украшением которого служат каменные таблички.

Просторное здание главного храма покрыто двойной крышей и окружено галереей на колоннах. Изображение субургана на коньке кровли относится к деталям, заимствованным из архитектуры Тибета. Буддийское культовое сооружение с этим названием произошло от индийской ступы (в переводе с санскр. «куча камней»). В ламаистских странах оно, подобно китайской пагоде, предназначалось для хранения останков лам и разного рода реликвий. Священная роль субургана определяла его вид и расположение: он всегда стоял на высоком основании и выглядел перевернутым колоколом, увенчанным острым шпилем.

Юго-западную и юго-восточную стороны главного храма Дунхуансы украшает пышная резьба капителей, оформленных, кроме того, человеческими масками. Балюстрада в этой части храма выполнена из мрамора. Внешний декор здания резко контрастирует с общим видом ансамбля, пленяющего торжественной простотой, изяществом линий и гармонией форм. То же самое можно отнести и к интерьерам, хотя расчлененные потолки, пестрая раскраска, обилие картин и скульптуры нисколько не противоречат китайским вкусам.

Недалеко от Северной стены Пекина до сих пор существует старый буддийский монастырь Юнхэгун, когда-то принадлежавший принцу Юнчжэну. Став императором в 1744 году, он превратил свою резиденцию в обитель, которая сегодня является единственным в столице местом, где собираются поклонники желтошапочного буддизма.

Галерея главного храма

Главный храм монастыря размещается в здании тибетского типа с залом, похожим на глубокий колодец. Ритуальная утварь, изображения и статуэтки будд, дымящиеся светильники, специфический аромат горящего масла, бритоголовые монахи в темно-красных одеждах, звуки гонга и барабанов создают присущую всем ламаистским храмам таинственную атмосферу. Необычная форма зала исходит от колоссальной статуи Будды Майтрейи. Высота изваяния, задрапированного кусками желтого шелка, сравнима с размерами 8-этажного дома. То, что она вырезана из цельного ствола сандала, стало причиной занесения скульптуры в Книгу рекордов Гиннесса. Согласно местному преданию, Будда грядущего Майтрейя появился в провинции Чжэцзян в рваном монашеском платье, с трудом передвигаясь из-за своей тучности и огромного мешка за плечами. Когда крестьяне спрашивали о его содержимом, хозяин отвечал: «Весь мир!». Представляясь вымышленным именем Ци Цы, монах бродил по пыльным дорогам, бесстрашно говоря правду, в которой так нуждалось запуганное население империи. Он учил людей любить, подавал надежду на лучшие времена, указывал путь к спасению.

Интерьер главного храма

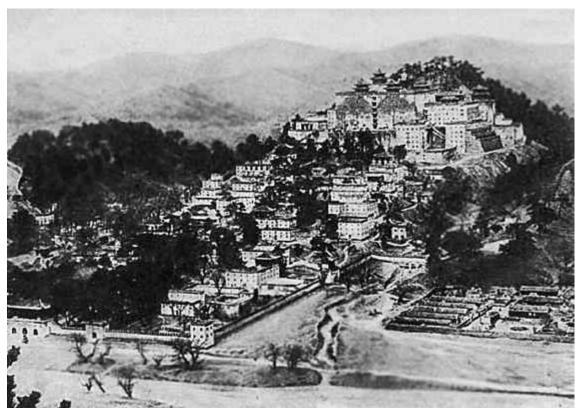
Старость, печаль и заботы о судьбе человечества сократили жизнь доброго проповедника: он умер на пороге буддийского храма, перед смертью успев выговорить свое настоящее имя — Майтрейя. Впоследствии его одухотворенный образ олицетворялся с добродетелью и безграничными возможностями. Символом стал даже огромный живот монаха, в котором якобы помещалась «широкая душа». В средневековом Китае каждая статуя Майтрейи дополнялась крупной надписью: «Будда велик и могуч», а в некоторых памятниках ему воздавали длинную хвалу: «Бездонны сокровища сердца Майтрейи, добродетели его достигли недосягаемых высот, он призван учить людей терпеть и не делать зла. Пережив тяжкие страдания за близких своих, испытав радость добра и блага, станет святым Буддой грядущего через восемь с половиной миллионов лет. Все люди тогда станут гигантами, с могучими богатырскими плечами, с железными, всесильными ногами и руками, со сверкающими глазами. И не сила будет руководить ими, а учение кумира их Будды».

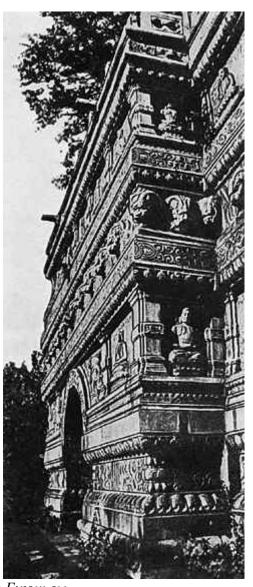
Интерьер главного храма

Бронзовый живот Майтрейи во всех древних святилищах лоснится от тысяч рук, ежедневно касающихся его в надежде обрести если не богатство, то хотя бы достаток. Человеческими ладонями также отполированы скульптурные изображения бога, олицетворявшего плодовитость, которого китайцы представляли веселым старцем в окружении детей. Раньше рождение ребенка, правда лишь мужского пола, считалось счастьем. После того как численность населения Китая превысила 1 миллиард человек, отношение к составу и количеству семьи изменилось. Демографическая политика сегодняшних властей настолько строга, что женщина, решившаяся родить второго ребенка, автоматически теряет многие социальные блага, включая медицинскую страховку и право на бесплатное жилье.

В конце XVIII века буддийская архитектура Китая дополнилась грандиозным сооружением в городе Жэхэ, где был построен очередной императорский дворец. Включенный в комплекс монастырь строился для китайских лам и в основном состоял из зданий тибетского типа: толстые, слегка наклоненные наружу стены, общий белый тон в сочетании с черно-красной обводкой окон и карнизов. Главное здание монастыря и формами, и убранством повторяет дворец далай-ламы в Лхасе, называясь точно так же — Потала.

Ламаистский монастырь в Жэхэ

Фрагмент фасада пагоды Биюньсы

В архитектурных деталях храма Пулосы отразился восточный вариант стиля барокко. Возникшая благодаря причудам французского короля Людовика XIV, к тому времени эта художественная манера утратила популярность в Европе, но успела завоевать признание у китайских зодчих. Образцом ее своеобразного применения в Жэхэ послужила прежде всего золоченая крыша, выполненная из бронзы и увенчанная выгнутыми фигурами драконов.

Еще одним примером барокко выступает Монастырь зелено-голубых облаков (кит. Биюньсы). По традиции возведенный на склонах, он занимает небольшую ложбину между двумя самыми высокими холмами недалеко от Пекина. Связанные лестницами входные сооружения здесь располагаются террасами; крутой подъем завершается на вершине холма, где устроены 2 триумфальные арки. Подобно пагоде и главному храму, они выполнены из белого, украшенного резьбой мрамора. Основное здание монастыря огибают 3 галереи, причем верхняя служит смотровой площадкой, откуда открывается превосходный вид на долину.

Верхняя площадка пагоды Биюньсы

Беломраморная пагода построена в 1749 году и сплошь покрыта орнаментом. Почти все наружные поверхности сооружения заполнены рельефными изображениями Будды и святых, масками, сложными фризами с растительным узором. С верхней площадки можно полюбоваться не только картинами природы, но и оригинальными постройками в виде небольших, тоже мраморных и пышно орнаментированных пагод. Некоторые из них выполнены в виде зауженных кверху 13-этажных башен с выступами. Имея в Биюньсы чисто декоративное значение, они точно повторяют формы реальных крыш. Некоторые пагоды на этой площадке выглядят как индийские ступы и также дополнены плоской скульптурой с изображением бодхисаттв, спрятанных в нишах под заостренными арками.

Вход в каждый буддийский храм Китая охраняет каменная статуя похожего на льва животного, стоящего или сидящего на задних лапах. Львы в Поднебесной не водились; появлению их скульптурных образов китайцы обязаны буддизму, где эти звери являются символическими охранниками монастырей, одновременно выступая стражами закона. На кладбищах фигуры львов с оскаленной пастью охраняли могилы императоров, вельмож и просто богатых людей, а установленные в городских учреждениях, они отпугивали злых богов.

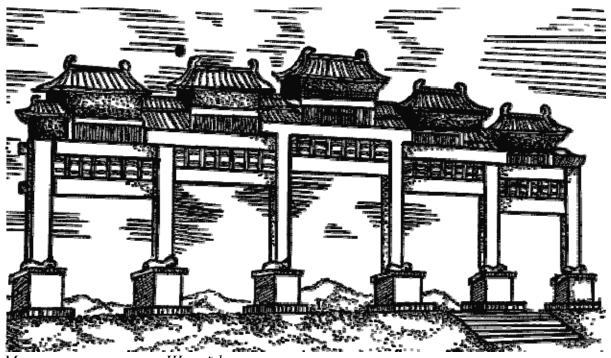
В пригородах Пекина невозможно отыскать даже небольшой участок заброшенной земли. Уходящая вдаль равнина не радует взор ни лесами, ни рощами: лишь мелкие группы растений и одинокие деревья с аккуратно постриженными кронами. Редкие места, где плоские, тщательно обработанные поля пересекаются цепями невысоких гор, как правило, занимают кладбища. Похожая картина открывается с вершины Горы долголетия (кит. Тяньшоу), которую избрали своей усыпальницей правители рода Мин. Первый император этой династии покоится в Нанкине, куда на короткий срок была перенесена столица Китая. Остальные 13 монархов правили уже из Пекина, где и были похоронены. Полностью заселенный некрополь на Тяньшоу стал именоваться Шисаньлин, что в переводе означает «13 могильных холмов».

Более двух тысячелетий в Китае возводились роскошные погребальные ансамбли, значительная часть которых благополучно существует поныне. Владыки Поднебесной всегда поддерживали идею торжественного погребения, считая свои могилы жилищами в загробном мире. К счастью, китайцы заботились о царских гробницах не меньше, чем о дворцах, благодаря чему нашим современникам представилась возможность увидеть великолепные памятники, каковыми являются Минские могилы. Глядя на этот мемориальный комплекс издалека, трудно представить, что причудливые ворота, разноцветные храмы и стройные башни украшают всего лишь кладбище.

Единственное полностью сохранившееся погребение — подземный дворец — построил для себя император Чжу Ицзюнь. В более древней и самой большой гробнице покоится император Чэнцзу. По обе стороны широкой дороги, которая начинается непосредственно от его памятника, располагаются таинственные постройки. О глубоком их содержании можно только догадываться, хотя, возможно, рядом с каждым из них путник останавливался, погружаясь в раздумья о прошлом и настоящем.

Согласно легенде идея устройства царского некрополя в окрестностях Пекина возникла у Чэнцзу после смерти жены. Найденная по его приказу долина вблизи столицы навевала мысли о безмятежном покое. Монарха восхитила мягкая линия гор; утопающие в туманной дымке склоны прекрасно подходили для большого могильника, где вместе с императрицей предполагалось похоронить и самого Чэнцзу. Еще при жизни императора холм стал ассоциироваться с долголетием, а просторная гробница получила название Чанлин несколько позже.

Китайские архитектурные комплексы чаще всего начинаются с мемориальных ворот пайлоу, иногда неверно называемые арками. В старину подобные сооружения возводились не только в честь выдающихся событий, не только во славу императора, но и служили своеобразными досками почета, отмечая события весьма скромные, например долголетие какого-либо крестьянина. Монументальные ворота прочно вошли в быт Китая и сегодня встречаются буквально повсюду: скромные и пышные, высокие и низкие, деревянные и каменные, разной ширины, с неодинаковым числом пролетов.

Мемориальные ворота Шинайфан

Если пайлоу являются памятниками супружеской верности, то роскошные мраморные ворота Шинайфан на Минских могилах всего лишь предваряют вход в императорские гробницы. Возведенные в 1540 году, они приковывают взгляд монументальными колоннами с рельефами в основании. Высокие пролеты увенчаны традиционно изогнутыми кровлями, гармонирующими со скульптурными изображениями львов и драконов. Общая длина сооружения достигает 30 м; базами 6 мощных колонн служат большие мраморные кубы, а те, в свою очередь, опираются на стилобаты.

Отнесенные за пределы Минских могил, ворота Шинайфан можно считать своеобразной увертюрой к постройкам у подножия гор. Высокие, окрашенные в яркокрасный цвет, покрытые красиво мерцающей черепицей, они словно приглашают к обозрению ансамбля.

Мифический зверь бисэ

Некогда рядом с ними находился столб под названием «Сойди с коня» (кит. Сямбэй), от которого даже императору полагалось идти пешком, поскольку дальше лежала священная земля. Зодчие выбрали место для мемориальных ворот не случайно – по обеим сторонам от них находятся священные холмы Хушань и Луншань, посвященные соответственно тигру и дракону. Именно здесь образуется естественный въезд в долину, по обычаю расположенный в южной части комплекса.

Нетрудно вообразить, как осторожно ступали по священной земле императоры, подходя к памятнику своему предку. Увековеченный в камне, Чэнцзу был великим государем и первым похороненным в этом месте представителем династии Мин. Прославленный монарх скончался в 1424 году, а памятник год спустя установил его сын. Монумент представляет собой массивное 20-метровое сооружение с высокой двухъярусной крышей. Прорезанная накрест двумя узкими арочными проходами, постройка заключает в себе зал, где установлена статуя в честь императора — огромное изваяние фантастического зверя бисэ с огромной плитой на спине. Такой вид монумента встречается не только в императорских погребениях Китая. В облике легендарного животного воплотились черты льва, лошади, дракона и черепахи.

От памятника Чэнцзу вглубь комплекса ведет Аллея духов, истинная дорога чудес, по сторонам которой в четком ритме замерли стражи могил: каменные статуи священных животных и реальных китайцев из высших сословий. Огромные слоны, лошади, верблюды, мифические звери, фигуры чиновников, полководцев императора настолько грандиозны, что человек рядом с ними выглядит маленьким и беспомощным. Возможно, они были призваны подавлять человека так же, как это делали императоры, демонстрируя подданным свои роскошные дворцы, костюмы, многотысячные шествия. Однако минские исполины чувства угнетенности не вызывают, может быть, потому, что установлены без пьедесталов, прямо на земле.

Особая расстановка фигур – стоящие животные чередуются с лежащими и сидящими – исключает монотонность строя. Например, пара чудовищ сидит друг напротив друга на задних лапах, а следующая за ними пара уже стоит. Похожие на львов-сторожей, они имеют традиционные, свитые в кольца гривы и широкие ремни с бляхами на груди. Фантастические звери сечи немного похожи на бегемотов; их тела покрыты чешуей, а гривы и пряди стилизованной шерсти выглядят так, словно прижаты ветром. Если в образах львов и сечи прослеживается изощренная условность, то в следующей серии фигур торжествует реализм. Прекрасно исполненные с точки зрения техники, эти каменные слоны и верблюды удивляют естественностью.

Тем не менее во всех статуях минского кладбища полностью отсутствует движение; они выглядят вросшими в землю и слитыми с окружающим пейзажем. Упростив и несколько увеличив формы, скульпторы сумели достичь искомого впечатления мощи. В отличие от фигур в целом отдельные детали, в частности доспехи воинов, гривы коней и панцири, высечены тщательно и с любовью. Такие черты, как скованность и замкнутость, ярче прослеживаются в человеческих образах. Скульпторы изображали собирательные образы, то есть вообще чиновника или воина, даже не пытаясь сообщить своим героям характер или придать сходство с конкретными людьми. В этом здешние статуи сильно отличаются от глиняных воинов Цинь Шихуанди. Заключая в себе единственное качество — верность императору, скульптурные образы Минских гробниц созвучны царящему вокруг безмолвию. Холодные и сосредоточенные, они создают гармоничный ансамбль с пустынным пейзажем.

Воин. Статуя на Минских могилах

Могила императора Чэнцзу устроена в кургане Чанлин, 300-метровый путь к которому трижды прерывается дворами. Могильный холм огорожен круглой стеной, отчего дорога к гробнице растягивается почти на 1 км. Храм великого благодеяния (кит. Линэньдянь) возведен, конечно, не для отдыха в пути, хотя именно так некоторые воспринимают сооружение во втором дворе. Почти не производя впечатления снаружи, изнутри он потрясает величием: и без того большие размеры еще больше увеличивает пустота. Вместо скульптуры, мебели и ритуальных вещей здесь устроены колонны из цельных стволов южного кедра. Легко представить, с какими трудностями столкнулись средневековые мастера, доставляя, обрабатывая и устанавливая колоссальные бревна. Неизвестно, покрывала ли их когда-нибудь краска, но сегодня колонны в Линэньдянь гордо демонстрируют естественный вид своей древесины.

К началу прошлого века все дворы гробницы Чэнцзу превратились в сады с многовековыми деревьями. Особо пышная растительность отличает третий двор, где листва совершенно скрыла Башню усопшего (кит. Минлоу), внутри которой находится памятник императору. Царское захоронение обозначает надпись: «Здесь покоится Чэнцзу, нареченный именем Вэньхуанди, владыка великой династии Мин». В то время торжественные имена вместе с монархами получали не только жены, но и наложницы, а также отличившиеся по службе сановники. Однако посмертное возвеличивание придворных тем и ограничивалось, ибо никому из них не полагалось такой роскошной гробницы, как, например, Вэньхуанди, посмертное имя которого в переводе с китайского языка означает «просвещенный государь».

Среди монархов династии Мин дольше всех правил Чжу Ицзюнь, занимавший трон 48 лет. Столь долгий срок владычества, причем в условиях мира и относительного благополучия, позволил накопить средства на достойную могилу. Над созданием усыпальницы в виде подземного дворца более 6 лет трудились 30 тысяч рабочих. Если верить придворным счетоводам, то на строительство была истрачена колоссальная по тем временам сумма – 8 миллионов минских юаней.

Ворота подземной усыпальницы Чжу Ицзюня

Гробница Чжу Ицзюня была раскрыта в 1956 году. Изучение уникального памятника началось с разгадки секрета входных дверей. Их массивные створки оказались запертыми, причем на плитах не обнаружилось следов замка. Через некоторое время археологи выяснили, что двери замкнуты изнутри с помощью тяжелой каменной плиты. Один ее конец упирался в углубление пола, а другой мягко скользил по створке. Когда смыкались обе половины двери, особого вида замок попадал в гнездо, плотно и навсегда запирая вход.

Весь подземный комплекс состоит из 3 просторных залов и 2 боковых комнат. Тяжелые створки входных дверей выточены из цельных кусков белого мрамора; такие же ведут в боковые покои, но их отделка дополняется медными притолоками — верхними брусьями дверных проемов. Первое помещение гробницы изумляет необычной сводчатой формой потолка и его покрытием в виде массивных каменных плит. Во втором зале стоят 3 стула с подлокотниками, выполненные целиком из мрамора и по обычаю украшенные извивающимися драконами. Одинаковые комплекты посуды для жертвоприношений, установленные перед каждым креслом, покрыты желтой глазурью. В больших фарфоровых чашах-светильниках обнаружилось масло и обожженные фитили. В глубине подземного дворца, посредине главного зала, на постаменте возвышаются 3 саркофага из дерева, покрытого киноварным лаком. Помещенные в них гробы хранят в себе мумии самого императора и скончавшихся раньше двух его жен. Известно, что забальзамированные тела

женщин несколько лет стояли в специальном помещении одного из пекинских монастырей в ожидании смерти Чжу Ицзюня.

Стенки императорского гроба покрывала драгоценная парча изначально золотистокрасного цвета. Рядом с телом правителя лежали вещи, которые человеку его звания требуются в загробной жизни: кубок, золотое блюдце, чаша из белой яшмы, прикрытая золотой крышкой с большим кораллом вместо ручки. В истлевшей шкатулке лежали яшмовые пояса тонкой работы. Царское ложе окружали многочисленные фарфоровые предметы, слитки золота и серебра, а также необходимые в мире ином золотые доспехи и меч, инкрустированный драгоценными камнями. Не менее ценные вещи лежали рядом с женскими гробами. Помимо посуды и украшений, здесь находилась одежда, в частности головной убор из цветов и отделанных малахитом золотых фениксов, определивших его название – фениксовая шапка (кит. фэнгуань).

Боковые залы, несомненно, предназначались для захоронений, хотя ко времени прихода археологов они были совершенно пустыми. Видимо, в них предполагалось поместить тела наложниц, как делалось и в древности, и в более поздние эпохи, включая раннюю пору Мин. При Чжу Ицзюне утратил силу обычай убивать женщин, в том числе и дворцовых служанок, тотчас после смерти повелителя. Во всяком случае, в гробницу поместили только мертвые тела императора и ранее умерших императриц, а боковые залы остались напоминанием о мрачной традиции.

Вход в гробницы Силин

Колонны мемориальных ворот комплекса Силин

Выходя из подземного дворца, современные посетители могут услышать загадочное «пение» дверей. Несмотря на тяжесть мраморных створок, один человек вполне способен сдвинуть их с места. Когда древние плиты приходят в движение, раздается сначала негромкий, а затем отчетливый звук: некоторым кажется, что он похож на аккорд органа. Каким образом возникает звучание и, главное, как достигается его мелодичность, составляет одну из многих тайн старых китайских мастеров.

В отличие от Минских гробниц, где архитектура проста и величественна, могилы маньчжурских императоров Цин (1644–1911 годы) изумляют пышностью декора. Некрополь представителей последней правящей династии оказался разделенным на 2 части: к югозападу от столицы находится Западное императорское кладбище с китайским названием Силин.

В противоположной от него стороне раскинулось Восточное императорское кладбище Дунлин. В период правления маньчжуров при сооружении императорских гробниц особое внимание уделялось выбору места погребения. Занимавшиеся этим специалисты стремились к созданию пространства, где могла бы отразиться главная идея учения фэн-шуй: гармония природы и построек как результата человеческой деятельности.

По древнему обычаю, царский сын устраивал могилу рядом с погребением отца. Однако император Юнчжэн, нарушив вековые традиции, отверг указанное астрологами место на Дунлин и решил после смерти расположиться вдали от предков. Его прах

торжественно захоронили на новом кладбище Силин, устроенном к западу от столицы. После того как следующий император Цяньлун приказал похоронить себя в Дунлин, могилы отцов и сыновей стали располагать в разных местах: поочередно в Дунлине и Силине.

Комплекс Силин включает в себя 14 могил, в том числе царские захоронения Тайлин (императора Юнчжэна), Чанлин (императора Цзяцина), Мулин (императора Даогуана). Устроенная в 1909 году могила императора Гуансюй, получив название Чунлин, стала последним императорским погребальным комплексом в Китае. Несмотря на колоссальные размеры, Силин не производит впечатления монументальности, видимо, из-за обилия и сложности декора. К главному погребальному храму ведут огромные, вычурно оформленные пайлоу, резные мостики, колонны, статуи фантастических и реальных зверей. Выполненный в основном из мрамора, этот ансамбль резко выделяется на фоне темной зелени.

В пору правления рода Цин каждую императрицу, скончавшуюся до смерти супруга, хоронили в одной могиле с императором. Если женщине посчастливилось пережить своего хозяина, то ей полагалась могила менее богатая и обязательно удаленная от погребения мужа. Именно в такой могиле обрела вечный покой престарелая регентша Цыси, драгоценная наложница (кит. гуйфэй) императора Сяньфэна. Ее захоронение поначалу выглядело скромным, чем императрица была очень недовольна. Под предлогом невозможности ремонта она отдала приказ его перестроить, после чего ее могила, вопреки традициям, превзошла по роскоши и размерам надгробие супруга.

Восточные могилы Дунлин представляют собой погребальный комплекс. спланированный по конфуцианской схеме «главенствующего центра», то есть сообразно принципу различия «старшего и младшего», «высокого и низкого». Некрополь включает в себя могилы 5 монархов, их 4 жен, 5 наложниц и одной принцессы. Усыпальница первого императора Шуньчжи лежит на центральной оси комплекса, а могилы его потомков устроены по сторонам и следуют друг за другом в порядке старшинства, олицетворяя сыновнюю почтительность. Могилы императриц и царских наложниц размещаются на линии, проходящей ниже главных захоронений, словно говоря о подчиненном положении своих обитательниц. Тропинки от женских гробниц тянутся к дорогам, ведущим к могилам владык, а те, в свою очередь, стремятся к Священному пути, обрывающемуся у могилы Шуньчжи. В плане все дороги формируют своеобразное генеалогическое дерево, в котором посвященный непременно заметит символ продолжения рода и вечной власти Сыновей неба.

Самым оригинальным сооружением комплекса Дунлин является Цзинлин, или могила императора Канси, правившего 61 год. Так долго трон не занимал ни один из правителей Китая. На 1 год меньше находился у власти его сын Цяньлун, похороненный в могиле Юйлин. Достигнув 86 лет, он передал власть сыну и последние годы довольствовался титулом императорского отца. Благодаря множеству буддийских скульптур и рельефных изображений подземный дворец в Юйлин часто называют Торжественным подземным залом поклонения Будде.

Скромная могила Динлин служит пристанищем императора Сяньфэна, скончавшегося в 1861 году. Занимая престол немногим более 10 лет, этот неумный владыка довел страну до экономического краха. Беспрерывные смуты и проблемы во внешней политике тогда чередовались с внутренними и внешними неурядицами. Пустая казна потребовала отказаться от роскоши, поэтому при строительстве могилы пришлось употребить старые материалы.

Еще более непрезентабельный вид имеет сложенное из деревянных конструкций погребение Хойлин — могила императора Тунчжи. Единственный сын императрицы Цыси умер после скоротечной болезни в возрасте 19 лет, прожив меньше всех императоров цинской династии. Обстоятельства не позволили возвести достойную могилу, поскольку в казне не хватало средств и ее сооружение велось слишком поспешно. Все же погребальный комплекс Дунлин является лучшим среди царских захоронений Китая. Если не принимать во внимание могилы последних владык, здесь употреблялись лучшие материалы, были использованы новаторские приемы строительства и декора. Кроме того, этот ансамбль состоит из высокохудожественных памятников, что стало главным критерием для внесения

Китайское барокко

...Колонки, несущие крыши шатер, Планочки, папки резные, с пестрой их позолотой — Вот дело тончайшего вкуса и радость для знатока!

И. В. Гёте

Древняя китайская архитектура характеризуется простотой, монументальностью и господством конструктивных форм. Средневековые памятники, напротив, отличаются декоративностью, порой даже излишней. Открыв для себя европейское искусство, зодчие Китая обратились к неумеренному украшательству. Увлечение разнохарактерной пышной отделкой повлекло за собой тягу к мелким, непомерно дробным объемам. Критика иностранных специалистов не помешала китайцам полюбить свои разукрашенные здания. Новая манера быстро прижилась и, перестав вызывать недовольство, определила своеобразие местного зодчества. Перегрузка орнаментальными деталями особенно заметна в постройках поздней эпохи Мин. Фантастическая по сложности архитектура, неуклонно развиваясь в течение XVII века, достигла апогея в следующем столетии, когда оригинальный стиль местного творчества стал именоваться «китайское барокко».

Внешний город

Привычный современному взгляду Пекин сложился из торговых предместий и в последние десятилетия эпохи Мин назывался Внешним городом. Тогда к главным городским воротам ежедневно подходили караваны из всех провинций Китая и зарубежных стран. Купцы жили в гостиницах, а торговали на рынках, где, прижавшись одна к другой, располагались большие и маленькие лавки. Наружные стены магазинчиков состояли из легких разборных щитов. Днем щиты обычно убирали, и лавка превращалась в уютный открытый дворик, сплошь заставленный товарами. Иногда торговой точкой становился и участок перед домом, где также раскладывались вещи для продажи.

Пекин в середине XIX века

Жилище богатого горожанина

До недавнего времени по улицам Внешнего города бесконечной чередой катились велосипедисты, образуя пробку всякий раз, как только регулировщику приходило в голову остановить движение. Огромный рынок в Тяньцяо раньше славился не только оживленной торговлей, но и замечательными актерами – циркачами, фокусниками, рассказчиками.

Китайские акробаты использовали в представлениях оружие (трезубцы, ножи, обручи, мечи), а также предметы домашнего обихода (кувшины, тарелки, чаши). Предметы мебели, чаще стулья и небольшие столики, употреблялись в качестве опоры. Актеры развлекали публику балансированием на бамбуковом шесте, бросанием бумеранга, показывали летающие трезубцы и наполненные водой крутящиеся чаши. Об уровне акробатического искусства в старом Пекине можно судить по фрескам эпохи Тан, где изображены гимнасты, певцы, танцоры и лихие наездники. На одной из картин процессию возглавляет человек с шестом, на котором акробаты демонстрируют различные трюки, например лазание, стойку на голове одного из участников.

Во времена, когда создавались росписи, актеры выступали только в Запретном городе. С упадком династии Тан они покинули императорский двор и обосновались на пекинских рынках. Однако менее изысканный зритель не помешал развиваться уникальному виду искусства, перешедшему на иной уровень сложности при императорах династии Мин.

В XV–XVII веках особое внимание уделялось динамике исполнения; цирковой спектакль стал частью поэтической драмы с бытовыми и батальными сценами, которая

сегодня называется пекинской оперой. Восторгаясь на представлениях, местное общество относилось к профессии акробата пренебрежительно. Гораздо выше ценился труд гончаров, обитавших в северной части Тяньцяо, на знаменитой по сей день улице Люличан.

Очарование старины в этой части Пекина привлекает не меньше, чем роскошь Запретного города. Именно здесь лучше и в большем количестве сохранились дома простых китайцев. Жители Поднебесной строили и украшали свои города по правилам, сформулированным во времена раннего Средневековья и не утратившим значения до середины XX века. Главным руководством местных зодчих был трактат «Методы архитектуры» — богато иллюстрированное сочинение, написанное в 1103 году и впоследствии много раз переиздававшееся. Автор одной из ранних публикаций, известный строитель Ли Цзие (Минчжун) дополнил существовавший труд описанием новых методик, затронув, наряду с архитектурой, декоративную отделку зданий.

Судя по отсутствию информации, в XII веке китайские мастера еще не возводили дома целиком из камня и кирпича, не устилали полы каменной плиткой, хотя употребляли эти материалы для изготовления угловых пилястр, балюстрад, порогов дверей, драконов на лестницах и крышах. Полностью из камня тогда устраивались массивные основания, фундаменты и террасы. Правила для выполнения каменных работ в «Инцзаофаши» давались с удивительной для того времени точностью. Не менее подробно описывались приемы выполнения деталей из дерева, как мелких (окна, карнизы, лестницы, перегородки), так и крупных (срубы, стропила, балки). Отдельные главы посвящались резьбе и устройству кровель, где в обязательном порядке следовало устанавливать декоративные детали и фигуры. Интересно, что в трактате Ли Цзие, где перечислены все известные материалы, в том числе кирпич и черепица, почему-то не указана техника их укладки.

Основные принципы возведения деревянных построек, подобно отдельным деталям, в Китае не менялись веками. Задумав построить дом, горожанин сначала сооружал террасу, а затем приступал к строительству основной части жилища, располагая довольно легкие павильоны позади столбов. В готовой постройке между колоннами изящно вырисовывались ажурные решетки дверей и окон, но главным украшением, конечно, была крыша, ломающаяся под углом, как в Северном Китае, или с резко загнутыми краями, как на юге страны.

В старом Пекине разносчики подвозили товар к воротам каждого дома, где днем обычно работали ремесленники, играли дети и отдыхали старики. Если в небольших городах улицы и переулки были зажаты глухими стенами, то столичные домовладельцы прорубали на внешних фасадах окна, и улицы становились продолжением жилищ. От их формы и ширины зависело украшение внешнего входа. Например, узкий переулок на холме плавно переходил в лестницу, мягко подводившую к двери. Входные проемы чаще оформлялись наличниками в виде декоративной крыши с рельефами или без таковых.

Богатые пекинцы декорировали наружные фасады своих домов сложной резьбой, чаще располагавшейся на верхнем этаже с балконом. Нижний этаж с входом оформлялся очень просто, обычно тремя прямоугольными пролетами, причем боковые были заперты решетками и проход был возможен только через среднюю часть. Обязательные для каждой усадьбы дворики, помимо обогащения внутреннего пространства, делали его удобным и создавали микроклимат в жилых помещениях.

В жарких странах, где дневная жизнь проходит под открытым небом, такие площадки являются неотъемлемой частью архитектурных сооружений, по виду и значению напоминая большие комнаты.

Вход в городской дом

Внешний двор с мостиком

Высокие деревья, окруженные глухими глинобитными стенами, затеняют двор, отчего земля меньше нагревается; неподвижный воздух дольше сохраняет прохладу, предотвращая духоту и в самом дворе, и в комнатах дома.

В Китае главный павильон всегда занимал глава семейства, тогда как в боковых флигелях жили малыши, взрослые дети с семьями, старые родители. В богатых домах выходящие во двор фасады выполнялись в виде галерей, а в бедных жилищах комнатные двери выходили непосредственно во двор. Почти в каждом китайском доме произрастало одно большое тенистое дерево, которое изредка заменялось более мелкими, но столь же пышными растениями. Изнутри Пекин не выглядел зеленым городом, зато при взгляде сверху, с высоты птичьего полета или с вершины Угольной горы, он казался огромным садом.

Усадьбы зажиточных пекинцев, как правило, состояли из трех внутренних дворов, разделенных стенами и окруженных разного рода строениями. В первом, прямо перед входными воротами, стояла низкая короткая стенка (кит. инби), которая, по древним поверьям, мешала злым духам проникнуть в дом. Невидимые силы не догадывались, что ее можно обогнуть и, натолкнувшись на преграду, улетали обратно. В отличие от недогадливых духов люди стену обходили, попадая внутрь усадьбы через ворота – единственное отверстие в наружной стене.

Во второй, или передний, двор открывались двери павильона, где хозяин работал и

принимал посетителей. Далее кривая мощеная дорожка вела в уютный дворик с кухней, комнатами слуг и женскими спальнями. В него не допускались посторонние, и даже глава семьи заходил сюда нечасто. В самой отдаленной, «женской», части дома обитали не самые

почетные члены рода: наложницы, дочери или малолетние невесты сыновей.

Внутренний двор

Жизнь большинства китайцев складывалась по старинной пословице «Не женился – один бедняк, женился – два бедняка, родился ребенок – три бедняка». Покупка супруги для сына иногда доводила семью до нищеты, но в отсутствие жены и детей человеку грозило презрение общества. Исключительная нищета населения породила обычай брать в дом 6—7-летнюю девочку, чтобы впоследствии выдать ее замуж за кого-нибудь из сыновей. В некоторых случаях невесту приобретали заранее, еще до рождения жениха, а тот, к сожалению, не появлялся на свет. С «лишней» девочкой в семье обращались особенно жестоко. К императору иногда поступали донесения о том, что в некоем доме будущая свекровь прижгла юной невестке руку свечкой, а затем, не выдержав детского крика, кинула ей в лицо раскаленный нож и облила кипятком, после чего девочка умерла.

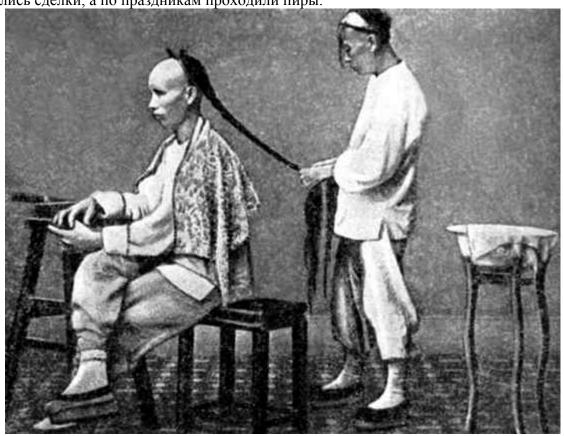
Страх перед будущим толкал неимущих родителей на убийство; от новорожденных девочек старались избавиться, причем так, чтобы не тратить денег на похороны. В Пекине и некоторых провинциях ребенка можно было задушить, забить палкой, утопить в лохани, не боясь гнева богов или наказания со стороны властей. Не сумев скопить деньги на приданое, родители предпочитали смерть дочери, рассматривая убийство как единственно верное средство, избавляющее от бед и позора.

Суровые нравы сильно влияли на китайское общество, но жизнь в Поднебесной, особенно с развитием промышленности в XIX веке, не была такой беспросветной, как ее представляли иностранные путешественники. К тому времени жители крупных городов научились цивилизованно отдыхать, например проводя свободное время в клубах, учрежденных купеческими обществами. Китайские торговцы объединялись в союзы по происхождению, собираясь в домах, построенных специально для этих целей и соответственно украшенных. Снаружи здания подобного рода почти не отличались друг от друга, чего нельзя сказать о декоре фасадов и внутренних помещений. Уроженцы разных провинций соперничали между собой, стараясь представить свои общества как можно более

презентабельно.

В отличие от дворцов клубные интерьеры выражали передовые вкусы. Не отказываясь от традиций, торговая знать предпочитала по-европейски изящные формы, дорогие породы дерева и мрамор для отделки. В таких домах устраивались совещания, по будням

совершались сделки, а по праздникам проходили пиры.

Китаец на приеме у цирюльника

Здесь тоже имелись внутренние дворы с высокими глухими стенами. В зависимости от своего достатка члены общества устраивали в клубах театры, гостевые комнаты, молельни и небольшие садики. Наделенный ролью храма искусства, театр всегда стоял в одном дворе со святилищем. Он представлял собой открытую сцену с удобными ложами для почетных гостей, к которым относились и хозяева. На время представлений двери клуба распахивались перед всеми желающими, правда для простых горожан сидячих мест не предусматривалось.

Среди общественных зданий Пекина особое значение имели цирюльни, поскольку от прически зависела жизнь не только рядовых, но и сановных китайцев. В эпоху Цин обязательной принадлежностью каждого жителя Поднебесной была коса. Указ о ее ношении в 1645 году издал первый император маньчжурской династии. Незадолго перед тем мужчинам империи приходилось выбирать: волосы или голова. Большинство, конечно, обращались к цирюльнику, ведь ослушникам грозила казнь с последующей демонстрацией небритой головы на главной площади Пекина. Видимо, непокорных оставалось много, потому что император все же позволил оставлять волосы на темени, но приказал заплетать их в косу. За отказ носить ее китайцу любого ранга без суда отрубали голову. Казнь грозила и лысеющим мужчинам, поэтому они приобретали сие украшение в лавке. Некоторое послабление делалось для детей; девочкам выбривали только лоб и затылок, маленьким мальчикам оставляли пучок волос на одном из висков, а подросткам — чуб, который, отрастая, превращался в косичку и при необходимости укладывался в виде пучка.

В день совершеннолетия, то есть в 16 лет, каждому жителю Поднебесной даровалось право спустить отросшую косу, прикрыв темя маленькой шапочкой. Помня о строгости императорского указа, китайские мужчины берегли волосы. Чтобы не пачкать вещь,

стоившую жизни, в дороге или во время работы они свертывали ее на затылке. Однако в торжественных случаях черная коса ложилась на спину, ведь представать со свернутой косой перед чиновником считалось неприличным, а порой и преступным.

Преступление и наказание

Постигая китайский характер, трудно не столкнуться с интересным понятием «потерять лицо», которое в Поднебесной трактовалось широко, сложно и касалось не только физиономии. В китайском мировоззрении «потеря лица» означала открытое признание ошибки и считалась большим несчастьем, оттого каждый человек старался свое лицо сохранить. Восхищаясь искренностью легендарных героев, сами китайцы ею не обладали. Как вельможи, так и простые крестьяне заботились о репутации, употребляя стандартный набор формальностей, куда входили улыбки, низкие поклоны, льстивые слова и напрасные обещания. Совершив дурной поступок, европеец мог принести извинения и остаться в глазах окружающих благородным человеком. В старом Китае гражданская казнь угрожала не столько виновнику, сколько тому, кто опрометчиво покается в грехах.

Считалось, что мандарин-взяточник не «потеряет лицо», если будет держаться высокомерно с народом и унижаться перед императором. Казнокрад без сожаления занимался воровством, демонстрируя притворную вежливость и хорошие манеры. Честному крестьянину избежать наказания помогали подарки, а в случае вины он в любом случае представал перед судом (кит. ямынь).

Присутственное место, где вершилась расправа над всеми, кто не имел туго набитого кошелька, представляло собой комплекс построек, по традиции разделенных дворами. Двери каждого павильона были оборудованы красными фонарями. Число оград и ворот ямыня зависело от богатства начальника. Показателем его знатности, степени уважения и состоятельности служили наддверные элементы: резные портики, карнизы с углами, оформленными статуэтками духов и священных животных. В центральной части усадьбы проживал судья с семьей. Здесь же располагалась его приемная, гостиная, карцер для подследственных; крошечные боковые каморки предназначались для охранников и слуг.

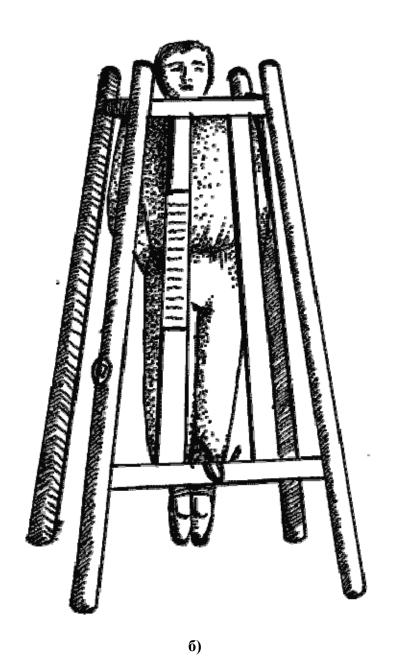
Во время заседания глава ямыня восседал за большим красным столом, на котором в определенном порядке раскладывались кисточки, баночки с красной и черной тушью, цилиндр с бирками и деревянный брусок. Последний являлся немаловажным элементом судопроизводства: судья колотил им по столу, желая навести страх на присутствующих. По обе стороны от стола стояли надзиратели — рослые стражи в остроконечных шапках, с бамбуковыми палками в руках. Длинные тяжелые трости служили мощным средством воздействия и на обвиняемых, и на свидетелей.

Заседание суда

Бамбуковая палка, по виду напоминавшая весло, была окрашена в черный цвет сверху и красный снизу, что выглядело устрашающе, одновременно помогая скрывать следы крови. Охранники часто забивали человека до смерти или наносили ему тяжелые увечья. Большинство преступников расплачивались жизнью за надуманную вину, о чем поведал читателям русский дипломат И. Коростовец, посетивший Китай в конце XIX века: «...Китайцы уважают закон, даже несправедливый. Чувство законности врожденное в каждом из них, на какой бы ступени социальной лестницы он ни стоял. Однако не подлежит сомнению его животный страх перед судом, как перед стихийной силой, более страшной, чем голод и наводнение, готовой ежеминутно, без всякого повода уничтожить его жизнь и благосостояние».

Виды наказаний: а) шейные колодки; б) бамбуковая клетка

Судья не унижался до разговора с палачами, предпочитая общаться с помощью деревянных бирок. Тотчас после допроса он бросал бирки на пол, показывая таким образом, сколько ударов палкой должен изведать осужденный. Приговор приводился в исполнение сразу и в том же присутственном месте. Впрочем, по китайским законам человека объявляли преступником еще до суда. Обвиняемый следовал в ямынь под звуки гонга, окруженный стражами, как правило, уже избитый, со связанными руками и бамбуковыми палочками, продетыми в мочки ушей. На 30-сантиметровые обрезки бамбука крепились записки с текстами, где были перечислены все его проступки.

Для того чтобы заставить народ повиноваться, чиновники прибегали к самым изощренным наказаниям. Шейные колодки не считались жестокой карой, хотя существование в ошейнике из досок не могло быть приятным. Тяжелые деревянные колодки с круглым вырезом надевались на злоумышленника, которого днем водили по общественным местам, а ночью оставляли в землянке, кишащей насекомыми и грызунами. По изощренности истязаний китайское правосудие соперничало со средневековой инквизицией. Одна из местных казней называлась «стояние в извести». Человека со связанными руками

ставили в бочку с засыпанной на дно негашеной известью и закрывали крышкой, оставляя голову снаружи. Вначале приговоренный стоял на стопке черепицы; пластины одну за другой убирали, одновременно подливая воду, чтобы несчастного обволакивали жгучие пары. Последнюю черепицу убирали на 3—4-й день, и тогда его ноги оказывались в бурлящей извести, а лишенное опоры тело провисало, сдавливая шею, что влекло за собой медленную смерть.

Не менее изощренным видом казни была бамбуковая клетка в виде усеченной пирамиды, изготовленной из толстых шестов высотой немного больше человеческого роста. На верхнюю перекладину набивалось несколько узких бамбуковых дощечек с отверстием для головы обреченного. Человеку связывали руки за спиной и ставили в клетку так, чтобы шея упиралась в перекладину. Это могло привести к немедленному удушью, поэтому, чтобы растянуть казнь, под ноги преступника подкладывали несколько черепиц, которых он едва касался кончиками пальцев. Глиняные пластинки убирали одну за другой. Стараясь хоть немного продлить себе жизнь, человек напрягал мышцы, стараясь устоять на цыпочках, но все равно умирал, как только под ногами оказывалась пустота.

На стене каждого ямыня висел плакат с красивой надписью: «Распространяем высокие моральные качества». Лицемерие этих слов подтверждалось, когда суду подвергались представители имущих классов. Богачам угрожала не смерть, а только «потеря лица», хотя и репутацию можно было спасти с помощью уловок. Совершивший преступление богач, конечно, подвергался допросу так же пристрастно, как и простой крестьянин. Он разговаривал с судьей, стоя на коленях, но после приговора, едва только бирки падали на пол, осужденный вскакивал на ноги и, отбегая в сторону, уступал место нанятому крестьянину.

Если богатый человек с помощью денег избавлялся даже от легкого наказания, то бедняку приходилось терпеть мучения и в некоторых случаях идти на смерть. Власти не возражали против такой практики, ведь, принимая наказание вместо преступника, бедняга избавлял семью от нищеты, а государство от потенциальных бунтовщиков. Единственной формой протеста против притеснений являлось самоубийство. Доведенный до отчаяния человек убивал себя на пороге дома обидчика, обрекая того на судебную тяжбу и погребение за собственный счет. Однако главная неприятность заключалась в том, что душа самоубийцы навсегда поселялась в жилище врага. Угрожая покончить собой у двери богатого дома, крестьяне порой добивались справедливости. По древним поверьям, наложив на себя руки, человек становился духом, поэтому мог легко отомстить за себя или своего несчастного родственника. Особенно важным моментом в таком деле был способ самоубийства. Решив умереть добровольно, китаец выбирал яд, голодную смерть или удушение. Подобного рода самоубийца не прыгал в пропасть, не разбивал голову о каменную мостовую, ибо намеревался сохранить тело для существования в загробном мире.

Эх, дороги!

Расположение и высота жилых зданий Пекина определялись социальным положением домовладельцев. Вельможи строили дома в 2-3 этажа, чего не могли позволить себе простые жители, обитавшие в одноэтажных постройках. Строгий иерархический порядок в отношении жилищ стал причиной появления оригинальной архитектурной композиции. Особое, чисто китайское построение зданий, распространившееся на всю империю, сообщало жилой застройке красоту и живописность. Кроме того, неповторимый колорит городам придавали изящные мостики внутри кварталов, а также большие мосты, каких немало имелось и внутри, и за пределами всех населенных пунктов. Являясь самой удобной переправой через водные потоки, они были функциональной и, что немаловажно, эстетичной частью транспортной системы, которой так гордились китайцы.

Дороги в Поднебесной сильно проигрывали даже в сравнении с российскими «направлениями». В отличие от водных, сухопутные пути доставляли немало хлопот

иностранным путешественникам. Почти все наземные трассы принадлежали частным лицам, отчего находились в ужасающем состоянии. Проложив дорогу по приказу императора, какой-либо местный толстосум считал свою миссию выполненной. Построенные однажды, они никогда не ремонтировались и быстро приходили в упадок. Отличаясь скупостью, китайцы не видели в дорогах пользы, ведь каждый караван или пеший странник выбирал собственный путь, более короткий и свободный от разбойников. Средневековые богачи путешествовали в носилках. В отличие от лошадей, которым требовались дороги, 2–6 человек могли пронести паланкин по самым крутым, извилистым тропинкам.

О ловкости китайских носильщиков в народе ходили легенды. Многие из них устремлялись в опасные места только затем, чтобы продемонстрировать свое искусство. Скользя по узкой дорожке на краю пропасти, нарочно взбираясь на высокую гору, мастер своего дела вел себя так, как будто отдыхал в чайной: громко разговаривал, шутил, смеялся. Клиенты весь путь сидели за плотно закрытыми шторами, стараясь не смотреть на согнутого под тяжестью ноши весельчака, с которого градом катил пот. За тяжкий труд носильщик получал ничтожное вознаграждение, которого едва хватало на еду. Однако его жизнь не требовала больших средств. Не обремененный семьей, он в любое время года носил кроткие штаны с легкой рубашкой и бесплатно ночевал в придорожных гостиницах.

В записках русских путешественников отмечалось, что ни в одном из азиатских государств речное судоходство не было развито до такой степени, как в Китае. Оживленная торговля внутри страны привела к появлению множества водных сообщений. Скотоводы, обитавшие вблизи рек Хуанхэ и Янцзы, еще во времена Цинь оставили кочевую жизнь. Поменяв палатки на прочные дома, люди изменили не только собственный быт, но и мировоззрение, ведь не случайно иностранцы отмечали у населения таких районов нехарактерную для Китая мобильность, образованность и стремление развиваться.

Примыкавшие к большим рекам малые водотоки объединялись каналами, составляя единую сеть уже в раннем Средневековье. Самым важным ее звеном служил Даюньхэ, или императорский (позже Китайский) канал. Строительство искусственного русла велось на базе каналов VII века и завершилось при первых правителях Мин. Грандиозное по всем параметрам сооружение начиналось от Пекина, соединяя столицу с крупными портами Тяньцзинь и Шанхай; вместе с ответвлениями оно достигало в длину 2,5 тысячи км. Размеры Великого канала позволяли кораблям беспрепятственно двигаться до Кантона – одного из крупнейших торговых центров страны, исключая место, где судоходство прерывалось горной грядой. Впрочем, оставаясь верными себе, даже на сложном участке китайцы сумели организовать очень удобную переправу. Товары, перегруженные на людей и ослов, перевозились через ущелье довольно быстро, всего за один день.

Арочный мост в окрестностях Пекина

Благополучно существующий поныне Великий канал заслуженно считается шедевром китайского инженерного искусства. Немаловажным дополнением к нему служат небольшие водные артерии в виде обустроенных речек и каналов с мостами, расположенными так высоко, что под ними свободно проходят морские суда.

Дома совершенной гармонии

Знаменитая царская династия Мин едва не утратила власть в 1521 году, когда скончался десятый император из этого славного рода. Владыка не имел сына, поэтому следующим правителем стал Цзяцзин, отец которого носил всего лишь княжеский титул и был соответственно похоронен. Будучи истинным китайцем, император Цзяцзин разделил свое высокое звание с покойным родителем, после чего распорядился перестроить его могилу согласно новому рангу. Бывший князь переселился в подземный дворец, а вскоре на Минском кладбище появились «неправильные» сооружения, сильно отличавшиеся от всего, что ранее строилось в Китае. Вопреки традициям священная дорога имела форму извивающегося дракона, а внешние стены походили на стенки погребальной вазы.

Вкупе с другими новшествами возникшие тогда криволинейные формы ознаменовали собой приход на китайскую землю роскошной праздничной архитектуры.

Первым образцом нового зодчества стал преобразившийся после ремонта Дворец совершенной гармонии (кит. Биюньчун). Путь к главному павильону Запретного города лежал по широкой тропе и проходил через мраморную арку с цветными изразцами. Основное здание возвышалось на острове посреди круглого пруда, который можно было перейти по 4 мостикам. Прямые линии постройки, как и двойная кровля, напоминали о старинной архитектуре, хотя пышный декор карнизов и затейливо оформленная балюстрада указывали на зарождение стиля «китайское барокко», черты которого особенно ярко проявились немного позже.

Главное здание дворца Биюньчун

Терраса пяти бронзовых пагод библиотеки Утайшань

Одним из самых ранних примеров нового зодчества явилось хранилище буддийских книг Утайшань. Двухэтажное здание библиотеки возведено в индийском духе, но отличается простотой основных форм, что необычно для построек подобного рода. Здесь торжество барокко обнаруживается в террасе с пятью бронзовыми пагодами. Богато оформленные крыши, преобладание кривых линий, причудливая форма ступ, обильно украшенных орнаментом, свидетельствуют о том, что поначалу отвергнутый стиль смог прижиться в китайском искусстве.

Давно популярное во всем мире, в Китае барокко появилось на столетие позже, но утвердилось быстро, хотя слияния его с местными традициями не произошло. Оставаясь верными себе в планах и конструктивных решениях, китайцы все же заимствовали отдельные элементы. Единственным исключением послужил Юаньминюань — летний дворцово-парковый комплекс, спланированный и построенный французским зодчим, а ныне лежащий в руинах. В законченном виде его запечатлел на своей картине неизвестный мастер, видимо китаец, притом не слишком вдохновленный творением чужака. Полотно удивляет схематичностью и отсутствием того, что составляет истинно китайский живописный стиль: изящных форм, тонкого письма, ярких естественных красок. С долей небрежности написана сама усадьба с двухэтажным зданием, боковыми павильонами круглой формы и обширной площадью, дополненной лестницами и фонтанами. За неимением художественной ценности полотно представляет большой исторический интерес, о чем можно догадаться, увидев его среди экспонатов парижской Национальной библиотеки.

Летнему дворцу надлежало быть местом, где Сын неба мог бы отдохнуть от городской духоты. В правление маньчжурского императора Цянлуня астрологи отыскали такой участок недалеко от столицы, где появились летние резиденции Ихэюань, Сяншань и Юйцюаньшань. Современники называли новый парковый комплекс китайским Версалем. Частично разрушенный восставшими крестьянами в 1860 году, он был восстановлен, и с тех пор не переставал восхищать великолепием своих павильонов, дворцов и башен.

Основным отличием китайских архитектурных ансамблей середины XIX века являлись вымощенные булыжником дорожки, причем камни всегда располагались правильным

узором. Кроме того, для местного варианта барокко характерна разбивка больших участков на различные по виду сады, просторные дворы и миниатюрные дворики, отделенные друг от друга каменными оградами. Двери в ограждениях выполнялись в форме правильного круга, листа или вазы, как на Минских могилах. Ни один парк того времени не обходился без триумфальных арок, террас, крытых галерей, лестниц, каскадов, беседок, ходов, прокопанных в искусственных холмах, навечно приставших у берегов декоративных мраморных лодок. Помимо большого озера, в каждом летнем саду имелись малые водоемы, каналы, пруды с золотыми рыбками, острова, соединенные с берегами деревянными и каменными мостами. Не забывая о местной символике, зодчие вводили в композицию статуи фантастических животных, буддийских и даосских богов.

Вид на Летний дворец

Китайцы обратили внимание на европейскую культуру еще в XVI веке. Используя отдельные ее черты изредка, не в полной мере, местные художники никогда не стремились к точному повторению чуждого стиля. Двумя столетиями позже обстановка изменилась и уже в Европу стало проникать восточное, а следовательно и китайское, искусство. Его воздействие особенно проявилось в середине XVIII столетия, когда европейцы активно торговали с Китаем. Возникший тогда термин «китайщина» (фр. шинуазри) отразил несколько искаженный взгляд не только на китайскую, но и на восточную культуру вообще. Изысканные китайские орнаменты, созвучные модному стилю рококо, украшали европейскую одежду, предметы домашнего обихода, фарфор и фаянс.

Галерея в парке Летнего дворца

В зодчестве Франции, Германии, Англии и даже Америки увлечение Востоком выразилось лишь в узорах и деталях внутреннего убранства; отдельные мотивы использовались в небольших парковых постройках. Большинство сооружений китайского стиля являлось таковым лишь по названию, потому что не заключало в себе характерных для местного искусства особенностей. В редких случаях использование китайских мотивов создавало фантазийный либо чисто декоративный стиль, условно именовавшийся «ложный Китай». Искреннее желание передать чужие традиции в привычных формах, как правило, уводило авторов от реальности, поскольку им не удавалось постичь трудную науку пропорций и ритмов, которой прекрасно владели китайцы.

В конце XIX века недалеко от Пекина неожиданно разлилось озеро и выросла огромная гора. Искусственно созданный ландшафт являлся природной частью Летнего дворца (кит. Ихэюань), удивившего не только грандиозными сооружениями парка. На празднике открытия очередной загородной резиденции зрители смогли увидеть картины, словно срисованные с древних гравюр. Вначале обширная усадьба четко разделялась на дворцовую и парковую зоны. Зодчие дополнили рукотворное озеро малыми водоемами и возвышенностями, а холм увенчали буддийским храмом Фосянгэ.

В одной из жилых построек Летнего дворца находилась резиденция печально знаменитой императрицы Цыси. На берегу водоема до сих пор стоит ее мраморная лодка, которая раньше использовалась в качестве столовой. Овдовевшая в молодости, жестокая и

расточительная монархиня управляла империей около полувека, сумев устранить или подчинить себе всех законных наследников трона.

На создание и отделку комплекса регентша потратила средства, достаточные для

годового содержания военно-морского флота.

Занятие музыкой во дворце

Недалеко от парадных павильонов Летнего дворца был построен театр Дэхэюань, а немного дальше находилась прогулочная галерея, иначе называвшаяся Длинным коридором. Вытянутая почти на километр, она попала в Книгу рекордов Гиннесса благодаря небывалой длине и великолепным произведениям искусства. Каждый пролет этого уникального сооружения украшала живопись, причем каждая из множества картин отличалась оригинальным сюжетом.

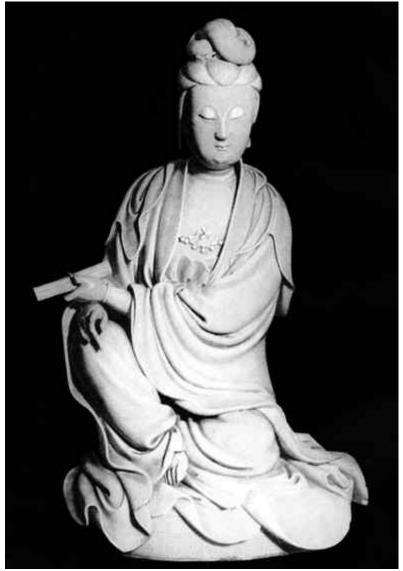
Дворцовый рай

Некогда в парадных павильонах пекинских и загородных дворцов устраивались пышные приемы. Императоры Китая усердствовали в ритуалах, отводя государственным делам короткие промежутки времени между торжествами. Все праздничные церемонии проходили там, где обитал правитель, — в южной части Запретного города, тогда как северную занимали его супруги и наложницы. После победы народной революции в 1949 году императорская резиденция была объявлена музеем, и с тех пор в роскошных апартаментах никто не жил. В бывшем доме Сына неба открылись выставки, экспонатами которых стали подлинные вещи правителей и членов последних царских династий.

После архитектуры «китайское барокко» захватило всю местную культуру, включая изобразительное искусство, также устремившееся к новым формам в рамках вековых традиций. В эпоху Мин в Пекине начала действовать Академия живописи, где возродилась почти забытая раннесредневековая культура. Подражая знаменитым предшественникам, воспитанники этого почтенного заведения копировали работы мастеров периода Сун. В картинах того времени заметно стремление к условности, хотя и живописцы, и скульпторы изображали предметный мир — животных, растения, вещи — все так же символически. Однако многие из мастеров обращались к литературе, создавая сложные композиции с

философским смыслом. Несмотря на общий упадок, минская пластика сохранила реализм, что затрагивало и религиозную скульптуру, отличавшуюся большим разнообразием

художественных приемов.

«Буддийское божество Гуаньинь». Белый фарфор, эпоха Мин

К периоду Мин относится стремительное развитие фарфоровой промышленности. После основания вначале императорских, а затем и частных мануфактур китайский фарфор выдвинулся на первое место в мире. Изделия мастеров Поднебесной выделялись белизной и чистотой фарфоровой массы, элегантностью форм, покоряли мягким сиянием глазури. Исключительные по качеству и художественности изделия создавались с помощью примитивной техники и, как всегда было в Китае, в условиях непосильного труда. Знатоки высоко ценили миниатюрные статуэтки из молочно—белого фарфора, полупрозрачные чаши со скульптурными деталями, великолепные вещи из перегородчатой эмали: курильницы, вазы, столовую посуду. Большую часть этих изделий, конечно, приобретали члены императорской семьи. Возможно, именно в царских покоях перегородчатую эмаль впервые увидели иностранцы, во всяком случае начиная с XVII века она имела большой успех в Европе.

Чрезвычайно трудоемкая техника перегородчатой эмали требовала от мастера глубоких знаний и многолетнего опыта.

На поверхность металлической заготовки вначале напаивались тонкие полосы латуни или серебра, создававшие перегородки между отдельными частями узора. Полученные таким

образом ячейки заполнялись полужидкими цветными эмалями, после чего предмет подвергался обжигу, полировке и, если необходимо, золочению. Декоративные свойства эмали усиливались сочностью тонов и блеском позолоты на бронзовых деталях, которые в виде фигурных ручек и подставок дополняли и без того сложные изделия.

Модель пагоды с колокольчиками, XIX век

В изготовлении дорогостоящей мебели, шкатулок, коробок для сладостей в эпоху Мин, как и в древности, применялся натуральный лак с последующим нанесением орнамента или сюжетных рисунков. Богатые китайцы охотно покупали красный резной лак, производство которого начиналось с послойной обработки поверхности. Наружные стенки металлического, деревянного или сформованного из бумажной массы предмета покрывались веществом, полученным с так называемого лакового дерева (кит. ци шу). После окрашивания киноварью предмет ставился на просушку; операция повторялась до тех пор, пока слой лака не достигал нужной толщины, а затем хорошо просушенное изделие поступало к резчику.

Большое значение в искусстве Китая имел портрет, традиции которого сложились в начале новой эры. Крайне канонизированные погребальные изображения отражали архаичные принципы конфуцианства. Картины, написанные с живой модели, напротив, уже тогда показывали стремление к реализму. Создавая портреты, равно как светские, так и культовые, китайские художники по традиции помещали героев фронтально, придавая им торжественный вид с помощью спокойного лица и застывшей позы. Тем не менее многие безвестные, но, несомненно, талантливые и смелые мастера изучали характер человека

затем, чтобы ввести жизнь в узаконенные схемы.

Ваза и курильница. Перегородчатая эмаль, эпоха Мин

Картина, известная под названием «Портрет жены сановника», относится к традиционному жанру культовой живописи. Тем не менее художник постарался выразить чувства модели, мастерски передав ощущение муки, исходящее от высокомерного лица знатной женщины. Обнаруживая страдание, героиня подавляет зрителя властным взглядом живых черных глаз. Желание раскрыть духовный облик человека стало особенно заметно в работах художников периода Цин, даже когда они изображали не титулованных особ, в частности императорских наложниц или евнухов.

Кастраты существовали в Китае с глубокой древности. Бесполые создания лучше обыкновенных мужчин охраняли царских жен и наложниц, но иногда, компенсируя свою убогость, активно вмешивались в государственные дела. В разные эпохи они были шпионами, слугами либо советниками здравствующего монарха. Некоторые из них становились «клыками и зубами дракона», то есть доверенными лицами правителя. В годы владычества последнего минского императора евнуху Вэй Чжунсяню подчинялись 3 тысячи гаремных стражей и все жители Поднебесной, которой он управлял вместо слабого владыки. Еще больше кастраты возвысились во времена регентши Цыси. За долгие годы ее правления главный евнух Ли Ляньин скопил огромное состояние на взятках, торговле должностями и подрядах на строительные работы в Императорском дворце.

В зависимости от статуса евнухи обслуживали членов императорской семьи или являлись слугами придворных. Первым надлежало постоянно находиться подле владыки, проявлять особую бдительность ночью, в момент пробуждения и за трапезой господина. О жалком существовании последних упоминал в своей книге низложенный император Пу И: «Рядовые кастраты постоянно голодали, терпели побои, наказания, а в старости, не имея семьи и собственного дома, жили на подачки. В случае увольнения со службы за какойнибудь проступок их ожидало нищенство или голодная смерть. В то же время управляющие евнухами имели в распоряжении собственную кухню, младших евнухов, горничных и служанок». Пу И запомнил своего телохранителя по бесчисленному количеству шуб, «которые тот менял несколько раз в день. Он никогда не одевал дважды одну и ту же соболью куртку. Стоимость шубы из морской выдры, одетой только на Новый год, была

такова, что мелкому чиновнику этих денег хватило бы на всю жизнь».

Императорское платье. Шелковая ткань кэсы, XVIII век

Роскошные императорские платья и почти не уступавшие им по стоимости костюмы вельмож шились из дорогих шелковых материалов. Самой популярной была ткань кэсы с набивным рисунком, исполненным по эскизам лучших художников Китая. Больше других ценились материалы, в создании которых отображалось творчество средневековых мастеров У Сю или Шэнь Цзыфаня. В народе об искусных ткачах говорили, что они так же превосходно работают челноком с шелковой нитью, как знаменитые каллиграфы владеют кистью.

Специально для ученых в Поднебесной изготавливались красивые и весьма дорогие принадлежности для письма, печати, настольные экраны, стопки для кистей. В свое время стиль барокко определял внешний вид этих вещей, а привычный набор тогда дополнялся новыми, чисто декоративными предметами. С удивительным терпением трудились резчики над великолепными безделушками из халцедона, розового кварца, горного хрусталя, нефрита. Изделия из камня твердых пород становились все более изощренными по форме. Судя по свисающим с крышек курильниц колокольчикам или множеству колец, крутящихся на ручках сосудов, мастера «китайского барокко» увлекались технической стороной резьбы в ущерб художественности. Углубление торговых связей Китая с Европой повлекло за собой активный культурный обмен. Местная промышленность частично работала на экспорт, создавая для иностранцев вышивки, керамику, изделия из лака и эмали, несколько

отличавшиеся от тех, что предназначались для дворцовых интерьеров.

Экран, трон и табуреты из Императорского дворца. Красный резной лак с росписью, XVIII век

Ширма. Черное дерево, перегородчатая эмаль, XVIII век

В последние годы существования империи самой щедрой заказчицей была регентша Цыси. Воспитанная в лучших традициях маньчжурской аристократии, императрица попала в гарем 16-летней девушкой и вначале носила титул благородной наложницы (кит. гуйжэнь). Не по годам разумная особа сразу удивила всех образованностью, умом, редкой красотой, стройной фигурой и пленительной свежестью, отличавшей далеко не каждую китайскую женщину. Обратив на себя внимание юного императора Сяньфэна, она не только оказывала влияние на Сына неба, но и сумела оттеснить его бездетную супругу, в 1856 году родив наследника, впоследствии ставшего императором Тунчжи.

Предполагается, что единственный сын стал первой жертвой кровожадной Цыси. Второй могла быть законная императрица, с помощью яда устраненная с политического горизонта. Позже в борьбе за власть погиб, вернее, умер после многолетнего заточения законный император Гуансюй, не пожелавший разделить с тетушкой «трон дракона».

Являясь регентом при малолетних государях, вдовствующая императрица управляла Китаем 48 лет, превзойдя в показной пышности всех своих предшественников. Не считая драгоценностей и невиданного числа дворцов, только она имела около 20 титулов, причем один из них, а именно Охраняемая государыня, раскрывает то, что Цыси тщательно прятала от историков – недостмойный правителя страх перед потусторонними силами. Едва сумерки окутывали Запретный город и за воротами скрывался последний посетитель, тишину нарушали крики: «Опустить засовы! Запереть замки! Осторожней с фонарями!».

Одновременно слышались монотонные голоса дежурных евнухов, передававших команду во все уголки дворца.

Ежевечерняя церемония, создавая таинственную атмосферу, помогала избавиться от духов и привидений хотя бы в комнатах. Однако страх все равно оставался, ведь не случайно, взявшись за ручку двери, главный евнух громко произносил фразу: «Открываем зал!», чтобы случайно не встретиться с существом из мира иного.

Летом 1900 года боязнь иного рода заставила Цыси покинуть Гугун. Тогда Пекин штурмовали иностранные войска, и регентша уехала в спешке, без помпезного эскорта,

переодевшись в платье крестьянки, впервые оставив дворец без владыки.

Императрица Цыси

Вернуться удалось только через 2 года, когда в Китае появился новый монарх. Как и ожидалось, трон вновь занял малолетний родственник правительницы: юный племянник все еще живого Гуансюя. Церемония возведения на престол 2-летнего императора Пу И проходила 13 ноября 1908 года в зале Чжунхэдянь, где полагалось принять поздравления от начальников дворцовой охраны. Когда собравшиеся двинулись в зал Тайхэдянь, одетый в тяжелое платье виновник торжества двигаться не мог и его понесли на руках. В самый ответственный момент малыш начал капризничать. В то время как вельможи отбивали земные поклоны, он плакал и просился домой. Стоявший у помоста отец держал сына обеими руками, тихо уговаривая: «Не плачь! Скоро все кончится!».

Императрица Цыси

Владычество самого молодого в истории китайской монархии правителя действительно продлилось недолго. Возведенный на престол неразумным ребенком, Пу И стал последним представителем маньчжурской династии Цин. Цыси позаботилась о том, чтобы Гуансюй умер на следующий день после коронации, но 15 ноября неожиданно скончалась сама. В феврале 1912 года в ходе Синьхайской революции малолетний император отрекся от престола, но еще долго жил в Запретном городе, пользуясь почетом и благами, положенными Сыну неба. В 1924 году ему все же пришлось покинуть дворец и попросить защиты у японской полиции. В 1931–1945 годах он считался правителем небольшого государства Маньжоу-го, сформированного японцами в северо-восточной части Китая. Разгромив Квантунскую армию в последний месяц Второй мировой войны, советские войска вошли в город и захватили Пу И. Проведя несколько лет в плену, он был передан властям вновь образованной Китайской народной республики. Однако имперская эпоха закончилась лишь в 1967 году, когда в местной печати появилось сообщение о смерти последнего китайского императора.

Столица народной республики

Считали небо высшей высотой, Считали бога мудростью святой... Герои древности – так ветхи они,

Герои дел приходят в наши дни! Китайская народная песня

Первого октября 1949 года Пекин заняли войска Народной освободительной армии. В этот день около миллиона китайцев, собравшихся на площади Тяньаньмынь, увидели, как на флагштоке перед древними воротами впервые поднялся государственный флаг. Торжественный момент наступил после речи главы китайских коммунистов Мао Цзэдуна, провозгласившего образование Китайской Народной республики.

Государство без императора стремительно развивалось благодаря самоотверженному труду граждан, уверенно шагавших в коммунистический рай под лозунгами: «Смело думать, смело говорить, смело действовать»; «Напрягать все силы»; «Каждый член семьи занят на производстве, больше нет лентяев, каждый человек настроен весело»; «Один трудовой день равен 20 годам безделья». По завершении первой пятилетки в 1957 году партийные власти доложили народу, что страна вошла в десятку мировых лидеров по выплавке чугуна и производству стали.

Спустя десятилетие после победы революции пекинцы начали переселяться из тесных фанз в удобные дома с большими окнами, центральным отоплением, а порой и лифтами. С того времени облик города определяли уже не пагоды и дворцы, а деловые кварталы с небоскребами, комфортабельными жилыми домами, универмагами, театрами, библиотеками, корпусами учебных заведений, выстроенными из бетона, стекла и металла. Совершив невероятный экономический скачок, жители бывшей Поднебесной в очередной раз удивили мир, словно забыв, что в течение тысячелетий существовали «как придавленная камнем трава». К счастью, народ Китая не слишком увлекался чугуном: обновленная столица сохранила своеобразие, хотя типовые дома и древние памятники стали играть в городском пейзаже одинаковую роль.

В сегодняшнем Пекине тесно переплетаются черты древности и современной жизни. Создавая впечатление ожившей гравюры, город словно напоминает о своей реальности, демонстрируя прямые улицы и многоэтажные здания, мирно сосуществующие с уличными лотками, крепостными воротами, массивными стенами, дворцами и ажурными пагодами. Памятники древнего искусства так же не отделимы от китайской столицы, как современная жизнь, в очередной раз наполнившаяся пафосом созидания.

Сад благородных мыслей

Характерную черту архитектуры Китая составляет ее тесная связь с окружающим пространством. Начиная с глубокой древности местные зодчие использовали природу в качестве главного художественного средства. Благодаря творческому союзу строителей и живописцев на свет появлялись великолепные парки, которые в жизни пекинцев имели значение не меньшее, чем дворцы. Каждый рукотворный лес был шедевром ландшафтного искусства, невзирая на величину и тем более на количество вложенных средств. Высокое мастерство исполнения отличало колоссальные парковые массивы, небольшие городские сады и даже миниатюрные цветники, которые устраивались в тесных городских дворах. О своеобразном понимании природы свидетельствуют игрушечные парки, умещавшиеся, например, на столе. Несмотря на малые размеры, такие сооружения предназначались вовсе не для игры. Они служили предметом любования и потому располагали всеми атрибутами настоящего парка.

Ван Ци. Парковый мотив

Настольные ансамбли включали в себя холмы с гротами, беседки, мостики, водопады, озера, клумбы и даже леса с живыми, хотя и крошечными, растениями, выращенными специально для миниатюрного парка.

В любовном отношении китайцев к природе сказались философско-религиозные взгляды, подобные тем, где естество виделось началом всех начал. В зодчестве немаловажную роль играло стремление создать жилище и комфортное, и красивое, то есть удовлетворяющее духовным запросам хозяина. Дом в комплексе с садом и водным источником строился таким образом, чтобы его владельцу жилось лучше, чем раньше.

Китайские архитекторы знали, что устройство гармоничного ансамбля невозможно без внимания к окружающему миру. Представляя возможности ландшафта и непременно воображая будущий комплекс, они виртуозно вписывали постройки в пейзаж, не сильно изменяя, хотя и значительно улучшая местность. Воспитанные на высоком искусстве, зодчие заботились о том, чтобы все вокруг радовало глаз. Китайские архитекторы не только использовали природу, но и создавали ее, примером чему являлись настольные парки. В настоящих садах имелись искусственные горы, пещеры, лабиринты, похожие на озера пруды замысловатой формы. Созданная талантливыми мастерами, такая «природа», хотя и представляла фантазию автора, однако почти не отличалась от настоящей и, кроме того, была гораздо удобнее для посетителей.

Разнообразие малых форм отличает и сегодняшние пекинские парки, каждый из которых являет собой образец ландшафтного искусства. Прямые дорожки обрамляют ровно подстриженные кусты, люди отдыхают в ажурных беседках, любуются обычными камнями, установленными на постаментах, словно памятники. В крутых местах тропинки дополнены каменными ступенями, а искусственные насыпи эффектно обрамлены подпорными стенками.

При всей значимости камня главным элементом любого китайского парка все же является вода. Озера, ручьи, водопады формируют самые живописные места городских садов, где именно вода, а не камни, растения или человек видится самым желанным гостем.

Миниатюрные речки бегут по искусственным руслам, часто выполненным в виде лабиринтов. Преподнесенная как драгоценность, вода сверкает в каменной оправе или покоится в специально созданной чаше. Золотые рыбки, плавающие в небольших бассейнах, без опаски подплывут к человеку, стоит тому хлопнуть в ладоши. На водной глади цветут лотосы, а на полянах журчат ручьи, создавая прохладу в центре душного мегаполиса.

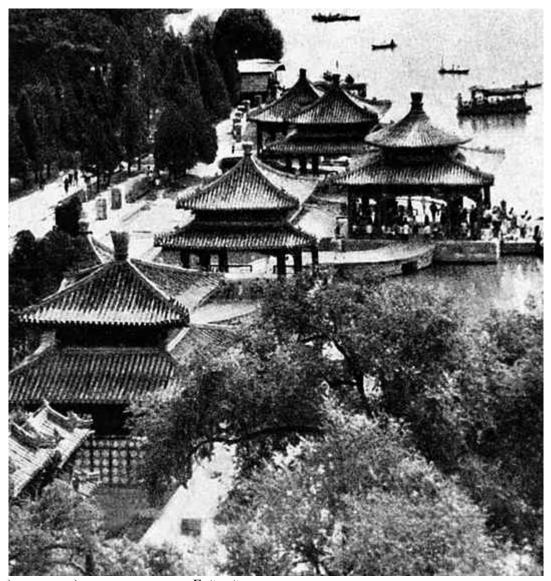
Расположенный в центре Пекина парк Бэйхай поочередно принадлежал императорам из династий Ляо, Цзинь, Юань, Мин и Цин. История некоторых его построек восходит к XII веку. Великолепие царских садов отмечал в своих дневниках великий путешественник Марко Поло, проживший в Китае более 17 лет. В переводе с китайского языка слово «бэйхай» означает «северное море». Больше половины территории парка действительно отведено воде, точнее, одноименному озеру, в центре которого располагается остров-холм Цюндао. Гора, которая, словно замок, возвышается посреди зеркальной глади пруда, несет на себе самые эффектные сооружения парка. Засаженная кипарисами и уникальными белоствольными соснами, она «утопает в весенних тенях», как заверяет надпись на одном из памятников восточного склона.

Вид на Гору Белой пагоды

Среди множества построек острова особой красотой и величавостью выделяется Белая пагода, построенная на одноименной горе в форме буддийской ступы. Заметное из любой точки города, это сооружение с 1651 года создает образ не только Бэйхая, но и всего Пекина. Белоснежная башня с гладкими стенами и тяжелым силуэтом не затмевает, а напротив, подчеркивает легкость стоящего рядом храма под названием «Источник доброты».

Стоит заметить, что искусственное озеро Бэйхай отнюдь не самое крупное водохранилище Китая. Площадь расположенного недалеко от Пекина пруда Миюнь намного больше: около 200 га. Являясь основным источником питьевой воды для столицы, он служит излюбленным местом отдыха для ее жителей. Пекинцы очень любят приезжать сюда в жаркие дни, ведь летом температура здесь на несколько градусов ниже, чем в городе.

Беседки пяти драконов в парке Бэйхай

Бэйхай привлекателен в любое время года, даже зимой, когда вся его поверхность превращается в каток. Летом озеро можно пересечь на лодке или спокойно прогуляться по каменным плитам одного из двух мостов — «Вечное спокойствие» и «Нефритовая радуга» — соединяющих Цюндао с материковой частью парка. Их поэтичные названия отражают атмосферу места, где все пронизано солнечным светом, легкой радостью и столь желанным для каждого китайца чувством счастливой ясности.

Белую пагоду со всех сторон окружают соединенные между собой павильоны. Дополняющие их многопролетные, ярко расписанные галереи располагаются вдоль набережной и тоже предназначаются для прогулок. Внутри ступы по буддийской традиции хранятся свитки с молитвами, священные книги и прочие культовые вещи. Сегодня рядом с этим уникальным сооружением находится ресторан Фаншань, где подаются блюда, приготовленные по рецептам цинского двора.

По склону холма почти от вершины тянется лабиринт пещер и гротов, сложенных из больших камней, которые крестьяне привозили на стройку в качестве налога. По острову в кажущемся беспорядке разбросаны красивые павильоны, беседки и памятники; их синие, желтые, зеленые крыши яркими пятнами выделяются среди темной зелени хвойного леса. Подобно миниатюрному архипелагу, покоятся на воде изящные Беседки пяти драконов (кит. Улунтин). Соединенные открытыми переходами, покрытые разноцветной черепицей, они служат основной достопримечательностью северной части Цюндао. На воротах надводного

комплекса переливаются золотом и лазурью прорезные керамические медальоны с изображением драконов.

Мифические чудовища украшают еще одно монументальное сооружение острова — Стену девяти драконов (кит. Цзюлунби). В сегодняшнем Китае имеется всего 3 подобных сооружения. Одно из них располагается во дворце Гугун, а второе составляет гордость служителей островного парка, где символическая стена возвышается на 3 человеческих роста, достигая 50 м в длину. Вся ее поверхность облицована глазурованной керамической плиткой. Здесь образы отличаются удивительным мастерством исполнения: естественные позы, яркие краски, безукоризненные пропорции фигур свидетельствуют о редком даровании скульптора.

К середине прошлого века прекрасный памятник утратил символический смысл, став просто декоративным сооружением. Огромные керамические драконы играют, летят, скользят среди облаков над волнами, покоряя плавностью разнообразных движений. Сверкая желтыми, синими и фиолетовыми оттенками, они создают настроение праздника, придавая всему ансамблю торжественную красоту.

Распластанные фигуры по традиции размещаются на обеих сторонах поверхности стены.

Образованный телами драконов сложный выпуклый узор в китайской философии ассоциируется с грозными силами природы. В напряженной динамике рельефа проявляется острое чувство ритма, отличавшее скульпторов прошлого и не утраченное современными мастерами.

Стена девяти драконов в парке Бэйхай

Характерный пример мастерского владения резцом продемонстрировал автор статуи Будды, установленной в XIV веке внутри храма Чэнгуаньдянь. Одно из самых древних в парке, это святилище относится к постройкам Круглого городка (кит. Туаньчэн). Высеченное из белой яшмы в рост человека, изваяние привлекает внимание таинственной улыбкой, грациозным жестом рук, внимательным взглядом глаз с типично китайским разрезом. Стремление местных мастеров к внешней красоте демонстрируют предметы, помещенные в Беседке нефритового сосуда. Как видно из названия, в павильоне хранится уникальная

посуда, в частности огромная чаша для вина, выполненная из темного, почти черного, отливающего серебром нефрита. Украшенная сложным орнаментом с изображением зверей, воды, облаков, включающим геометрические узоры, она олицетворяет долголетие, что, впрочем, не отражается в ее названии: «Море нефрита со священной горы Душань».

Пейзажами и скульптурой славится большинство столичных парков. Однако некоторые сады знамениты не постройками, а явлениями либо событиями, определившими их появление в столице. Самой высокой точкой старого Пекина считалась беседка Ваньчуньтин, венчающая 43-метровый Холм прекрасного пейзажа (кит. Цзиншань). С хребта, пересекающего исторические кварталы города, в безоблачную погоду открывается превосходный вид. Наибольшую известность снискал павильон Гуаньмяотин, построенный для одного из последних императоров династии Мин. Вначале известная только владыке, изящная беседка прославилась на всю страну в 1644 году, когда, испугавшись восставших крестьян, Сын неба повесился рядом с ней на высоком ясене. Правителям этого рода обязан своим появлением на свет знаменитый Алтарь божеств земли и злаков (кит. Шэцзитань). Построенный на территории парка в 1421 году он отделялся от площади дворца двумя небольшими речками, имел квадратную форму и олицетворял земную твердь. Устроенные на его поверхности 5 ячеек заполнялись черной, красной, белой, зеленой и желтой почвой. Таким способом служители показывали божеству, что все земные богатства принадлежат императору, точнее, каждому из членов последних династий.

Беседка на Угольном холме

После разговора с богами Сыны неба проходили в северную часть храма, где располагался Большой зал — элегантные покои с красивой отделкой из дерева. Последним в Шэцзитань отдыхал, размышлял и приносил жертвы Сунь Ятсен, несостоявшийся медик, чей политический талант оказался востребованным после победы Синьхайской революции 1911 года. Народное восстание в Китае началось без него, поскольку, однажды проиграв, он уже несколько лет находился в эмиграции. Очередное столкновение народа с имперской властью привело к свержению династии Цин, провозглашению республики и неожиданному избранию Сунь Ятсена президентом, правда временным. В 1925 году соратники и враги

знаменитого политика собрались в Шэцзитань, где был установлен гроб с его телом. Идейной основой созданной им партии Гоминьдан стали 3 принципа — национализм, демократия и народное благоденствие, перешедшие в устав организованной в 1931 году коммунистической партии. Незадолго до того главный зал храма получил название в честь Сунь Ятсена, хотя само святилище осталось с прежним именем.

В парке Сяншань самой высокой точкой является камень Жуфэнши, похожий на курильницу благовоний. Его форма стала одной из причин того, что сам парк получил название «Душистые горы», как с китайского переводится слово «сяншань». Эта местность особенно хороша осенью, когда местные леса, состоящие из деревьев редких пород, охвачены пламенем красной листвы. Китайская природа демонстрирует свою щедрость в 7-километровом ущелье Лунцинся, где непостижимым образом соединились изящные ландшафты Южного Китая и картины благородно-скромной северной природы.

Парковый массив на горе Шанфаншань, в 60 км к юго-западу от Пекина, знаменит великолепными пейзажами, множеством пиков и десятком пещер, где в древности жили буддийские монахи. Сегодня к вершине горы можно взобраться по «небесной лестнице», ступени которой заканчиваются у ворот храма Дунхуансы.

В том же районе находится парк Шиду, уникальный по форме уголок китайской природы, преобразованной талантом современных зодчих. Его очертания определила чрезвычайно извилистая река Цзюймахэ. В продолжение своего длинного пути она изгибается 10 раз, и на всех излучинах находятся пристани, куда причаливают паромы. Желающие осмотреть парк целиком должны миновать все причалы. После долгого, но приятного путешествия по воде гости парка получают возможность увидеть памятник в виде гигантского 10-метрового камня, по виду напоминающего Будду. Любители экстрима могут полюбоваться загадочной статуей с воздуха, совершив свободное падение с вышки, устроенной рядом с восьмой пристанью.

Невозможно не удивляться продуманности пекинских парков, которые, казалось, не спешат раскрыть перед посетителями свои тайны и чудеса. Дорожки в них устроены таким образом, чтобы пейзаж раскрывался неожиданно и ошеломлял красотой. Названия участков и садовых павильонов изредка касаются местоположения, но в чаще относятся к философии: Беседка у горного ручья, Павильон беспредельного созерцания, Дворец радости, Сад благородной мысли. Легкие, красивые и непременно уединенные китайские беседки располагают к вдумчивому отдыху. На вершине горы, в лесных дебрях либо на берегу реки можно просто посидеть, хотя лучше посвятить это время размышлениям, например о собственной косности.

«Не ждите от Китая великих изобретений, – сказал однажды профессор Кембриджа, китаец Дж. Чан. – Мой народ не стремится исследовать и открывать новое, он придерживается догмы, не придумывает, а повторяет. В наших школах похвал удостаиваются не изобретательные и любознательные дети, а те, которые проявляют послушание, изъявляют желание следовать наставлениям старших, не пытаясь выделиться либо проявить лидерские качества. В способности к копированию восточные люди не знают себе равных».

Бумагу, порох и книгопечатание китайцы изобрели первыми много тысяч лет назад. Возможно, после всего этого они решили, что имеют право еще долго ничего не придумывать. Копии глиняных воинов Шихуанди продаются на местных рынках, где дешевые сувениры – деревянные и шелковые коробочки, бумажные веера, каллиграфические тексты в рамках – соседствуют с пуховиками, синтетическими блузками и пластмассовой штамповкой, которыми Китай заполонил весь земной шар. Значительную долю в экономике здесь до сих пор составляют кустарные производства, где, как и в старину, не приветствуется новаторство, зато поощряется прилежание.

Рассуждая о духовности китайцев, европейские исследователи особо выделяли их самомнение и убеждение в собственном превосходстве. Оградив себя от мировой культуры, жители Поднебесной были уверены, что все местное лучше, отчего не могли вообразить о

существовании вещей, далеко превосходящих знакомые предметы. «Представляя себя совершенством, – писал русский дипломат П. Я. Пясецкий, – китаец питает отвращение к мысли о всяком преобразовании, тем более если непрошеным реформатором является "заморский черт", как в Китае величают европейца. На него здесь смотрят со смешанным чувством любопытства, презрения, удивляясь и не думая приравнивать к себе». Признавая практическую смекалку чужаков, жители имперского Китая не верили, что в чужой стране лучше, например, государственный строй, справедливее суд, глубже философия. С веками консерватизм китайцев перешел в настоящую косность. Преклоняясь перед стариной, они стремились найти в ней советы для настоящего и даже будущего. Жизнь упорно опровергала конфуцианские догмы, чему образованный человек находил объяснение... в тех же старых книгах: мысли древних рассчитаны на вечность, а мелкие отклонения преходящи, поэтому не стоит обращать на них внимания.

Площадь Тяньаньмынь

Сегодняшние китайцы не напрасно называют Тяньаньмынь сердцем своей страны. Раскинувшийся на 440 тысячах м2 участок в центре Пекина является самой большой в мире городской площадью. Ее архитектура, представленная на гербе Китайской народной стала символом свободного государства. республики, Горожан приводят патриотические чувства, а иностранцами в большей степени движет любопытство. Однако и те и другие готовы пожертвовать утренним сном ради того, чтобы присутствовать на церемонии поднятия флага, ежедневно совершающейся на восходе солнца. Полюбовавшись на знамя, туристы направляются в мавзолей Мао Цзэдуна, где, как правило, часами стоят в длинной очереди. Главную площадь китайской столицы окружают величественные здания Музея китайской истории и Музея китайской революции. Здесь же находится Дом парламента всекитайского собрания народных представителей, подобно общественным заведениям Пекина, открытый для широкой публики.

Осенью Тяньаньмынь покоряет романтичной атмосферой старины, которую создают парящие над ней воздушные змеи. Огромное ровное пространство площади прекрасно подходит для устройства этой старинной китайской забавы. Вечером ритуал у древка флага повторяется в обратном порядке: государственный стяг медленно спускается вниз, вновь собирая вокруг себя толпы людей.

Площадь Тяньаньмынь

В эпоху Мин площадь Тяньаньмынь была обнесена крепостной стеной и являлась

своего рода административным центром. На ней, как и сегодня, размещались здания министерств обороны, финансов, строительства и ремесел, а также весьма почтенное ведомство, чиновники которого писали программы всех государственных церемоний. В старом Китае строго по правилам совершались и торжественные, и будничные ритуалы. Императорские указы в определенный день и час приносила народу птица феникс: ее позолоченное изображение опускали с высоты ворот Тяньаньмынь, вложив в клюв свиток с документом.

Оформление единственного прохода в Запретный город признается одним из лучших образцов древнего китайского зодчества. Непримечательные по форме, ворота Тяньаньмынь совершенно уникальны в пропорциях. Монументальная стена, легкая деревянная галерея и сверкающая желтой черепицей двухъярусная крыша отделяются от площади каналом, составляя единый гармоничный ансамбль. Путь к воротам лежит через любой из 5 переходов Моста золотой воды. Столько же арок имеется в стене, однако в Императорский дворец можно пройти только через самую высокую из них, представляющую собой туннель, устроенный в 20-метровой толще стены. С высоты и ворота, и мостики выглядят парящими из-за стилизованных скульптурных облаков.

Исторически значимая площадь Тяньаньмынь богата революционными традициями, о которых напоминают трибуны, вошедшие в древний архитектурный ансамбль после событий 1949 года. Через десятилетие напротив ворот был воздвигнут памятник в честь героев, в разное время погибших в борьбе за республику. На одной стороне монумента золотом выгравировано изречение Мао Цзэдуна, а пьедестал оформлен 8 мраморными рельефами, где изображены подвиги героев народной революции. Скульптура выполнялась группой ваятелей под руководством Лю Кайцю, который лично исполнил триптих, составив цельное произведение из композиций «Освободительная армия переходит Янцзы», «Помощь крестьян фронту», «Народ встречает воинов-освободителей». Автор скульптурной картины «Противоопиумное восстание» сумел достигнуть ритма в построении фигур, талантливо отразив пафос народного восстания.

Динамичные образы композиций «Студенческое движение 30 мая» и «Восстание крестьян» позволяют отнести памятник на площади Тяньаньмынь к самым удачным попыткам создания масштабной скульптуры. Необычность работы состояла в том, что рельефы создавались непосредственно на площадке. В Пекине зимой холодно, поэтому обелиск, окруженный крытой галереей с деревянным полом, обогревался железной печью, и скульпторы могли работать в любую погоду. Пользуясь гипсовыми моделями, мраморщики высекали фигуры прямо на месте, под непосредственным наблюдением и при участии авторов. Обновленная, но не утратившая древней красоты площадь Тяньаньмынь стала характерным примером подчинения традиционной архитектуры общественным задачам, возникшим в ходе культурной революции. Через 15 лет после связанных с ней преобразований китайские коммунисты признали, что все эти годы были потрачены на «смуту, вызванную сверху по вине руководителя и использованную контрреволюционными группировками, принесшую серьезные бедствия партии, государству и всему народу».

Янь Хань. Конфискация дома

Давно задуманная Мао Цзэдуном кампания началась в мае 1966 года с закрытия всех учебных заведений. Вместо занятий учащиеся и студенты ринулись на воплощение в жизнь идей Великого кормчего, мечтавшего увидеть Китай без профессоров, школьных учителей, деятелей искусства и литературы, а также без видных партийных и государственных работников. Граждан, относившихся к перечисленным категориям, выводили на «суд масс» в шутовских колпаках, избивали, подвергали глумлениям. Одновременно продолжалось раздувание культа личности Мао Цзэдуна.

Для подавления оппозиционных сил использовалась политически незрелая молодежь, объединенная в штурмовые отряды «красных охранников» (кит. хунвэйбин). Первые такие команды появились в конце мая 1966 года в средней школе при пекинском университете Цинхуа. Распаленные коммунистическими идеями и вседозволенностью юные стражи устремились на улицы Пекина, чтобы убивать людей, производить обыски и лишать горожан имущества. Только за месяц после начала революции из столицы и других крупных городов Китая было изгнано около 400 тысяч человек. Жертвами репрессий стали известные ученые, литераторы, художники. В схватках с хунвэйбинами погибли знаменитые писатели Лао Шэ и Чжао Шули.

В очередной раз Китай превратился в государство, где царил хаос и правил террор. Социальная трагедия дополнилась упадком экономики, подорванной бессмысленными кампаниями, подобными всеобщему уничтожению воробьев, якобы сверх меры вредивших сельскому хозяйству. Возможно, люди не осознавали трагичности происходящего или боялись, но первые серьезные признаки недовольства проявились лишь весной 1976 года.

Чжао Цзунцзяо. Идут на собрание

Во время траурной церемонии, посвященной памяти одного из лидеров партии, произошли массовые выступления на площади Тяньаньмынь. Со смертью самого Мао Цзэдуна, последующим арестом и устранением его сторонников завершилась кампания, причинившая столько горя многострадальному народу Китая. Тогда же начался новый, спокойный и действительно культурный этап развития страны. Любимый народом председатель Мао скончался в сентябре 1976 года и, как самый знаменитый деятель Китая, нашел покой в гигантском мавзолее. Невиданных размеров усыпальница была построена недалеко от памятника народным героям и по древней традиции располагалась по оси север-юг. Тем не менее из противоречия коммунисты положили своего кумира головой на север, а не на юг, как полагалось по обычаю. Внутреннее устройство гробницы, во многом интерьер московского мавзолея, превосходило его в рациональности. повторяя Проектировщики ориентировались на русский образец, помня, что в здании предполагается разместить не только гроб, но и выставки, посвященные жизни Мао Цзэдуна и других лидеров народной революции.

Пекинская мозаика

Жители Китая всегда оберегали достояние прошлого с тем же энтузиазмом, с каким создавали новое. К счастью, революционный пыл не затмил в китайцах эстетического

начала. В новом Пекине сооружения возникали с удивительной быстротой, хотя строились по-старинному, без спешки, в сжатые сроки и на высоком качественном уровне. Молодое поколение унаследовало от предков репутацию отличных архитекторов. Те, кто недавно сражался на баррикадах, сумели быстро создать другой мир и буквально за десяток лет привыкли к ровным, обсаженным деревьями улицам, где можно было легко дышать и свободно двигаться. Обновленная столица покрылась сетью широких асфальтовых трасс, на которых одинаково комфортно чувствовали себя автомобили, велосипедисты и архаичные рикши.

В начале 1950-х годов пекинские улицы заполонили толпы спешащих пешеходов, нескончаемые потоки велосипедистов, повозки, застекленные в мелкую клетку, скрывавшие внутри ребят, направлявшихся в детские сады. Пронзительные звонки, громкие выкрики погонщиков, споры продавцов и покупателей веселым шумом оживляли старые кварталы.

В столице тогда еще встречались двухколесные тележки, влачимые осликами либо мужчинами, чьи обнаженные, блестящие от пота тела привлекали взгляды не меньше, чем лакированные автомобили. Не каждый европеец мог позволить себе сесть в коляску, которую вез человек, но передвигаться по городу таким образом было спокойнее и дешевле. Необычное даже для Востока транспортное средство существовало в Китае с 1874 года, когда французский торговец Менард привез из Японии в Шанхай 30 колясок на легких деревянных колесах.

Рикши с ручными колясками

Мотоколяска

Набранная им команда из местных кули, за мизерную плату согласившихся возить на себе людей, вскоре превратилась в преуспевающую компанию. Затем такие же возникли в других районах страны, а рикши (япон. дзинрикися) надолго стали самым популярным транспортом. На рубеже веков в крупных китайских городах обитало немало нищих и голодных. В пору безвластия деревни разорялись, и люди искали счастья в столице, но, не имея возможности найти другую работу, были вынуждены впрягаться в коляски.

Многие из них раньше работали на помещичьих полях от зари до зари, получая за тяжелую работу ночлег на дырявой циновке и чашку лукового супа. Рикшам за подобный труд платили деньгами, но судьба городского возчика была не легче крестьянской доли. Будучи представителями низших сословий, они терпели притеснения, не справлялись с недобросовестным клиентом, особенно если тот угрожал кинжалом или тяжелыми башмаками. Жандармы нередко забирали коляски, а потом требовали в качестве выкупа «много лян серебра», избивая непокорных резиновыми дубинками со стальными наконечниками. В народе говорили, что «легче подняться на небо, чем устроить жизнь в Пекине». Многие из рикш не могли позволить себе жениться; старые извозчики зарабатывали мало, поскольку, не имея сил бежать, медленно тащились под возмущенные крики седоков.

С приходом к власти коммунистов рикши стали полноправными членами общества. Постепенно заменяя ручные коляски велокебами, они составляли серьезную конкуренцию таким современным видам транспорта, как автобусы, трамваи или такси. В первые годы республики население столицы обслуживали около 100 тысяч извозчиков, однако большинство из них давно распрощались с молодостью.

Жилые кварталы Пекина, 1950-е годы

Зимой 1956 года, когда власти решили избавить город от пеших рикш, владельцы свезли свои старые коляски в назначенное место, получив полную компенсацию даже за ветхие драндулеты. Вскоре после этого в Пекине появился более современный вид повозок — мотоколяски, с успехом решавшие транспортную проблему вплоть до конца столетия.

В 1950—1952 годах перестали существовать старые городские стены, воплощавшие в себе традиционную культуру Китая. Приказав их разрушить, власти Пекина объяснили столь непопулярный шаг необходимостью решения дорожной проблемы. Новые районы Пекина тогда чередовались с исторической застройкой. Пыльные кривые улочки старых кварталов не подходили, например, для автомобилей: машины царапали крыльями стены, а при встрече одна из них двигалась назад до перекрестка или маленькой площади. Проезжать по тесным улицам можно было только медленно, особенно по вечерам, поскольку красивые фонарики не давали много света.

Сравнительно широкие пространства между домами открывались взгляду постепенно, одно за другим, словно не желая раскрывать чужаку жизнь исконных обитателей. Именно в таких местах взору представали образы со старинных гравюр: затерявшийся в ночи одинокий путник, мерцающие огоньки за мутными стеклами, плотно закрытые двери домов, выгнутые мосты над каналами. Тесные проулки резко сворачивали в сторону, скрещивались, терялись в тупиках, бесконечно кружась, вытекали один из другого. Высокие глухие стены прерывались глубокими входами, исполненными в виде скромных проемов или украшенных причудливой керамической крышей с загнутыми кверху краями. Каждый домовладелец старался поставить у входа в жилище символического охранника в виде статуи чудовища или более привычного, по-китайски стилизованного льва.

Торжественная тишина старых пекинских улиц с уютными двориками, дворцами и буддийскими пагодами постепенно переходила в безмолвие парков. За несколько веков существования туи и кедры в царских садах превратились в великанов, которые только теперь стали гармонировать со стройными колоннами павильонов. Неотъемлемую часть прекрасных парковых пейзажей составляют причудливой формы беседки и белокаменные мосты с резными балюстрадами. Превращенные в музеи древние постройки, к сожалению, утратили тайну, хотя и не перестали быть произведениями искусства. Восстановленные

умелыми руками реставраторов, они прекрасно сохранились и сегодня еще ярче представляют свою драгоценную красоту.

В преддверии Олимпиады-2008 Пекин переживает очередную масштабную перестройку. На сей раз итогом модернизации стало второе транспортное кольцо, возникшее на месте уничтоженных крепостных стен и в плане повторившее их контуры. В пределах строительной площадки оказались и старые здания, которые на местном диалекте обозначались словом «хутун». Вместо ветхих домиков жители и гости столицы получили автобусы, троллейбусы и 2 линии метро. Однако подземные поезда вначале использовались не в полном объеме, ведь плата за удобный проезд была настолько высока, что многие предпочитали такси.

Современный Пекин

Вывески с иероглифами

Являясь относительно дешевым видом транспорта, общественные автомобили предпочтительнее для тех, кто знает хотя бы несколько слов по-китайски. Обязательный и радушный пекинский таксист, увы, не столь образован, поэтому, не уяснив объяснений на чужом языке, он вполне может отвезти клиента по своему разумению. Утешает лишь то, что в конце путешествия он непременно сверится со счетчиком и не потребует чаевых, видимо, помня о принципах социализма.

С превращением древнего Пекина в мегаполис исконную культуру Китая стали представлять чайные, куда жители и гости столицы приходят не только утолить жажду, но и насладиться искусством чаепития. Каждое из заведений под общим названием «Цинчагуань» запоминается своеобразным интерьером, видом мебели, костюмами официантов, сохраняя единство в доброжелательном отношении к гостям. Ритуал заваривания чая проходит под звуки музыки, исполняемой на древнем инструменте чжэн. К моменту вкушения напитка обычно наступает тишина, а потом завязывается беседа, изысканная и глубокая, как вкус настоящего китайского чая.

В чайных типа Шучагуань отдых соединяется с развлекательной программой. В старину хозяева таких заведений давали приют бродячим артистам; выступая перед гостями в качестве платы за постой, они рассказывали сказки, пели, разыгрывали музыкальные спектакли, невольно выступая распространителями местной культуры. Примерно те же задачи ставят перед собой владельцы современных Шучагуань. Наибольшей популярностью у пекинцев пользуется чайная Лаошэ, где по-домашнему уютно, шумно и весело. Здесь можно лично исполнить чайный ритуал и пообедать, наблюдая за происходящим на сцене.

Высокая культура музыки и танца в Китае существовала со времен династии Чжоу. В эпоху Враждующих царств использовалось около 80 видов музыкальных инструментов. Можно предположить, что оркестр того времени состоял из предметов, похожих на те, которые были обнаружены в могиле князя Цзэн: больших колоколов, барабанов из кости, горизонтальных и вертикальных бамбуковых флейт, 7-струнного щипкового инструмента под названием «цинь», подобного ему сэ с 20 струнами и язычкового шэн. На археологов

сильное впечатление произвела группа ударных из 65 колоколов, искусно выполненных и мастерски подобранных в единый ансамбль.

Период расцвета музыкальной культуры пришелся на эпохи Суй и Тан, когда появилась иная, изысканная светская музыка, существенно отличавшаяся от известных ранее народных и культовых мелодий. Главным достижением этой воистину золотой эры стал дацюй — театрализованное представление, в котором органично соединились инструментальная музыка, вокал и танец. Впоследствии спектакли дацюй, сильно ограниченные дворцовым этикетом, сменились на простые, но более динамичные оперу и музыкальные баллады, также имевшие народные истоки. Начиная с XIV века инструментальная музыка с пением стала характерной чертой полноценной оперы, уже тогда делившейся на формы, возникавшие в той или иной местности. К ним принадлежали, например, юйцзюй (хэнаньская опера), чуаньцзюй (сычуанская опера), тибетская опера. Наиболее представительной и весьма популярной в народе всегда была пекинская опера.

Китайский музыкальный театр заключает в себе различные элементы местной культуры. Помимо инструментального сопровождения и вокала, в нем присутствуют акробатика, пантомима, боевые искусства, живопись и каллиграфия. И в старину, и в наше время оперные артисты строго следуют традиции. Действие в таких спектаклях не ограничено ни во времени, ни в пространстве.

Подобно всем восточным народам, на сцене китайцы широко используют символику и условное отображение каких-либо реальных событий. Специальными движениями изображается вход и выход из дома, подъем или спуск по лестнице, переправа через реку. Езда в повозке представляется статистами, держащими в руках бутафорские колеса; беготня по сцене с плетью в руке означает скачку верхом; хождение по кругу — путешествие. Искушенному зрителю не представляет труда догадаться, что актер с веслом, приседающий посреди пустой сцены, изображает плавание в лодке.

В традиционной пекинской опере музыка и танец являются основными элементами спектакля, поэтому в ней практически отсутствуют декорации либо иной антураж, отчасти затмевающий действо. Обстановка, в которой происходит действие, создается исключительно действиями актеров, причем эффект достигается более сильный, чем при наличии бутафории.

Пекинская опера обрела известность в середине XVII века, когда Пекин уже давно был столицей империи. В отличие от местных разновидностей, она рассматривалась в качестве общенациональной, видимо потому что соединяла в себе костюмы, грим и мелодии различных районов. Прежде чем достичь зрелости этот вид искусства прославился своими отточенными, своеобразными и по-настоящему красивыми приемами вокала и танца, непременно включающего в себя воинские упражнения.

Вокальная часть пекинской оперы состоит из песен, стихотворных речитативов – отличительной черты серьезных персонажей и разговорной речи, присущей молодым героям и комикам. В оркестре лидируют гонги и барабаны; широко используются трещотки из дерева или бамбука. В качестве дирижера выступает барабанщик, который в зависимости от сценария издает различные по тону и громкости звуки: резкие, тихие, мягкие, эмоциональные, сентиментальные. Довольно сложные мотивы песен изначально были заимствованы из народных мелодий провинций Анхой, Хубэй и Шэньси.

Все роли в пекинской опере разделяются на амплуа; героини обычно называются дань, а персонажи-мужчины — шэн. К последним относятся комики (чоу), выступающие с белым пятном на лице. Второстепенные мужские роли распределяются свободно, причем самые сильные, непременно грубоватые или злобные герои именуются цзин, что в переводе с китайского означает «раскрашенное лицо». Кроме того, роли в обязательном порядке делятся на классы по возрасту, индивидуальности, стилю и правилам поведения в рамках каждого амплуа.

Традиционный репертуар заключает в себе более 1000 сюжетов, из которых примерно пятая часть представляется на современных подмостках. Среди них особым вниманием

зрителей пользуются такие пьесы, как «Хитрость с пустой крепостью», «Собрание героев», «Месть рыбака», «Тройная развилка», «Дебош в небесном дворце». В последнем Царь обезьян съедает персики бессмертия Нефритового императора и затем, исполненный божественной силы, с легкостью побеждает небесное воинство.

Появлению традиционного танца китайцы обязаны правителям династии Чжоу, которые весьма оригинально приносили жертвы. Символические телодвижения жрецов, ритмичная музыка, роскошные костюмы постепенно перешли из храмов во дворцы, где в ту пору проходили массовые музыкальные спектакли. Одно из таких представлений описано в «Девяти одах» великого поэта Цюй Юаня.

Персонажи китайского театра теней. Танец Царя обезьян, быка-демона и принцессы Банановый веер из пьесы «Огненная гора»

«Золотая эпоха» Тан в отношении музыкальной культуры характеризуется слиянием танца и вокала в одно пышное зрелище. Популярные народные мелодии составили основу знаменитого спектакля «Разноцветные юбки и блузы, украшенные перьями», исполнявшегося как при дворе владыки, так и во многих аристократических домах. При династиях Сун и Юань профессиональный китайский театр занял место самодеятельных представлений, однако народный танец остался по-прежнему любимым, популярным и сегодня занимает почетное место в своеобразном искусстве Китая.

Нынешние китайцы любят проводить выходные дни за городом, поэтому чайные, аналогичные пекинским, появились и в окрестностях столицы, вблизи музеев под открытым небом или просто в живописных уголках. Порой скромные интерьеры пригородных чайных привлекают гостей больше, чем пышные городские павильоны. В Пекине выпить хорошего чая можно повсюду. Невероятное количество чайных составляет одну из примет китайского общества, бережно сохраняющего свои интересы, пристрастия и вкусы. Население бывшей Поднебесной охотно сменило тип государства, не пожелав отказаться от древних традиций. Несмотря на стремительные трансформации буквально во всем, осталось неизменным желание китайцев наслаждаться жизнью, приобщаясь к искусству в обществе близких по духу людей.

Вечный иероглиф

Торговые улицы старого Пекина, где располагается большинство традиционных чайных, имеют неповторимый облик благодаря цветной графике вывесок. Крупные иероглифы написаны смелой и выразительной кистью, на разнообразных, но обязательно ярких полях, контрастирующих с красным и черным цветом значков. Китайцы развешивают вывески как по вертикали, так и по горизонтали стен, иногда помещая тексты непосредственно на окна магазинов. Подобно флагам, захватывая пространство между домами, такие плакаты придают своеобразие не только определенным улицам, но и всему городу.

В отсутствие алфавита каждое понятие в китайском языке выражается особыми знаками — отдельными иероглифами либо их сочетанием. Современная иероглифика сложилась из рисуночного письма, или пиктографии, где использовались знаки, отражавшие форму различных предметов и явлений. Постепенно усложняясь, рисунки сначала превратились в схемы, а затем выстроились в систему идеографического письма, в котором каждый знак передавал идею, которая касалась обозначаемой вещи. Общее количество китайских иероглифов доходит до 90 тысяч, что объясняется их изобретением различными авторами и постепенным накоплением в словарях. Составлением иероглифов особенно славились ученые эпохи Сун. Многие из словарных знаков употреблялись только теми, кто их придумал, навсегда оставшись своеобразной визитной карточкой какого-либо известного литератора.

В древних текстах использовалось не больше 10 тысяч иероглифов. Малообразованному китайцу для чтения и простого письма было достаточно 2 тысяч символов, тогда как будущим чиновникам для изучения трудов Конфуция требовалось знать не менее 7 тысяч. Китайские иероглифы очень трудны в написании. Каждый знак состоит из нескольких (от 1 до 52) коротких линий, однако самые употребляемые из них имеют в среднем до 11 штрихов. Неудивительно, что для овладения столь трудным письмом требуется невероятное напряжение памяти.

В средневековом Китае бытовала поговорка «Почерк – это картина души». Трудно не согласиться, что начертанные на бумаге знаки, буквы, линии отражают характер человека, нередко обнаруживая его мысли и чувства. Возможно, поэтому каллиграфия приравнивалась к таким изысканным видам творчества, как поэзия и живопись, а виртуозно владевший кистью человек пользовался всеобщим уважением. Китайцы относили каллиграфию к главным видам искусства, в число которых входили дворцовый этикет, музыка, стрельба из лука, выездка и счет. Изящно написанные сложные иероглифы вызывали чувство благоговения, особенно у малограмотных жителей империи. Умение красиво выражать свои мысли напоминало мастерство поэта, ведь небрежно записанные стихи не могли бы донести до читателя авторский замысел. То же касалось и художников, которые всегда дополняли картины столбцами иероглифов, чем разъясняли содержание или выражали главную мысль произведения.

Ян Шихой. Подставка для руки каллиграфа. Рельеф из слоновой кости, 1950 год

Прославленные каллиграфы были одновременно и литераторами, и живописцами. Китайские ученые, вельможи, чиновники наряду с сюжетными композициями украшали стены своих домов работами каллиграфов. Раньше знаменитые мастера писали вывески для магазинов; некоторые реликвии хранятся в семьях торговцев по 300–500 лет.

Каллиграфический почерк вырабатывался путем многолетних занятий и в немалой степени зависел от гибкости рук. Писцы, как и художники, в свободное время перебирали правой рукой два шарика диаметром 1–2 см, не давая отдыха пальцам. Преклонение перед письменными знаками порой доходило до мистики, о чем свидетельствуют слова писателя Лу Синя: «Письменность принадлежала только привилегированным классам и была освящена таинственностью». В китайском обществе веками нагнеталась мысль о том, что только письменность способна открыть человеку глаза на мироздание, сделать его мудрым и даже святым, правда только в глазах неграмотных.

В крупных городах страны ненужные свитки с напечатанными иероглифами собирались в специальные ящики. Измельченная до тонких полосок бумага торжественно сжигалась с одобрения и под контролем служителей культа. Еще большее почтение китайцы испытывали к знакам, написанным от руки, ведь многие верили, что они оказывают лечебное действие. Согласно Конфуцию, наступить на исписанные листы либо завернуть в них покупки означало выразить неуважение к автору текста и учености в целом. В эпоху Цин сложность местного языка считалась доказательством его превосходства. Маньчжурские

вельможи не видели разницы в понятиях «говорить по-китайски» и «выражаться почеловечески». Никого не удивляло, если иностранец общался с жителем Поднебесной на его родном языке; в противном случае полагалось, что чужак вообще не умеет разговаривать. Один русский путешественник сравнивал китайский язык с Великой стеной, называя их одинаковыми по мощи преградами, замыкающими в себе страну и весь народ.

Иероглифы писались кисточками, лучшие из которых были сделаны из шерсти лисицы или соболя. Для изготовления более дешевых инструментов использовался шерстный покров кошек, оленей, зайцев, овец или перья редких птиц. Пушистый наконечник кисти крепко перевязывался ниткой и после закрепления канифолью вставлялся в прорезь бамбуковой палочки. Для сохранности его прикрывали крошечным футляром. Готовая кисточка имела конусообразную форму; ее ручка часто украшалась вкраплениями золота или серебра, нефрита, хрусталя, глазури, оформлялась пластинками из панциря черепахи, рога носорога, слоновой кости.

Восхищаясь блеском драгоценных камней, китайцы относили к главным сокровищам библиотеку, бумагу и кисточку с емкостью для туши. Разбогатев, образованный пекинец в первую очередь устраивал себе кабинет, где бережно хранил классические труды. Заполненные книгами шкафы вместе со столом и писчими принадлежностями считались признаком учености, а следовательно, и мудрости, ведь через литературу человек обращался за советом к философам древности.

Китайская тушь представляла собой смесь клея и сажи. Последнюю добывали с помощью сжигания определенного вида масла, тогда как клей приготовлялся из оленьей или коровьей кожи. Во избежание порчи и придания блеска его разбавляли яичным желтком, мускусом, соком тропических растений. Тщательно перемешанную массу укладывали в деревянную форму, в итоге получая так называемую тушь в кусках. Такое вещество употреблялось не только для письма. Его использовали в печатном деле и живописи, им маляры окрашивали стены дворцов, а женщины – брови. Каллиграфы наливали жидкую тушь в специальный сосуд, вырезанный из особого вида камня в форме прямоугольной плитки с двумя углублениями: для воды и туши. Драгоценные тушечницы помещались в футляры из дорогих пород дерева – сандала или груши.

Являясь банальным письменным прибором, тушечница в китайском представлении обладала магической силой, поэтому должна была принадлежать только одному, обязательно грамотному человеку. Первые сосуды подобного рода появились в Китае более 6 тысяч лет назад. В период Хань на каменных тушечницах выполнялись рельефные рисунки, и обычная баночка для краски постепенно преображалась в произведение искусства. Писать быстро, правильно, красиво умели немногие. Для столь тонкой работы требовались способности и многолетний опыт. Собственно каллиграфия, а также все относящиеся к ней вещи являлись объектом своеобразного культа. Их возвеличивание еще в XI веке отметил поэт Су Цзымэй, сказав, что «светлое окно, чистый стол, прекрасная кисть, тушь, бумага и тушечница доставляют эстетическое наслаждение».

Искусство души

Для каждого китайского художника настоящая живопись ассоциируется с эпохой Тан, когда создавались тонкие и вдумчивые портреты, фантастические по красоте ландшафты, редкие жанровые сцены с простым сюжетом и небольшим числом героев. В работах танских мастеров мотивы природы явно преобладали над изображением человека: парящие птицы, ветки дерева мэйхуа, цветы, трепетный тростник, стройный бамбук чаще рисовались на фоне гор. Средневековые живописцы Китая писали картины цветной тушью на бумаге и шелке, предпочитая коричнево-золотистые тона с едва заметным включением других цветов. Изредка на полотнах того времени встречалась монохромная гамма — мерцающие серебристо-серые оттенки на белом поле. Избравший такую технику мастер оставлял значительную часть листа неокрашенной, включая в композицию ее чистоту наряду с

пейзажем и фигурами.

Автор старинной книги «Заметки о знаменитых художниках» восторженно отзывался о коллегах, видя цель живописи в том, чтобы «...показав хорошее, удержать людей от зла и, показав зло, заставить людей задуматься о добродетели». Мастер Ли Чжаодао, автор знаменитой композиции «Дворец в Лояне», создавал на шелке эффектные по исполнению и глубокие по смыслу пейзажи. Его работы отличает яркая палитра, дополненная золотыми линиями контура. Мастера китайского Средневековья виртуозно владели рисунком, создавая картины, где сочность красок не противоречила четкости тонких линий. Позже такая живопись под названием «прилежная кисть» (кит. гун би) встречалась в творчестве многих местных художников.

Обычно немногословные китайцы выказывали в картинах любовь к родной стране, природе, людям и творениям человеческих рук. Обводя рисунок плавной линией, мастер эпохи Тан неслышно восхищался формой предмета или здания. Он передавал свой восторг по поводу каждой детали, отдавая особое предпочтение архитектурным комплексам, в частности паркам и дворцам. Работая на шелке или бумаге, художник располагал композиции на свитке вертикально (для украшения стен) или горизонтально (для рассматривания на столе). Тогда живописцы почти не использовали светотень, но благодаря выразительным линиям контура на многих рисунках была заметна объемность. Впечатление глубины помогали создавать такие приемы, как передача дымки тумана, а также членение композиции на множество планов. Используемые в средневековом Китае краски напоминали акварель и гуашь. При написании картин применялся прозрачный или плотный колер, но чаще только тушь, которую мастера выбирали за богатство оттенков.

Превосходным мастером жанровых сцен был Чжоу Фан, который предпочитал природе фигуры и лица своих современников. Его кисти, помимо портретов, принадлежат бытовые композиции с сюжетами, заимствованными из жизни знати. Ограниченный круг художественных образов не мешал мастеру выражать нечто большее, чем просто красивый антураж. Главная героиня Чжоу Фана — утонченная, далекая от обыденности женщина, возникала на картинах в виде придворной дамы, дочери вельможи или супруги высокого сановника. Именно такой предстает на одном из свитков знаменитая красавица Ян Гуйфэй, изображенная со слугами в дворцовом павильоне. Легкая светотень на колоннах свидетельствует о смелом нарушении традиций. Виртуозное мастерство автора, его стремление к простоте, ясности и выразительности заметны в сочетании красок: лиловые, розовые и зеленые тона одежды на золотистом фоне интерьера.

Все китайские императоры, имея обширный гарем, многих своих наложниц не видели, однако именно такими, оставшимися без внимания владыки женщинами чаще любовались потомки. «Лишние» девушки старались предстать перед господином хотя бы в виде портрета, нарисованного на шелке лучшим художником своего времени. Не отличаясь художественными достоинствами, подобные изображения были далеки от реализма, ведь красавицы подкупали мастера, и тот приукрашивал их лица, румянил щеки, увеличивал глаза, затуманивая взгляд, чтобы показать грусть влюбленной и несправедливо забытой наложницы. Благодаря парадным портретам можно составить мнение об идеале красоты в средневековом Китае. Изящные, печальные, белолицые женшины Поднебесной демонстрировали свои блестящие черные волосы, скрепленные шпильками в виде фениксов, подвешивая к каждой подвески-колокольчики. Некоторые обитательницы императорского гарема упомянуты в трудах китайских поэтов, но чаще о них складывались легенды. В городских кварталах ходили слухи о своенравной девушке, которая любила слушать звуки разрывающегося шелка. Порхающая ласточка (кит. Фэйянь) отличалась таким тонким станом, что во время танца на золотом блюде в саду ее привязывали за пояс ленточкой, чтобы не улетела. Здесь же обитала Ян Гуйфэй, самая красивая представительница рода Янов, сумевшая покорить сердце владыки.

Ван Вэй. Снежный пейзаж. Живопись на шелке, период Тан

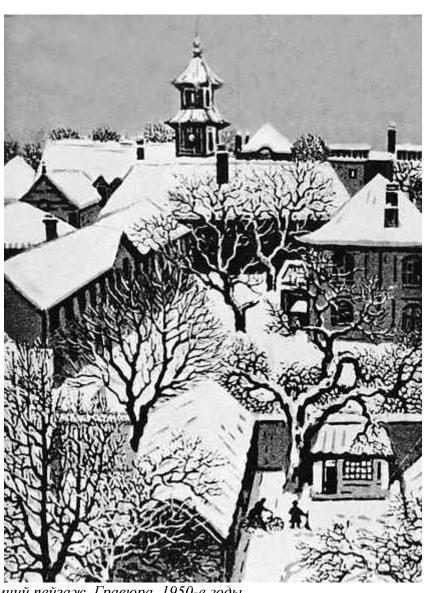
Некоторые историки именно ее обвиняют в гибели империи Тан, полагая, что «влюбленный не может быть хорошим правителем». Подобно другим девушкам, она имела свой каприз — сладкие плоды личи, произраставшие только в южных провинциях. Для того чтобы порадовать любимую, император приказал организовать курьерскую службу: каждый день на восходе солнца сотни всадников вставали на дороге затем, чтобы передать друг другу по цепочке корзинку с драгоценными фруктами. Чжоу Фан изобразил прекрасную наложницу в прозрачном платье в тот момент, когда она, выйдя из бассейна, отдает распоряжения слугам. Художник намеренно увеличил рост героини по сравнению со слугами, подчеркнув тем самым ее высокое общественное положение.

Выписывая детали с предельной точностью миниатюр или свободной кистью, мастера не выходили за рамки условного декоративного стиля. Тайна очарования живописи Тан заключается в композиции, вернее, в ее законченности. Важной составляющей творчества любого танского живописца были поэтичность, стремление к лаконизму формы, что касалось всех элементов картины, включая и природу, и фигуры. Однако главной загадкой является разнообразие ассоциаций, вызываемых даже мелким предметом или живым существом, которыми могли вдохновляться средневековые художники.

В начале XX века жизнь китайского общества определяли буржуазия и интеллигенция. Новые социальные группы не довольствовались старыми формами культуры и требовали того же от художников. Наиболее прогрессивные из них смело отходили от привычных схем,

используя в своем творчестве непосредственные впечатления. Знаменитые пекинские живописцы Ци Байши и Сюй Бейхун не стали решительно отвергать «устарелое» искусство, хотя в их творчестве особенно заметны реалистические приемы.

Художник Ци Байши создавал монохромные композиции, демонстрируя редкую для Китая свободу кисти и большой талант колориста. Познакомиться с его творчеством можно в пекинской мастерской по репродуцированию картин. Своеобразный музей под названием «Жунбаочжай» находится на старинной улице Люличан, где сосредоточены букинистические, антикварные и художественные салоны. Обычная старинная улица вначале ошеломляет суетой, базарным гулом, грудами безвкусных вещей, небрежно разбросанных по прилавкам. Однако среди пестрых безделиц неожиданно появляются чудесные вазы с изображениями драконов и птицы феникс, сервизы из тонкого фарфора. Только здесь спокойные лица даосских богов соседствуют с мордами фантастических чудовищ.

Ли Цюнь. Зимний пейзаж. Гравюра, 1950-е годы

Музей Сюй Бэйхуна

Двери в антикварные магазины не распахнуты, а плотно прикрыты, вероятно, для того, чтобы не улетучился дух древности. Истинный ценитель действительно ощутит его в ароматах благовоний, курящихся на жаркой печи даже летом. Продавцы встречают гостей у порога, приветствуют каждого покупателя с приторной вежливостью, низко кланяются, включают яркое освещение, после чего отходят в сторону, словно не ожидая, что те подойдут к ним с вопросом. В таком салоне можно находиться часами, можно внимательно рассматривать и держать в руках даже самые ценные вещи. Однако, решив приобрести дорогостоящий предмет, стоит обратить внимание на маркировку, то есть убедиться в отсутствии знака, запрещающего вывоз антиквариата за границу. Сегодня китайцы попрежнему дорожат своей историей, поэтому лучшие произведения искусства остаются в стране.

Репродукции с живописных работ Ци Байши размещаются в большом уютном помещении дома в самом конце улицы Люличан. Копии старинных картин настолько хороши, что сам автор с трудом отличил бы их от оригинала. Помимо свободной кисти, особенность манеры художника составляют поэтичные сюжеты, великолепная композиция, но главное — неповторимая палитра: густые сочные тона, нежные светлые оттенки, удивительная плавность в переходах от пастели к насыщенным темным цветам. В каждом произведении заметна легкость прикосновения кисти, необходимая для передачи живой формы. Стиль Ци Байши точно передан во всех репродукциях, которые по эстетическому воздействию не уступают подлинникам.

Сюй Бэйхун жил в старом квартале Пекина, на узкой улице Дуншоугу, где сегодня располагается его музей. Жилище художника почти не отличается от заурядного пекинского дома: легкие павильоны в замкнутых двориках, соединенных низкими круглыми проходами в толстых стенах. Жилые постройки до сих пор затеняют персиковые деревья; вид из окон ограничивается клумбами с популярными в Китае видами цветов. В одном из павильонов некогда находилась мастерская, а теперь стены продолговатой, скупо обставленной комнаты украшают картины. Значительное место среди работ Сюй Бэйхуна занимают рисунки,

исполненные тушью на удлиненном листе бумаги (кит. гохуа). Несложные по мотивам изображения – лошади с развевающимися гривами, ликующий петух, ястреб, задремавшие на берегу утки, крадущийся кот, ветка бамбука, могучие стволы деревьев, нежные цветы дикой сливы (кит. мэйхуа) – изумляют глубоким проникновением в тайну жизни и яркой декоративностью.

После культурной революции образцы традиционной китайской живописи сохранились только в столичных музеях. Ее возрождение началось в конце 1970-х годов с открытия художественных школ, а немного позже и высших учебных заведений, где изучались старинные техники и стили. Первым таким учреждением стала основанная в 1981 году Пекинская академия традиционной живописи.

В отличие от произведений высокого искусства изящные ювелирные украшения, фарфоровая посуда, глиняные фигурки и жанровые сцены, не считая популярных во всем мире лаков и резьбы по дереву, являются предметами, с которыми человек соприкасается в повседневной жизни. Именно в обыденных вещах заложено высокохудожественное чувство китайского народа, его стремление к прекрасному, желание гармонично соединить рациональность и красоту.

Эпохи, династии и государства на территории Китая

Культура Яншао – III тысячелетие до н. э., провинция Хэнань.

Государство Инь (Шань) – ІІ тысячелетие до н. э.

Государство и династия Западная Чжоу – 1027–771 годы до н. э.

Государство и династия Восточная Чжоу – 770–250 годы до н. э.

Эпоха Враждующих царств (Чжаньго) – 403–221 годы до н. э.

Империя и династия Цинь – 221–207 годы до н. э.

Государство и династия Западная Хань – 202 год до н. э. – 9 год н. э.

Новая династия (Синь) – 9–25 годы н. э.

Государство и династия Восточная Хань – 25–220 годы н. э.

Эпоха Троецарствия (Саньго) – 220–280 годы н. э.

Государство и династия Цзинь – 265–420 годы н. э.

Государство и династия Восточная Цзинь – 317–420 годы н. э., Южный Китай.

Государство и династия Северная Вэй (Тоба Вэй) – 386–535 годы, Северный Китай.

Династия Суй – 581–616 годы.

Династия Тан – 618–907 годы.

Государство киданей Ляо – 917–1125 годы, Северо-Восточный Китай.

Династия Сун – 960–1279 годы.

Государство чжурчжэней Цзинь – 1115–1234 годы, Северный и Северо-Восточный Китай.

Династия Юань – 1280–1368 годы, Монголия и Китай.

Династия Мин – 1368–1644 годы.

Период Ваньли – 1573–1619 годы.

Династия Цин – 1644–1911 годы, Маньчжурия и Китай.

Китайская республика – 1911–1949 годы.

Китайская Народная республика – с 1 октября 1949 года.

Иллюстрации с цветной вкладки

Три красавицы. Печатный лист, эпоха Цин

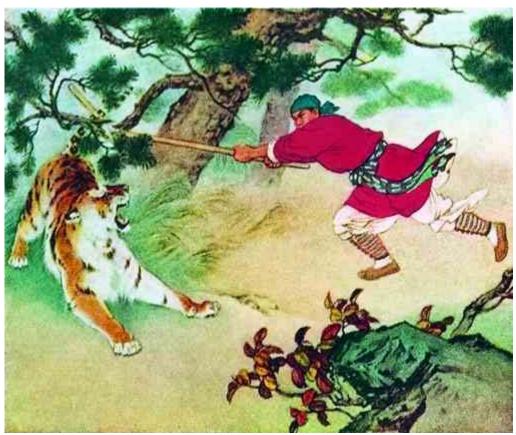
Чжоу Фан. Ян Гуйфэй после купания

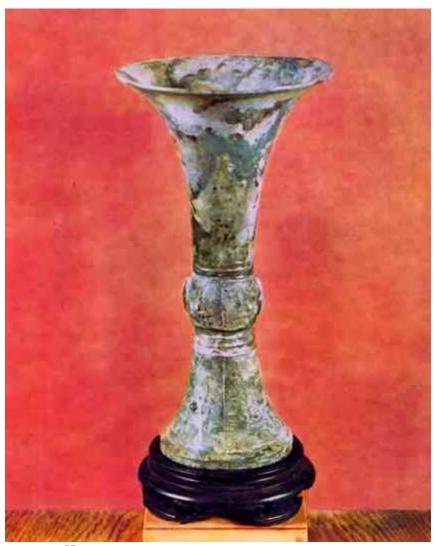
Портрет жены сановника, эпоха Цин

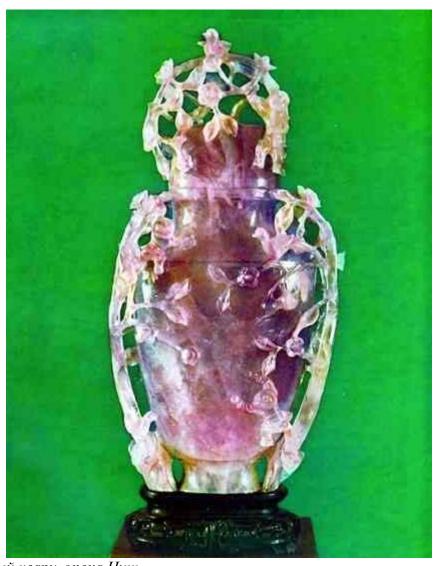
Тань Цзан. Цветы, фрагмент

Лю Цзию. У Сун убивает тигра

Кубок. Бронза, эпоха Цинь

Ваза. Розовый кварц, эпоха Цинь

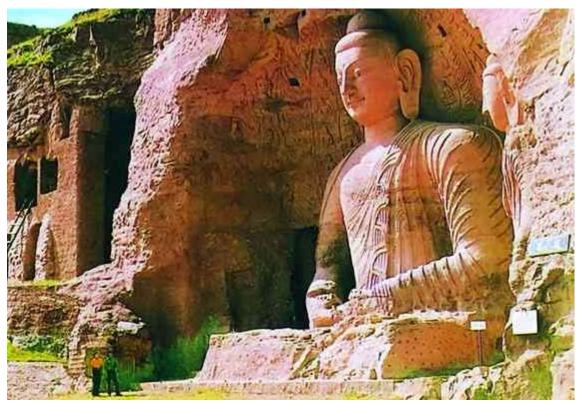
Встреча Нового года в богатом доме. Печатный лист, эпоха Цин

Ци Байши. Цикада

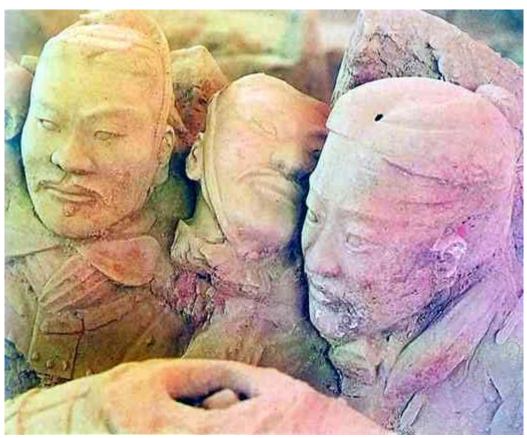
Сюй Бэйхун. Бамбук и петух

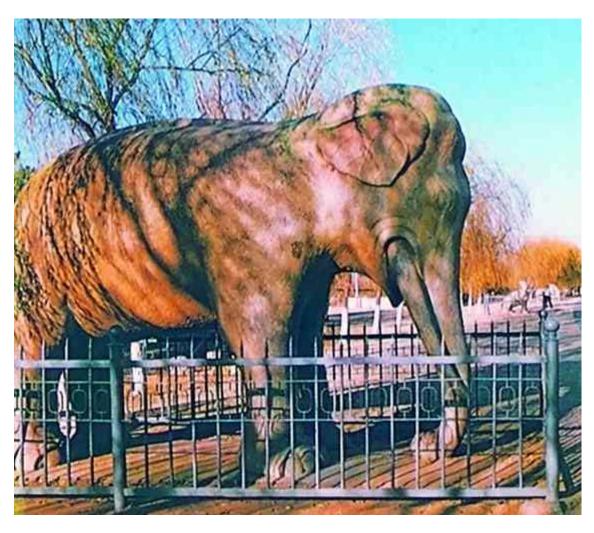
Сидящий Будда. Пещерная статуя, V век

Гробница Цинь Шихуанди

Статуи воинов. Фрагмент композиции. Терракота, эпоха Цинь

Статуя слона на дороге к Великой Китайской стене

Участок Великой Китайской стены

Внутренний двор Запретного города

Дворцовые павильоны

Бронзовые львы перед павильоном Запретного города

Чайная Лаоше

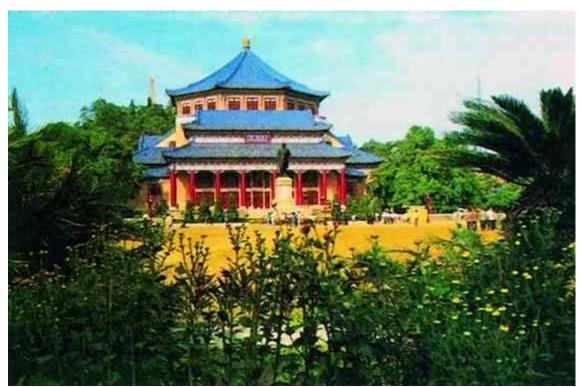
Каменный мост со статуями львов

Внутренние ворота в даосском храме

Парадные ворота в даосском храме

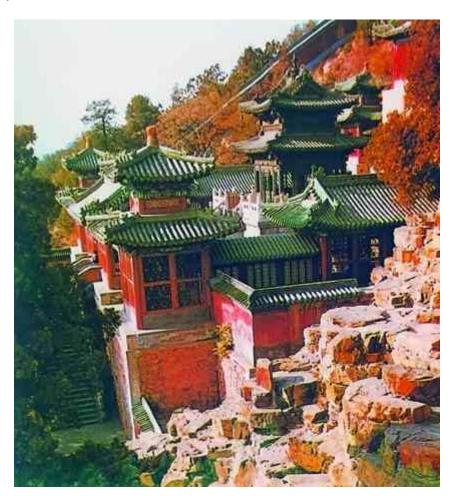
Мавзолей Сунь Ятсена

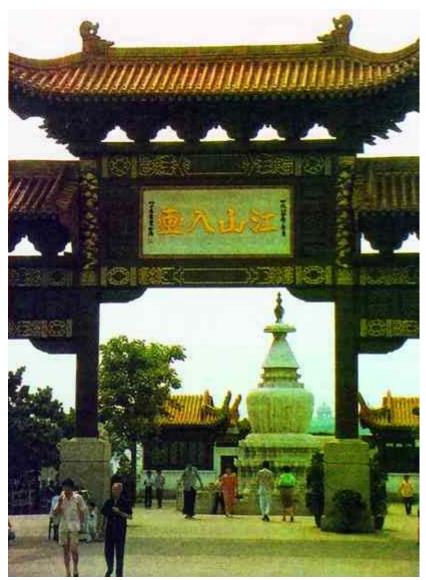

Средневековые постройки в центре Пекина

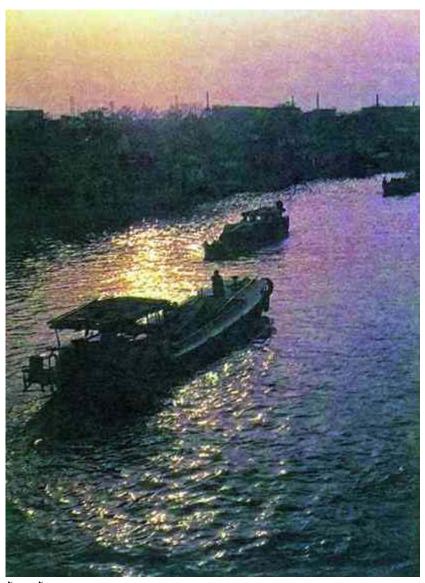

Руины дворца Юаньминюань

Мемориальные ворота в Пекине

Великий китайский канал

Представление традиционной оперы

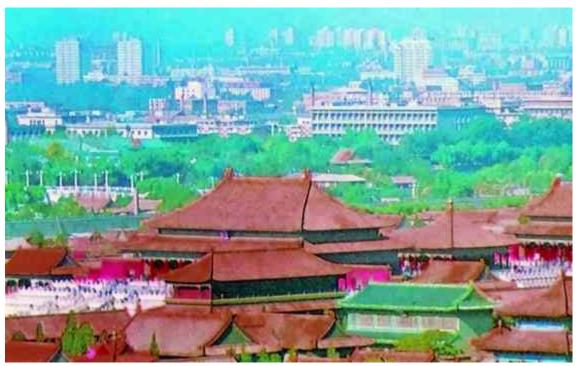

Лотки с сувенирами у Великой Китайской стены

Велорикша

Вид на Пекин с Угольной горы